

Богословско-историческая коллекция
Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России

Харлампович К.В.

КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ (1842-1907). ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Православная Богословская энциклопедия. Т.VIII.
СПб, 1907. Ст. 702-866

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Казанская духовная семинария
www.kazds.ru

Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru

Духовно-просветительский
центр «Иліотропіонъ»
<http://andreyblog.ru>

Москва, 2014

вольность казанских семинаристов бросались въ глаза даже прѣѣзжимъ, въ родѣ ревизоровъ.

Бѣдность казанскаго духовенства и семинаристовъ заставляла начальство изыскивать особыя средства для содержанія послѣднихъ. Лучшіе изъ нихъ получали вознагражденіе за исправленіе обязанностей лекторовъ языковъ и другихъ предметовъ, по временамъ поручавшихся имъ, а также за несеніе обязанностей по надзору за воспитанниками и за хозяйственною частью, въ качествѣ старшихъ корпусныхъ и квартирныхъ, сеніоровъ, ихъ помощниковъ, писмоводителей, аптекарей, подлекарей, комиссаровъ, дежурныхъ по кухнѣ и столовой, келейниковъ, пѣвчихъ, церковныхъ старостъ и пр. Немалымъ подспорьемъ для бѣднѣйшихъ семинаристовъ служило зачисленіе за ними священно-и церковнослужительскихъ мѣстъ въ городахъ и селахъ епархіи, по силѣ синодальныхъ указовъ 1770 и 1799 годовъ. Сборы съ нихъ денежные и ружные производили или сами ученики—„доходники“, или ихъ родные, или причты тѣхъ церквей. Этотъ способъ содержанія бѣдныхъ учениковъ былъ особенно въ ходу при преосвященномъ Амвросіи Протасовѣ (1816—1826 гг.) и Филаретѣ Амфитеатровѣ (1828—1836 гг.), при которыхъ такимъ образомъ содержались какъ наличные ученики, такъ и отпавленные для продолженія образованія въ Академіи, а также учителя, служители семинарскіе и училищные и престарѣлые и бѣдные священно-и церковнослужители. Но злоупотребленія имъ, состоявшія въ передачѣ, продажѣ, закладѣ мѣстъ, а равно въ частыхъ и долгихъ отлучкахъ для сбора доходовъ, повели къ тому, что преосвященные Іона Мавинскій (1826—1828 гг.) и Владиміръ Ужинскій (1836—1848 гг.) стали относиться къ зачисленію мѣстъ съ крайнею разборчивостію, а послѣдній въ 1842 г. и совсѣмъ отмѣнилъ его.—Кромѣ того въ пользу семинаристовъ обращались доходы съ праздныхъ церковнослужительскихъ мѣстъ, штрафы съ духовенства, а также частныя пожертвованія, доходившія порою до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Наиболѣе видными благотворителями были мѣстные архіереи, жертвовавшіе большія суммы лично отъ себя и располагавшіе и другихъ къ пожертвованіямъ. Въ 1822 г.

преосв. Амвросій разослалъ по училищамъ печатные подписные „листы для выписыванія именъ благотворителей, жертвующихъ въ пользу учениковъ, не имѣющихъ способовъ къ своему содержанію“. А преосв. Филаретъ въ 1829 г. основалъ при семинарскомъ правленіи „Комитетъ для призрѣнія бѣдныхъ учениковъ казанской Семинаріи и низшихъ подвѣдомыхъ оной училищъ“ и былъ первенствующимъ членомъ его съ ежегоднымъ взносомъ въ 500 р. Комитетъ этотъ, собравшій въ первый годъ 4844 р., а въ 1831 г. свыше 6500 р., оказывалъ помощь не только учившимся воспитанникамъ, но и окончившимъ, и этимъ еще болѣе закрѣплялъ характеризующую уставъ 1808 г. тѣсную связь между разными слоями духовенства и духовно-учебными заведеніями разныхъ ранговъ, начиная съ приходскихъ училищъ и кончая Академіями.

Литература. † *А. Благотѣщенскій*, Исторія казанской Дух. Семинаріи съ восемью низшими училищами за XVIII—XIX ст. (Казань, 1881 г., прилож. къ „Прав. Собесѣднику“ 1881—1883 гг.). † *А. Ф. Можаровскій*, Краткая историческая записка о каз. Дух. Семинаріи за ея полуторавѣковое существованіе (Каз., 1869 г.). Прот. *Н. Каменискій*, (нынѣ архіеп. Никаноръ), Краткая исторія каз. Дух. Семинаріи (К. 1884). См. также въ „Энци.“ VII, 818—820.

К. Харламовичъ.

Казанская Духовная Академія новая ¹⁾, 1842—1907 г. *1) Открытіе ея. Исторія помѣщеній.* Финансовыя и другія причины помѣшали открыть въ свое время каз. Академію по штатамъ 1808 г., но нужда въ ней скоро почувствовалась. Прежде всего оказалось неудобнымъ управлять изъ Москвы дух. школами всего востока Россіи, изъ которыхъ читинская находилась въ 12 тыс. верстъ. Запоздалая донесенія о ходѣ учебной жизни, рѣдкія ревизіи, перерывъ занятій на долгое время за несвоевременнымъ назначеніемъ учителей,—все это возбуждало вопросъ о созданіи новаго центра для 12 семинарій, 38 уѣздныхъ и 42 приходскихъ училищъ казанскаго учебнаго округа. Другимъ побужденіемъ къ тому было усилившееся какъ разъ въ это время религіозное движеніе среди инородцевъ востока, сопровождавшееся от-

¹⁾ О старой см. „Энци.“ VII, 791—820.

паденіемъ крещенныхъ въ магометанство и распространіемъ среди язычниковъ ламаизма. Московская же Академія была настолько чужда этимъ миссіонерскимъ, апологетико-подемическимъ интересамъ, что въ ней не преподавался даже татарскій языкъ, которому отведено было мѣсто въ старой казанской Академіи. Этими мотивами обусловилось синодальное опредѣленіе 25 мая 1842 г. объ открытіи въ Казани съ начала 1843^{1/2} уч. года Академіи, съ передачей въ ея завѣдываніе семинарій и училищъ, состоявшихъ тогда въ казанскомъ учебномъ округѣ, и съ порученіемъ ея правленію представить подробное соображеніе о томъ, какіе языки казанскихъ и сибирскихъ инородцевъ и въ какомъ объемѣ должны быть введены въ ея программу сообразно съ мѣстными потребностями. 6 июня 1843 г. это опредѣленіе и штатъ Академіи были утверждены императоромъ Николаемъ I. 21 сент. 1842 г. послѣдовало открытіе академическаго правленія, а 8 ноября, послѣ пріемныхъ экзаменовъ студентовъ, — торжественное открытіе Академіи и по учебной части. Читаніе лекцій началось 9 ноября 1842 г.

Для помѣщенія Академіи предполагалось снять въ аренду домъ Теренина на углу Петропавловскихъ улицы и переулка и уже закончены были переговоры съ владѣльцемъ, какъ вдругъ страшный пожаръ 24 авг. 1842 г. истребилъ лучшую часть города, домъ Теренина, Семинарію и въ послѣдней многія вещи, заготовленныя къ пріему академическихъ студентовъ. Такъ какъ казалось невозможнымъ найти для Академіи новое помѣщеніе, то архіеп. Владимиръ представлялъ объ отложеніи открытія ея года на четыре, пока не будетъ построено новое зданіе. Но Св. Синодъ съ оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ рѣшилъ не отступать предъ затрудненіями и временно помѣстить Академію въ Спасскомъ монастырѣ, въ кремлѣ. Здѣсь, въ большой тѣсотѣ, и размѣстились 30 студентовъ перваго курса. Засѣданія же правленія происходили въ зимнее ардіерейскомъ домѣ, гдѣ на первыхъ порахъ, пока не были приведены въ вѣкторій порядокъ монастырскія зданія, читалась и лекція. Лѣтомъ 1844 г., въ виду пріѣзда въ Казань студентовъ новаго академическаго курса, для

помѣщенія Академіи снятъ былъ обширный домъ Мельниковыхъ, гдѣ нынѣ „Щетивкинскіе Номера“ (Казанское подворье), на углу Проломной и Гостинодворской улицъ. Здѣсь свободно размѣстидись не только 60 студентовъ, но и наставники. Была даже устроена домовая церковь. Тутъ Академія помещалась 4 года, пока не перешла въ 1848 г. въ собственныя зданія на Арскомъ полѣ, противъ „Русской Швейцаріи“, гдѣ пребываетъ и доселѣ.

Въ данномъ мѣстѣ Академіи было нарѣзано 13.328 кв. сажень земли и здѣсь 8 мая 1845 г. была торжественно совершена закладка главнаго корпуса, въ который 28 июля 1848 г. и совершился переходъ Академіи. 8 ноября 1848 г. освящена была устроенная въ главномъ же корпусѣ домовая церковь во имя архистратига Михаила. Въ теченіе 1847—1849 гг. были выстроены два каменные двухэтажные флигеля для квартиръ наставниковъ Академіи, каменная стѣна вокругъ всего академическаго земельного участка, баня, холодныя постройки; службы при флигеляхъ закончены только въ 1853 г. Постройка и оборудованіе академическихъ зданій обошлись въ 115.890 р., на 4 т. р. дешевле смѣтной цѣны. Объясняется это тѣмъ, что постройка велась хозяйственнымъ образомъ, а строительный комитетъ отличался огромнымъ трудолюбіемъ, добросовѣстностью и опытностью.

Главный корпусъ имѣлъ размѣръ 31 саж. 2 арш. въ длину, 10 саж. 1 арш. въ ширину и 8 саж. въ высоту. Тѣмъ не менѣе уже въ 1855 г. возникъ вопросъ о расширеніи академическихъ зданій, въ виду расширенія бібліотеки. Рѣшеніе этого вопроса сдѣлалъ неотложнымъ новый уставъ Академіи 1869 г., увеличившій до 100 студентовъ первоначальный штатъ (въ 60 чел.). Въ 1871—1873 гг. были вчетверо увеличены флигеля, превратившіеся въ большіе корпусы (восточный и западный). Сюда изъ главнаго корпуса были переведены бібліотека, канцелярія, больница, квартира ректора; кромѣ того здѣсь же, — съ выселеніемъ на частныя квартиры наставниковъ, — были помѣщены секретарь и бібліотекарь съ ихъ помощниками и экономя. Въ восточномъ корпусѣ былъ устроенъ залъ для торжественныхъ собраній. Но заново отремонтиро-

важный въ 1871—1873 г. главный корпусъ скоро опять оказался недостаточнымъ для помѣщенія студентовъ, когда въ 1879 г. штатъ ихъ былъ доведенъ до 160 ч. Въ виду этого въ 1887—1889 г. сдѣланы были большія пристройки къ обѣимъ концамъ его. Наконецъ, въ 1905 г. выстроены были еще одинъ каменный корпусъ для академической больницы.

Въ настоящее время академическія зданія состоятъ—кромѣ каменныхъ службъ и бани—изъ четырехъ корпусовъ: главнаго и двухъ боковыхъ, обращенныхъ фасадами къ Арскому полю и расположенныхъ въ передней части академического участка, въ саду. Главный корпусъ трехэтажный, остальные двухэтажные. Въ главномъ корпусѣ помѣщаются церковь, аудиторія, столовая, студенческія занятые номера и спальни, „профессорская комната“ съ читальней, квартиры инспектора и двухъ его помощниковъ, а въ подвальномъ этажѣ—кухня, кладовыя, квартиры служителей, складъ изданій „Православнаго Собесѣдника“. Въ боковомъ восточномъ корпусѣ, влѣво отъ главнаго, находятся актовыи залъ, канцелярія съ архивомъ, квартиры ректора и академическихъ чиновниковъ. Весь западный корпусъ занимаетъ академическая бібліотека. Во всѣхъ этихъ корпусахъ отопленіе амосовское, въ больничномъ водяное. Обслуживавшій нѣкогда (съ 1849 г.) Академію свой колодезь нынѣ заброшенъ и во всѣ ея зданія теперь проведена вода изъ городского водопровода. Освѣщеніе съ 1904 г. электрическое, до того же—керосиновое, а въ 40—60 годахъ Академія освѣщалась сальными свѣчами и сурьинымъ масломъ.

II) *Внутренняя исторія новой казанской Академіи* распадается на три періода въ зависимости отъ тѣхъ учебныхъ уставовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ она жила: 1) 1842—1870 г.—устава 1814 г., 2) 1870—1884 г.—устава 1869 г. и 3) 1884—1907 г.—устава 1884 г. Всего сильнѣе вліяніе этихъ уставовъ отразилось на сторонахъ административной, учебной и экономической, отчасти на жизни студентовъ, съ каковыхъ и будетъ прежде всего разсматриваться въ каждомъ періодѣ жизнь академіи.

Періодъ I (1842—1870 гг.). А.

Административная часть. По проекту устава Дух. Академіи 1814 г. на послѣднія возлагались три задачи: а) образовывать духовное юношество къ высшимъ должностямъ, б) распространять и поощрять ученость въ духовенствѣ ввѣреннаго каждаго Академіи округа и в) управлять духовными училищами своихъ округовъ. Соответственно этому, административная часть въ Академіяхъ была распределена между тремя академическими органами: а) правленіемъ Академіи внутреннимъ, б) академической конференціей и в) правленіемъ Академіи вѣншимъ или окружнымъ.

а) *Внутреннее правленіе казанской Академіи*, завѣдывавшее, подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ мѣстнаго архіерея, всѣми сторонами ея жизни, состояло изъ ректора, инспектора и эконома, а если послѣдній не имѣлъ академическаго образованія и не могъ принимать участія въ учебныхъ дѣлахъ, то еще изъ одного члена—изъ профессоровъ Академіи. Дѣлопроизводствомъ въ немъ завѣдывалъ секретарь съ нѣсколькими письмоводителями. По отчету по уставу, отчасти въ силу установившейся практики вся власть въ казанской Академіи сосредоточилась въ рукахъ одного ректора, который былъ ограниченъ только высшимъ начальствомъ. Такими ректорами—полновластными почти управителями казанской Академіи въ первый періодъ ея жизни были архимандриты: 1) *Іоаннъ Оболенскій* (1842—1844 гг.) изъ ректоровъ харьковской Семинаріи, съ кievскимъ академическимъ образованіемъ. Впрочемъ, онъ,—человѣкъ сравнительно молодой, но болѣзненный и еще болѣе мнительный,—мало занимался дѣлами и мало входилъ въ жизнь Академіи, уклоняясь отъ прямыхъ своихъ обязанностей и предоставляя студентамъ подую свободу. Скончался въ 1851 г. настоятелемъ рязанскаго Троицкаго монастыря. 2) *Григорій Митяевъ*, изъ ярославскихъ ректоровъ, черниговецъ, кievлянинъ по высшему образованію (1844—1851 гг.). Незаурядный ученый и аскетъ, но въ то же время „человѣкъ въ высшей степени дѣловой и опытный, съ сильной волей, съ серьезнымъ, крѣпкимъ и властнымъ характеромъ“, все знавшій, за всѣмъ слѣдившій—онъ былъ администраторъ по при-

званію. При немъ было выстроено новое зданіе Академіи и ему же принадлежить честь первоначальнаго ея устройства по учебной и нравственной части. Ему же обязана Академія серьезною постановкой восточныхъ языковъ и послѣ—открытіемъ миссіонерскихъ отдѣленій. Онъ отличался тактомъ въ выборѣ изъ студентовъ Академіи будущихъ профессоровъ. Умеръ въ 1881 г. кадузскимъ архіепископомъ (0 немъ см. „Энци.“ IV, 692--693). 3) *Пареній Поповъ*, воронежецъ родомъ, кіевлянинъ по Академіи, одесскій ректоръ, вызванный на чреду священнослуженія въ Петербургъ, ректорствовалъ въ Казани въ 1852—1854 гг. Ученѣйшій человекъ, одинаково знакомый съ богословіемъ и философіей, гуманный, кроткій и общительный, но въ то же время энергичный, онъ былъ и администраторомъ по призванію, но,—по выраженію историка казанской Академіи, — администраторомъ - аристократомъ, въ противоположность своему предшественнику. Онъ въ черновую работу не вмѣшивался, въ экономической области требовалъ больше нарядности во внѣшней обстановкѣ. Онъ сильнѣе тяготѣлъ къ ученымъ интересамъ. Архим. Пареній первый изъ ректоровъ казанскихъ занялъ кафедру (догматическаго богословія). Онъ слѣдилъ за умственнымъ развитіемъ студентовъ, посѣждалъ лекціи и на экзаменахъ по всемъ предметамъ самъ спрашивалъ. Но миссіонерскихъ академическихъ кафедръ не жаловалъ, хотя впоследствии на епископствѣ въ Сибири прославился своею миссіонерско-просвѣтительною дѣятельностію. Умеръ въ 1878 г. въ санѣ иркутскаго архіепископа (см. „Энци.“ V, 1031). 4) *Агаангелъ Соловьевъ*, изъ костромскихъ ректоровъ, по высшему образованію москвичъ, правилъ Академіею въ 1854—1857 гг. Это былъ человекъ, склонный къ показной рисовкѣ, выдававшій себя за знатока общественныхъ приличій и разыгрывавшій аристократа. Эти черты его, при властности характера, замѣтно отразились и на студентахъ его времени, на развитіи у нихъ внѣшней выдержки, чувства приличія и эстетическихъ инстинктовъ. При немъ сталъ мѣняться старыи студента - бурсака. Но излишняя забота Агаангела о здоровьѣ студентовъ и страхъ, какъ-бы они не переутомились, повели къ сокращенію числа учебныхъ ча-

совъ, письменныхъ работъ и времени для экзаменовъ и къ пониженію образовательнаго уровня академической молодежи. Одно-сторонне, богословски образованный, онъ не любилъ словесности, не зналъ и не цѣнилъ математики и физики, почему при немъ было ослаблено изученіе ихъ, а естественныя науки и совсѣмъ были изгнаны изъ академическаго курса. За-то онъ ревностно отнесся къ организаціи открытыхъ при немъ миссіонерскихъ отдѣленій (особенно противораскольническаго, въ которомъ самъ сдѣлался главнымъ преподавателемъ) и къ обогащенію бібліотеки нужными для новыхъ отдѣленій книгами и рукописями. Наконецъ, онъ горячо заботился объ успѣхахъ новаго академическаго журнала „Православный Собесѣдникъ“, писаніе статей для котораго обратилъ въ какую-то повинность для наставниковъ, при чемъ однако очень стѣснялъ послѣднихъ своею цензурскою възыскательностію. Вообще же онъ, какъ ректоръ, занимался только высшимъ надзоромъ за общими теченіемъ дѣлъ, не входя въ разныя мелочи по канцеляріи и хозяйству, но желалъ быть настоящимъ начальникомъ и не допускалъ, чтобы въ Академіи что-либо дѣлалось помимо его. Сконч. въ 1876 г. въ Житомирѣ въ санѣ владыкаго архіепископа (см. „Энци.“ I, 256 — 257; III, 775). 5) *Іоаннъ Соколовъ*, москвичъ по рожденію и образованію, предъ назначеніемъ въ Казань—ректоръ петербургской Семинаріи. Правиль казанскою Академіею въ 1857—1864 гг. Докторъ богословія, съ репутаціей перваго русскаго канониста,—Іоаннъ отличался горделивымъ и нѣсколько презрительнымъ отношеніемъ къ людямъ и въ частности къ подчиненнымъ, былъ величественъ, грозенъ и внушительсѣ; но, при своей видимой грубости, обладалъ общественнымъ тактомъ, знаніемъ свѣтскихъ приличій и приемовъ, какіе при случаѣ умѣлъ обнаружить. Гордо державшійся по отношенію къ своему высшему начальству и презрительно въ отношеніи къ наставникамъ, которые жаловались даже на него за это синодальному оберъ-прокурору, Іоаннъ въ академическихъ дѣлахъ распоряжался всею едино-властно и правленія не собиралъ. Журналы заготовлялись по написаннымъ имъ черновикамъ. Такъ же обоевало дѣло по внѣшнему правленію и даже по конференціи,

которая до 1862 г. не собиралась даже для удостоенія кончивших курсъ учеными степенями: послѣднее происходило въ кабинетѣ ректора въ присутствіи одного секретаря. Въ области экономической самовластный распоряженія Іоанна, въ связи съ стремленіемъ его сравнить казанскую Академію съ петербургскою и увеличившеюся стоимостью вещей и продуктовъ, повели къ дефициту. Въ учебной сторонѣ, недовольный всѣмъ и даже миссіонерскими отдѣленіями, ректоръ Іоаннъ началъ преобразование съ увеличенія числа семестровыхъ сочиненій до 9 въ годъ. Затѣмъ въ 1858 г. онъ самолично же произвелъ радикальную перетасовку всѣхъ предметовъ преподаванія, уничтоживъ миссіонерскія отдѣленія съ отнѣною однихъ предметовъ и передачей въ основныя отдѣленія другихъ, которые такъ обр. стали общеобразовательными, соединивъ словесность съ церковнымъ краснорѣчіемъ, расширивъ курсы философіи и возстановивъ математику. Сответственно этому была произведена перетасовка наставниковъ, въ результатъ чего изъ Академіи бѣжали лучшіе профессора и важнѣйшія кафедры онуѣли. Іоаннъ старался замѣтить послѣднія монахами или если и свѣтскими, то не казанцами. Самъ онъ преподавалъ догматику до 1859 г., затѣмъ отказался отъ чтенія лекцій. У начальства онъ былъ на плохомъ счету, особенно послѣ жалобы на него академическихъ наставниковъ и громкой исторіи о политической панихидѣ по убитымъ при усмирении крестьянамъ с. Бездны (1861 г.). Послѣ того онъ ушелъ еще дальше отъ академическихъ дѣлъ, — замкнулся въ своемъ кабинетѣ и оттуда правилъ Академіей. Въ 1864 г., поправивъ свою репутацію трудомъ „О монашествѣ епископовъ“, онъ былъ назначенъ ректоромъ петербургской Академіи. Въ 1869 г. скончался на смоленской кафедрѣ (см. „Энци.“ VII, 141—156).

6) *Иннокентій Новгородовъ*, изъ ректоровъ кав. Семинаріи, кievлянинъ по высшему образованію, 1864—1868 гг. Человѣкъ видимо общительный, привѣтливый, благожелательный и простой, но не снискавшій ни въ комъ ни уваженія, ни любви, — этотъ ректоръ отличался большимъ усердіемъ къ дѣлу, неутомимостію, вникаіемъ во все, но все это безъ пользы для Академіи. Онъ былъ администраторъ - юристъ, съ формаль-

но-канцелярскимъ направленіемъ, безъ широкихъ нравственныхъ принциповъ. Казуистъ, любитель справокъ и ссылокъ на законъ, Иннокентій былъ безпощаденъ, когда дѣло касалось формальной законности. Въ управленіи Академіею онъ былъ строгимъ ревнителемъ соблюденія всѣхъ §§-овъ устава, не отнѣненныхъ высшею властію. Такой характеръ ректора повлекъ бѣгство изъ Академіи многихъ студентовъ, для удержанія которыхъ пришлось усилить правила обязательной службы воспитанниковъ Академіи и взысканія съ нихъ за содержаніе. Учебною частію онъ мало интересовался, и въ ней обращалъ вниманіе больше на юридическую, уставную сторону. Онъ уничтожилъ на экзаменахъ билеты, конспекты, замѣнилъ пятибальную систему восьмибальной. Отъ наставниковъ онъ требовалъ репетицій послѣ каждой лекціи. Иннокентій пытался совѣмъ слить гомилетику со словесностію и заставить служить церковному краснорѣчію преподавателей классическихъ языковъ. Онъ возстановилъ миссіонерскія отдѣленія, но въ урѣзанномъ видѣ. Единственный изъ казанскихъ академическихъ ректоровъ, онъ умеръ на должности ректора въ 1868 г. (см. „Энци.“ V, 962.963).

7) *Никаноръ Бровковичъ*, изъ полоцкихъ ректоровъ, питомецъ петербургской Академіи, 1868—1871 гг. „Универсально образованный, въ полномъ смыслѣ человѣкъ науки, высокой богословъ и философъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знатокъ нѣсколькихъ специальностей изъ области свѣтскихъ наукъ, сильный мыслитель и вмѣстѣ эстетикъ, съ замѣчательно развитымъ вкусомъ, особенно въ музыкѣ и литературѣ“, — Никаноръ могъ стать и дѣйствительно сталъ не просто администраторомъ, начальственно только заведывающимъ учебною частію академической жизни, но личнымъ и живымъ участникомъ въ ея теченіи, даже главнымъ ея работникомъ. Онъ непосредственно по пріѣздѣ занялъ кафедру основнаго богословія и началъ усиленно работать для „Православнаго Собесѣдника“. Радожь работъ онъ восполнилъ прежнее изданіе своего сочиненія противъ католичества „О видимомъ главенствѣ въ церкви“ и въ 1869 г. получилъ за этотъ трудъ степень доктора богословія; — это былъ первый и единственный докторъ въ казанской Академіи при дѣйствіи стараго академическаго устава. При дѣл-

ствія этого устава онъ слѣдилъ за учебною жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, посѣщая лекціи и аудиторіи, прочитывая журнальныя записи, выслушивая ежедневные отчеты студентовъ о прослушанныхъ ими лекціяхъ. Часто онъ бесѣдовалъ съ наставниками о постановкѣ преподаванія и о желательномъ направленіи той или другой науки. Очень общительный, онъ ничего не дѣлалъ втихомолку, а стараясь заинтересовать и другихъ въ проведеніи той или другой мѣры, чѣмъ и подготавливалъ корпорацію къ введенію свѣтскаго самоуправленія. Строгий блюститель законности, онъ проводилъ дѣла съ общаго согласія правленія, которое собиралъ неопустительно. Никаноръ сдѣлался живымъ центромъ академической корпораціи, которую соединилъ въ дружную и одушевленную семью, сохранивъ съ нею связь и на всю послѣдующую свою жизнь. По отношенію къ студенчеству, онъ продолжалъ заботу своего предшественника о привитіи правильнѣйшаго приличія и о возстановленіи поколебавшейся въ началѣ 60-хъ годовъ дисциплины, при чемъ обнаружилъ не мелочной формализмъ, а „замѣчательно широкій взглядъ на жизнь и ревность преимущественно о духѣ дисциплины, возведеніе послѣдней къ высшимъ идеямъ общечеловѣческаго развитія и преимущественно къ идеѣ религіозности и церковности во всемъ поведеніи духовнаго воспитанника“. При своей близости къ студентамъ и знаніи психологіи онъ ужьло выбралъ для Академіи изъ ея питомцевъ цѣлую группу отличныхъ профессоровъ. Въ 1870 г. онъ сталъ „счастливымъ дѣятелемъ полнаго преобразованія“ казанской Академіи. Сконч. въ 1891 г. на одесской каюдрѣ.

б) *Академическая конференція* вѣдала вопросы духовнаго просвѣщенія въ предѣлахъ учебнаго округа. Она не была частію академическаго организма, а состояла при академіи, и въ составъ ея входили наравнѣ съ учеными членами академической корпораціи и нѣкоторые посторонніи лица, какъ духовныя, такъ и свѣтскія. Но если академическія конференціи вообще составляли по идеѣ комитета 1808 г. существенную часть системы духовно-учебнаго управленія и выражали то же учено-коллегіальное начало въ администраціи, что и Комиссія дух. училищъ, то въ казанской Ака-

деміи, явившейся въ то время, когда самая система была испорчена реформами гр. Протасова и самую Комиссію замѣнилъ бюрократическій институтъ — Духовно-учебное управленіе, конференція сдѣлалась чисто школьнымъ учрежденіемъ, въ которомъ вѣдѣла вершились однимъ ректоромъ, а по стороніи ученые стали вытѣсняться, какъ помѣха къ домашнему веденію дѣлъ. Казанская Академія въ 60-хъ годахъ высказалась даже за полное удаленіе ихъ. Первыми дѣйствительными членами академической конференціи изъ постороннихъ Академіи лицъ были ректоръ Семинаріи архим. Климентъ, свѣяжскій архимандритъ Мартирій, Іоанновскій въ Казани—Даніилъ, люди съ учеными или учебнымъ прошлымъ и знатоки языковъ, и прот. Талантовъ, профессоръ Университета. Выборы пятаго члена—Зилантовскаго архим. Гавріила, тоже университетскаго профессора, Св. Синодъ не утвердилъ, такъ какъ онъ былъ на дурномъ счету у начальства. Отъ себя Синодъ произвелъ выборы 23 духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ почетные члены конференціи. Въ послѣдній разъ избраны были: въ дѣйствительные члены прот. Исидоръ, знатокъ татарскаго языка (1867), и въ почетные м. Исидоръ и синодальный оберъ-прокуроръ Ахматовъ съ товарищемъ кн. Урусовымъ, при чемъ послѣдніе отказались отъ этого званія (1864 г.). Были и члены-корреспонденты—два за все время: перемѣщенный изъ Казани въ Иркутскъ архим. Даніилъ и священникъ астраханской епархіи Вас. Дилигенскій, знатокъ калмыцкаго языка.

Число постороннихъ дѣйствительныхъ членовъ ни разу не достигало до 10,—цифры, указанной въ проектѣ устава Дух. Академіи. Въ Казани и не могло быть ихъ больше. Но и наличные, будучи завалены другими работами, сравнительно мало дѣлали для Академіи. Главная тяжесть конференціонныхъ работъ падала потому на членовъ самой академической корпораціи. Ими были ординарные и экстраординарные профессора и только однажды (въ 1854 г.) былъ избранъ бакалавръ—іером. Веніаминъ Благовровъ въ уваженіе къ его учености, проявившейся въ составленныхъ имъ обширныхъ лекціяхъ по церковной исторіи. Впрочемъ, въ первые годы у конференціи и дѣлъ почти не было и засѣданій не было:—

ограничивались (и то не всегда) летучими журналами. И само начальство как будто забывало о ея существованіи, адресуясь даже по такимъ важнымъ дѣламъ, какъ вопросъ о введеніи въ курсъ Академіи восточныхъ языковъ и естественныхъ наукъ,— въ академическое правленіе. Лишь въ 1846 г. вѣдомство конференціи выясняется и расширяется и дѣятельность становится виднѣе. Но и теперь почти всегда ограничивались фиктивными засѣданіями, а ректоръ Іоаннъ всё дѣла вершилъ въ своемъ кабинетѣ. Только при Иннокентіи дѣйствительныя засѣданія стали чаще, при чемъ на нѣкоторыхъ присутствовалъ архіеп. Афанасій.

Постоянная дѣятельность конференціи, по академическому уставу, выражалась въ 1) цензурѣ дух. сочиненій по округу, 2) производствѣ экзаменовъ и 3) возведеніи въ ученые степени. 1) Цензура дух. сочиненій въ Академіи и въ ея округѣ ввѣрена была состоявшему при Академіи *цензурному комитету*, открытому въ 1845 г. въ составѣ трехъ членовъ конференціи, избранныхъ на три года, безъ вознагражденія. Казанскій (какъ и кіевскій) ценз. комитетъ могъ разсматривать только мелкія сочиненія, поступившія отъ лицъ окружного училищнаго вѣдомства. Лишь въ 1865 г. Академія исходатайствовала расширеніе полномочій своего цензурнаго комитета чрезъ дозволеніе ему разсматривать переводы священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Иногда конференція, съ разрѣшенія Синода, назначала временныхъ цензоровъ—для сочиненій на арабскомъ и мѣстныхъ языкахъ, если ихъ не знали постоянные члены комитета. Въ первый 10 лѣтъ у комитета дѣла было очень мало, тѣмъ не менѣе представляемыя ему рукописи онъ держалъ по мѣсяцамъ и годами или всячески старался устранить отъ себя ихъ разсмотрѣніе, а то и вовсе забраковывалъ, опасаясь всякихъ несприятностей, какія въ тѣ времена доставляло печатное слово. Дѣятельность комитета оживилась лишь съ 1855 г., съ основанія „Православнаго Собесѣдника“, но и тутъ чуть не единовластно распоряжались ректоры Агавангель, Іоаннъ, Иннокентій... 2) Сильно чувствовалось ректорское вліяніе и на производствѣ экзаменовъ какъ пріемныхъ, когда ректорскій списокъ принятыхъ обуславливалъ судьбу и репутацію ихъ

въ теченіе всего академическаго курса такъ и прочихъ—рождественскихъ, лѣтнихъ и курсовыхъ (двухгодичныхъ). Хотя конференція должна была по уставу переводить съ курса на курсъ и выпускать студентовъ, но властные ректоры иногда единолично производили оцѣнку познаній и развитія студентовъ. 3) Удостоеніе ученыхъ степеней было массовое—выпускныхъ студентовъ—и единичное.—Курсовыя сочиненія выпускныхъ раздавалъ для прочтенія наставникамъ ректоръ, наблюдая, чтобы каждому досталось равное число ихъ. Затѣмъ ректоръ, просмотрѣвъ самъ сочиненія и рецензіи, назначалъ засѣданіе конференціи. Человѣкъ 10—12 удостоивались степени магистра, остальные кандидата, при чемъ старшіе—съ правомъ получить степень магистра чрезъ определенное число лѣтъ службы и съ одобреніемъ отъ начальства. Со степенью дѣйствительнаго студента конференція изъ первыхъ шести курсовъ выпустила только двоихъ. Но въ 1858 г. ректоръ Іоаннъ, раздавъ сочиненія кромѣ наставниковъ и постороннимъ членамъ конференціи, при чемъ предъявилъ рецензентамъ самыя строгія требованія, подведеніемъ итоговъ занялся самъ, безъ созыва конференціи. Въ результатѣ было 5 магистровъ, 3 старшихъ кандидата, 13 кандидатствъ и 6 студентовъ. При такихъ же условіяхъ выпущены были студенты и слѣдующаго курса. Послѣ Іоаннъ сдѣлался милостивѣе и давалъ кандидатскую степень даже исключеннымъ студентамъ.—Въ 1865 г. Синодъ опредѣлялъ, чтобы сочиненіе на степень читалось прежде наставникомъ, давшимъ ему, а потомъ послѣдовательно двумя членами конференціи, послѣ чего подвергалось окончательному пересмотру въ общемъ собраніи конференціи подъ предсѣдательствомъ архіерея, которая и удостоиваетъ студента степени. Въ Синодъ должно отсылаться на утвержденіе все дѣло, но безъ сочиненія. Время утвержденія въ степени должно считаться со дня постановленія конференціи. Потомъ ректоръ Иннокентій еще болѣе усложнилъ правила, потребовавъ, чтобы каждый изъ трехъ рецензентовъ работалъ надъ сочиненіемъ независимо отъ другихъ, что повело за собою запаздываніе рѣшеній конференціи. Это было, впрочемъ, въ интересахъ высшаго начальства, такимъ образомъ за-

держивавшаго на дух.-учебной службѣ студентовъ, не удостоенныхъ пока степеней; въ 1864 г. Синодъ издалъ даже распоряженіе, уже прямо направленное къ тому, чтобы затянуть производство въ степени всѣхъ кончившихъ студентовъ. А по предложенію Иннокентія студенты, не желавшіе поступить на дух.-учебн. службу, и совѣтъ не удостоивались магистерской и кандидатской степеней. Кромѣ общаго, по окончаніи курса, удостоенія ученой степени, были частные случаи удостоенія воспитанниковъ, кончившихъ курсъ кандидатами или студентами съ правами на высшую степень по прослуженіи на дух.-учебной службѣ извѣстнаго, болѣею частью двух-годовалнаго срока. Но весьма рѣдки были случаи, чтобы добивались высшей ученой степени лица, окончившія Академію безъ этого права или съ правомъ получить ученую степень подъ условіемъ подачи новаго сочиненія или даже новаго экзамена, и къ такимъ лицамъ Академія относилась много строже. Былъ одинъ случай удостоенія магистерской степени кандидата петербургской Академіи. Этотъ магистръ—В. В. Миротворцевъ, преподаватель противобуддѣйскаго отдѣленія казанской Академіи (1868 г.). Въ 1869 г. казанская Академія удостоила, по мотивированному предложенію архіепа. Антонія, степени доктора богословія своего ректора, архим. Никавора, за сочиненіе „Разборъ римскаго ученія о видимомъ главенствѣ въ церкви на основаніи Свящ. Писанія и преданія первыхъ вѣковъ христіанства“.

Иногда засѣданія конференціи принимали торжественный характеръ. Это было на публичныхъ экзаменахъ и на академическихъ актахъ, когда они предлагали публикѣ рѣчь устами академическаго оратора и отчетъ о годичной дѣятельности Академіи чрезъ своего секретаря. До ректора Агаангела акты справлялись очень торжественно, съ приглашеніемъ на нихъ почетныхъ лицъ города; на новѣткахъ печаталась программа праздника. Акты длились съ часу дня до 4—5. При Агаангелѣ они справлялись часовъ въ 8 утра, до обѣда, въ кругу только академическихъ членовъ конференціи. Акты оживились въ первые годы ректорства Іоанна, придавшаго имъ торжественность удачнымъ выборомъ темъ для

рѣчей и даже внѣшнею обстановкой. Въ 1857 г. кромѣ рѣчи и отчета происходила даже раздача наградъ (5 студентовъ получили книжки „Прав. Собесѣдника“). Но блестящій актъ 1858 г., когда публика выслушала двѣ рѣчи (самого ректора и бакалавра Щапова), былъ послѣднимъ въ жизни дореформенной Академіи. Даже юбилейное торжество 1867 г. вышло блѣднымъ, безъ рѣчи.

Дѣятельность академической конференціи, кромѣ постоянныхъ функцій, выражалась въ выполненіи разныхъ временныхъ порученій. Впрочемъ, въ Казань высшее начальство обращалось не часто. Нужно отмѣтить порученіе 1858 г. принять вмѣстѣ съ другими Академіями участіе въ переводѣ на русскій языкъ Свящ. Писанія и прежде всего Евангелія. Казанской Академіи достался вмѣстѣ съ петербургскою переводъ Ев. Матфея. Но когда въ нач. 1859 г. она отослала уже 10 главъ, ей порученъ былъ переводъ Ев. Луки, а также посланій къ Коринѳянамъ и Апокалипсиса; онъ былъ готовъ въ 1860 г. Въ 1863 г. конференціямъ петербургской и казанской Академій поручено было провѣрить 75 псалмовъ русскаго перевода Псалтири, изданнаго Библейскимъ Обществомъ. Работа была доверена іером. Григорію, который выполнилъ ее къ 1867 г. Въ этомъ году поручено было провѣрить сдѣланный петербургскою Академіей переводъ историческихъ книгъ Ветх. Заветъ и Еккліаста:—для этого конференція образовала три коммиссіи. Затѣмъ казанская конференція исполняла порученія по разсмотрѣнію сочиненій, представленныхъ на преміи и для учебнаго употребленія, при чемъ болѣе браковала, чѣмъ одобряла..

Какъ учрежденіе, заправлявшее всѣмъ духовнымъ образованіемъ въ своемъ округѣ, академическая конференція высказывала иногда принципиальные свои взгляды на устройство дух.-учебнаго образованія, хотя постоянное наблюденіе за ходомъ учебной части лежало на окружномъ правленіи академіи. Въ 1846 г. она разослала по всему округу циркуляры о веденіи администраціею духовно-учебныхъ заведеній разныхъ документовъ и составленіи вѣдомостей и отчетностей, а также о постановкѣ учебно-административной части. Эти замѣчательные цирку-

куляры, „требовашіе полного обновленія старыхъ учебныхъ и воспитательныхъ приемовъ, были въ свое время настоящимъ революціоннымъ ключемъ и встревожили всѣ школьныя начальства округа“. Въ 1849—1850 г. конференція долго занималась вопросомъ объ устройствѣ какъ въ Академіи, такъ и въ окружныхъ Семинаріяхъ миссіонерскаго образованія. Въ 1859 г. конференція по одному случаю высказалась за желательность обновленія въ духовныхъ школахъ метода преподаванія чрезъ занятіе отъ свѣтскихъ училищъ усовершенствованныхъ приемовъ. Въ 1862 г. по поводу проекта Св. Синода о поднятіи въ дух.-учебн. заведеніяхъ преподаванія классическихъ языковъ конференція, по мысли ректора Іоанна, пришла къ выводамъ, затрагивавшимъ всю постановку ученаго дѣла въ дух. школахъ и подказывавшимъ коренную реформу его. Когда же, въ слѣдующемъ году, былъ присланъ на обсужденіе конференціи составленный особымъ комитетомъ при Синодѣ проектъ новаго семинарскаго устава, ректоръ Іоаннъ высказалъ еще болѣе радикальный взглядъ, предложивъ выдѣлить общее образованіе изъ круга дух.-учебн. вѣдомства. Но назначенный для разсмотрѣнія проекта академической комитетъ приступилъ къ работѣ только чрезъ два года совместно съ образованнымъ для той же цѣли епархіальнымъ комитетомъ. Въ общеніи собраніи былъ раскритикованъ петербургскій проектъ, какъ грѣшившій монашескими тенденціями, и высказана была мысль объ уничтоженіи при Синодѣ дух.-учебн. управленія съ сосредоточеніемъ всего учебнаго дѣла въ округъ въ академической конференціи. Въ 1867 г. обсуждался вопросъ объ академической реформѣ, при чемъ члены корпораціи составили два проекта академическаго устава, но въ обонихъ конференціи приданъ чисто школьный характеръ, въ родѣ университетскаго совѣта, однако съ подчиненіемъ ей всѣхъ учебныхъ заведеній округа. Впрочемъ, какъ оказалось, оба проекта мало дали для устава Дух. Академіи, составленнаго высшимъ начальствомъ, которое произвело реформу по своему усмотрѣнію и болѣе разумно, чѣмъ какъ подсказывали академическія конференціи.

в) *Внѣшнее или окружное правленіе* по уставу было чѣмъ-то въ родѣ

особаго административнаго отдѣленія конференціи, специально назначеннаго для ближайшаго управленія дух.-учебн. заведеніями округа. Въ дѣйствительности съ паденіемъ при гр. Протасовѣ коллегіальнаго начала въ управленіи дух. училищами, внѣшнее правленіе было только ширмою для прикрытія единоличныхъ распоряженій ректора или вообще начальства Академіи. Властный, начальственный тонъ академическаго правленія, но и епархіальные преосвященные. Внѣшнее правленіе по уставу должно было состоять изъ пяти членовъ: ректора, двухъ членовъ, избранныхъ конференціею, и двухъ принадлежавшихъ къ составу внутренняго. Но въ Казани порча стараго устава сказалась въ томъ, что оно состояло изъ членовъ внутренняго правленія—ректора, инспектора и секретаря, къ которымъ былъ прибавленъ постоянный членъ конференціи Кліментъ, ректоръ Семинаріи, но за выходомъ его въ 1850 г. онъ никѣмъ не былъ замѣненъ. Только въ 1867 г. ректоръ Іоаннонъ вздумалъ включить въ составъ правленія члена конференціи прот. Вишневскаго, но Синодъ не утвердилъ его, такъ какъ тогда уже было предположено устроить на новыхъ началахъ духовно-учебную администрацію. Въ концѣ же 1867 г. пришелъ указъ объ упраздненіи внѣшняго правленія. Вѣдомство казанскаго академическаго окружнаго правленія по пространству и по числу учебныхъ заведеній превосходило другіе округа и постепенно возрастало: въ 1842 г. было 12 Семинарій, 38 уѣздныхъ и 42 приходскихъ училища; въ 1867 г., при упраздненіи правленія, было 16 Семинарій и 51 училище (въ 1852 г. училища уѣздныя и приходскія соединены были въ одинъ составъ духовныхъ училищъ) съ 458 начальствующими и учащими лицами и 14.193 учащимися (якутскія и камчатское Семинарія и училища были на особомъ положеніи). Принявъ отъ московской Академіи округъ въ разстроеномъ положеніи, казанское академическое окружное правленіе начало свою дѣятельность со смѣны разныхъ самодурныхъ смотрителей, съ слѣдствій по разнымъ несправностямъ семинарскихъ правленій и незаконнымъ дѣйствіямъ ректоровъ Семинарій, съ разсмотрѣніи жалобъ учителей другъ на друга и на свои начальства

и ссоръ ихъ съ посторонними лицами, съ слѣдствій по дѣламъ учениковъ, иногда уголовнымъ. Слѣдствія такого рода длились иногда цѣлыя годы и требовали цѣлыхъ сотенъ листовъ бумаги. Иногда вѣдшему правленію приходилось разбирать распри между семинарскими правленіями и преосвященнымъ; особенно сильный разладъ въ началѣ 60-хъ годовъ произошелъ у еп. Порфирія сначала съ уфимскимъ, потомъ съ томскимъ семинарскимъ правленіемъ. Въ обоихъ случаяхъ академическое правленіе высказалось противъ преосвященнаго и навлекло на него ревизію. У ректора Іоанна вообще была мысль ограничить власть архіерея въ духовно-школьномъ управленіи. Въ 60-хъ годахъ подѣ влияніемъ общаго паденія дисциплины правленію пришлось разбирать вѣскольکو дѣлъ о неуваженіи къ духовно-учебному и даже къ самому епархіальному начальству разныхъ учителей, особенно въ молодыхъ людей. Было еще не мало дѣлъ по жалобамъ на скудость жалованья— съ конца 50-хъ годовъ. Большого труда стоило приучить семинарскія правленія къ надлежащей отчетності, къ присылкѣ въ сроки и въ узаконенной формѣ отчетовъ, разрядныхъ списковъ воспитанниковъ, формуляровъ наставниковъ, конспектовъ по наукамъ, описей библиотекъ и др. документовъ. Въ 1846 г. были разосланы циркуляры на этотъ счетъ, но они мало упорядочили дѣло. Даже ближайшія къ правленію лица, какъ казанской Семинаріи ректоръ Климентъ, подолгу задерживали докладъ циркуляра или сопровождали его колкими замѣчаніями. Въ 1850 г. особенно рѣзкое пренебреженіе къ власти академическаго правленія обнаружилъ ректоръ нижегородской Семинаріи, не пожелавшій имѣть никакого дѣла съ посланнымъ Академію ревизоромъ. Въ 50—60-хъ годахъ административныя полномочія правленія укрѣпились достаточно и подобнаго рода случаи противленія его власти не было. Тѣмъ не менѣе административное значеніе его всегда оставалось шаткимъ и въ большинствѣ случаевъ даже излишнимъ. Почти никакихъ самостоятельныхъ дѣйствій и распоряженій оно не могло дѣлать и служило только лишнею передаточною инстанціей, да и то иногда обходящею. Его власть была скорѣе контрольною и слѣдственною, чѣмъ распо-

рядительною, и потому его мало уважали въ округѣ. Не только епархіальные преосвященные обходили правленіе по дѣламъ своихъ учебныхъ заведеній, но и наставники Семинарій и даже кончившіе Академію иногда обращались прямо къ оберъ-прокурору Синода, минуя академическое правленіе. Чѣмъ дальше, тѣмъ кругъ полномочій правленія все болѣе суживался,—не только по волѣ и злоупотребленію духовно-учебнаго управленія, но и по его собственному желанію. Однако и при этомъ дѣла у него было не мало, при томъ иногда требовавшая большой внимательности.

Въ 1840-хъ годахъ правленіе было завалено перепискою съ Семинаріями по поводу введенія въ ихъ курсы естественныхъ наукъ и медицины, въ 50-хъ — раскола и миссіонерскихъ предметовъ; въ 1852 г. было длинное и сложное дѣло о введеніи новыхъ положеній въ устройствѣ дух. училищъ.

Обычными и постоянными предметами дѣятельности вѣдшаго правленія были: распредѣленіе окончивавшихъ студентовъ по свободнымъ мѣстамъ, представленіе Синоду кандидатовъ на мѣста ректоровъ и инспекторовъ Семинарій, рассмотрѣніе экономическихъ отчетовъ по округу и записокъ и конспектовъ наставниковъ. На основаніи послѣднихъ въ Семинаріи посылались замѣчанія, для которыхъ еще больше поводовъ давали пріемные экзамены, открывавшіе тѣ или другія слабыя стороны преподаванія. Въ 1844 г. вѣдѣно было обратить вниманіе на науки: физико-математическія, исторію и латинскій языкъ, въ 1848 г. — на латинскій и русскій языки, риторикѣ, Писаніе, философію и исторію. Въ 1858 г. ректоръ Іоаннъ обратилъ вниманіе на малое развитіе мыслительности и механическое заучиваніе уроковъ, подавляющее дарованія, чѣмъ особенно страдало въ Семинаріяхъ преподаваніе догматики, Писанія, философіи, математики и физики и языковъ. Это донесеніе Іоанна правленію было какъ бы протестомъ противъ всего строя духовнаго образованія, возбужденіемъ общаго вопроса объ его реформѣ и при томъ, кажется, въ первый разъ съ такою рѣшительностію и такъ официально. Когда правленіе сдѣлало по этой запискѣ донесеніе въ Синодъ, послѣдній распорядился, чтобы

оно составило подробныя соображенія объ устройствѣ учебной части въ духовныхъ заведеніяхъ и представило ихъ на усмотрѣніе высшаго начальства. Болѣе полныя, живыя и надежныя свѣдѣнія о состояніи учебныхъ заведеній своего округа правленіе получало отъ ревизоровъ. На разсылку послѣднихъ ассигновалось въ годъ 715 р., но этихъ денегъ по величинѣ округа не хватало бы, и потому ревизоры посылались только въ курсые годы и не на далекія разстоянія, только въ концѣ учебнаго года и не надолго. Нужныя свѣдѣнія правленіе добывало другимъ путемъ: училища ревизовались изъ тѣхъ Семинарій, къ вѣдомству которыхъ принадлежали; каждый новый смотритель училища или ректоръ Семинаріи при вступленіи въ должность ревизовалъ свое заведеніе и давалъ подробный отчетъ; наконецъ, правленіе иногда получало свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ той или другой епархіи отъ Синода изъ отчетовъ епархіальныхъ преосвященныхъ, производившихъ ревизіи вслѣдствіе ходатайства Академіи и по порученію Синода. Былъ случай, что ревизія въ пермской Семинаріи въ 1861 — 1862 г. была произведена Синодомъ чрезъ профессора петербургской Академіи (по политическому дѣлу), и казанская Академія, сама тогда находившаяся въ опалѣ у высшаго начальства, совсѣмъ не участвовала въ производствѣ этого дѣла и даже была устранена отъ замѣщенія 9 открывшихся послѣ ревизіи наставническихъ мѣстъ:—это поручено было сдѣлать митр. Филарету изъ воспитанниковъ московской Академіи. Но рука академическихъ ректоровъ простиралась даже на отчеты ревизоровъ (академическихъ):—нѣкоторые изъ нихъ носятъ слѣды поправокъ по требованію ректоровъ или даже ими самими.

Тяготаясь своимъ многодѣланіемъ, точнѣе многобумаженіемъ, вѣдшее правленіе съ начала 60-хъ годовъ старалось отстранять отъ себя многія изъ дѣлъ, издавая распоряженія, чтобы свѣдѣнія о личномъ составѣ учебныхъ заведеній, о пожертвованіяхъ на послѣднія, даже отчеты экономическіе въ учебно-воспитательные посылались прямо въ Духовно-учебное управленіе. Этимъ совсѣмъ уже подрывалось административное значеніе Академіи и еще болѣе суживалось ея административное значеніе въ округѣ. Пол-

ное упраздненіе окружныхъ правленій въ 1867 г. было — для Казани, по крайней мѣрѣ, — вполне послѣдовательнымъ и не являлось историческимъ прыжкомъ.

Что касается внутреннихъ отношеній трехъ академическихъ органовъ, то они были пропитаны духомъ канцеляризма и проявлялись въ обмѣнѣ множествомъ бумагъ, въ которыхъ одни и тѣ же лица извѣщали себя, отъ себя требовали свѣдѣній и пр. и пр.

Ревизіи Академій. Сама казанская Академія ревизовалась по порученіямъ Синода обыкновенно по окончаніи каждого двухгодичнаго курса и обыкновенно мѣстными преосвященными. Такіе ревизоры были обычно очень милостивы и въ жизнь Академіи не вносили большихъ перемѣнъ и отступленій отъ сложившагося строя. Заступленіемъ своихъ владыкъ Академія избавлялась отъ непріятныхъ результатовъ и строгихъ ревизій постороннихъ лицъ, какова была въ 1846 г. ревизія ректора петербургской Академіи еп. Афанасія или въ 1860 г. чебоксарскаго епископа Никодима. Впрочемъ, съ послѣднимъ ректоръ Іоаннъ держался „отдаленно, надменно и повелительно“ и отъ всѣхъ его замѣчаній отпирался. Въ 1861 г. въ казанской Академіи была чрезвычайная ревизія по дѣлу о панихидѣ по бездвинскимъ крестьянамъ, коснувшаяся всѣхъ сторонъ жизни ея и сдѣлавшая не мало неблагопріятныхъ для студентовъ и для начальства наблюденій...

Б. Учебная часть. а) *Общій составъ академическаго курса.* На основаніи Высочайше утвержденнаго предположенія Св. Синода 25 мая 1842 г. объ открытіи казанской Академіи, въ ней былъ введенъ тотъ же порядокъ обученія, что и въ другихъ Академіяхъ. Разницу должно было составить преподаваніе инородческихъ языковъ для миссіонерскихъ дѣлей, а также уменьшенное число преподавателей—14 (вмѣсто 18), — 6 профессоровъ и 8 (вмѣсто 12) бакалавровъ. Въ первые два года, при существованіи одного низшаго отдѣленія съ 4 профессорами и 4 бакалаврами, преподавались: Свят. Писаніе, философія, словесность, физика и математика, общая и русская исторія, греческій и новыя языки, раздѣленные между наличными наставниками. Физико-математическія науки и историческія

преподавались параллельно, такъ что низшее отдѣленіе Академіи подраздѣлялось на два спеціальныя—математическое и историческое, на которыя студенты записывались по своему выбору. Но въ 1844 г. Синодъ, уничтоживъ такое раздѣленіе въ петербургской Академіи и сдѣлавъ тѣ и другія науки общеобязательными, предложилъ ввести подобное измѣненіе и въ Казани, гдѣ рѣшили,—во избѣжаніе необходимости сократить объемъ этихъ наукъ,—замѣнить двухчасовыя лекціи полуторачасовыми. Въ началѣ 1845 г. правленіе казанской Академіи, для соответствія академическаго курса съ семинарскимъ, въ который съ 1840 г. вошли естественная исторія, сельское хозяйство и начала медицины, ввело въ преподаваніе медицину (каковая читалась только годъ врачомъ Академіи) и естественныя науки (онѣ до 1847 г. безмездно преподавались профессоромъ университета П. И. Вагнеромъ, а потомъ его академ. учениками до 1854 г., когда были упразднены). Впрочемъ, эти новыя кафедры въ штатъ не были введены и окладомъ не были снабжены, какъ и открытыя въ янв. 1845 г. кафедры инородческихъ языковъ, составлявшія вмѣстѣ съ естественно-научными особенностью казанской Академіи. Исполняя синодальное опредѣленіе 25 мая 1842 г., правленіе Академіи въ первое же свое засѣданіе 21 сент. постановило запросить Семинарію, на какихъ языкахъ говоритъ населеніе округа. Дождавшись только чрезъ два года затребованныхъ свѣдѣній, и то не полныхъ, правленіе постановило ввести въ преподаваніе только языки турецко-татарскій съ арабскимъ и монгольскій съ калмыцкимъ, съ цѣлю приготовить прежде всего преподавателей этихъ языковъ для Академіи и для нѣкоторыхъ Семинарій. Изученіе ихъ предоставлено было свободному выбору студентовъ, которые освобождены были за-то отъ еврейскаго и новыхъ языковъ. Предполагалось прежде посылать студентовъ въ университетъ, но,—въ виду ихъ малой подготовленности,— профессора Университета А. К. Каземъ-бекъ (татар. и араб. яз.) и А. В. Поповъ (калм.) изъявили желаніе безмездно читать лекціи въ самой Академіи, начавъ курсъ въ янв. 1845 г. Въ 1849 г. этихъ профессоровъ замѣнили ихъ академическіе слушатели изъ студентовъ 1 курса.

Съ начала 1845 по 1854 г. академическій курсъ имѣлъ такой видъ. Въ низшемъ отдѣленіи преподавались: философія, исторія философскихъ системъ, словесность, исторія гражданская—общая и русская, физика, математика, языки нѣмецкій и французскій; въ высшемъ отдѣленіи: догматика вмѣстѣ съ основнымъ и сравнительнымъ богословіемъ, нравственное богословіе, церковное краснорѣчіе, пастырское богословіе, церковная археологія, каноническое право, патрологія, библейская и церковная исторія, русская церк. исторія, еврейскій языкъ; въ томъ и другомъ отдѣленіи совместно: герменевтика и Свщ. Писаніе, естественныя науки, греческій языкъ и—нѣкоторымъ студентамъ обохъ отдѣленій—языки татарскій, арабскій и монгольскій съ калмыцкимъ. Всѣ эти предметы, соединяясь между собою въ различныя и непостоянныя комбинаціи, были раздѣлены между 14 штатными преподавателями, имѣвшими въ среднемъ по 2—3 полуторачасовыхъ лекціи въ недѣлю.

Въ 1854 г. произошло измѣненіе въ числѣ и распредѣленіи наукъ академическаго курса вслѣдствіе открытія миссіонерскихъ отдѣленій. На первыхъ порахъ были открыты четыре отдѣленія: 1) противораскольниковичье, 2) противомусульманское, 3) противобудійское и 4) черемисско-чувашское, но послѣднее было чрезъ два года закрыто, какъ мало нужное. Предположено было преподавать: въ первомъ отдѣленіи исторію раскола, полемику противъ него, миссіонерскую педагогикку въ отношеніи къ расколу, славянскій языкъ и палеографію, въ остальныхъ трехъ по три науки, кромя языковъ: миссіонерскую педагогикку, этнографію съ исторією и подробнымъ изложеиіемъ вѣрованій тѣхъ или другихъ инородцевъ и полемику противъ этихъ вѣрованій. Но такъ какъ штатъ преподавателей не былъ увеличенъ, то новыя предметы пришлось распредѣлить между наличными 14-ью, которые и должны были читать по 4—5 самыхъ равнородныхъ наукъ и, кромя того, закрыть кафедру естественной исторіи. Пострадала при этомъ и математика, отданная профессору физики и читавшаяся въ сокращеніи до 1856 г., когда была совсѣмъ уничтожена; да и теперь ее слушало только 5 студентовъ, не записавшихся на миссіонерскія отдѣленія. Штатъ казанской Академіи уве-

личень былъ только въ 1856 г. сравненіемъ ея съ прочими Академіями въ отношеніи числа бакалавровъ (12 вм. 8), разрѣшеніемъ приглашать практиканта для лучшаго усвоенія инородческихъ языковъ и дозволеніемъ ей (какъ и другимъ Академіямъ) на остаточныя средства или на счетъ духовно-учебныхъ капиталовъ опредѣлять еще до 2 ординарныхъ профессоровъ и до 4 бакалавровъ. Впрочемъ, этимъ дозволеніемъ казанская Академія по экономическимъ расчетамъ не воспользовалась ни въ это время, ни послѣ. — Въ 1858 г. ректоръ Іоаннъ возстановилъ кафедры математики и исторіи философіи, которая съ 1854 г. читалась профессоромъ философіи, и отдѣлилъ отъ другихъ кафедръ европейскіе языки, поручивъ ихъ особымъ лекторамъ, а въ 1859 г. открылъ особую кафедру греческаго и латинскаго языковъ. Вмѣстѣ того была упразднена кафедра пастырскаго богословія и гомилетики, объединенныхъ первое къ нравственному богословію, — вторая — къ словесности, и сокращено число кафедръ на миссіонерскихъ отдѣленіяхъ, которыхъ не жаловалъ Іоаннъ: на каждомъ отдѣленіи оставлено было по одному наставнику и уволенъ практикантъ разговорнаго татарскаго языка. Въ 1860 г. штатныхъ наставниковъ было 17, въ 1862 г. — 16, причемъ ординарныхъ профессоровъ только 3. Въ три миссіонерскія отдѣленія въ прежнемъ ихъ видѣ были возстановлены только въ 1865 г. Наконецъ, въ 1868 г. открыта была еще новая кафедра — педагогики, въ соотвѣтствіи съ введеніемъ послѣдней въ курсъ Семинарій.

б) *Постановка отдѣльныхъ предметовъ: 1) низшаго отдѣленія.*

Философскія науки, считавшіяся весьма важными во всѣхъ Академіяхъ, въ казанской съ самаго начала получили двухъ представителей — профессора и бакалавра. Профессоръ И. А. Смирновъ-Платоновъ, изъ бакалавровъ моск. Академіи, по философскому складу ума, широкому образованію и языкованію, былъ дорогою находкой для казанской Академіи. Его философско-образовательное вліяніе на студентовъ не ограничивалось временемъ его академической службы, но продолжалось долгое время и по выходѣ его изъ Академіи. Ученикъ знаменитаго (†) А. Голубянскаго (см. „Энцикл.“

IV, 495—502), Смирновъ-Платоновъ находился подъ сильнымъ его вліяніемъ, но много работалъ и самъ въ электическомъ направленіи. Особенно тщательно была разработана имъ опытная психологія, лекціи по которой въ сокращенномъ видѣ въ свое время были распространены по всему казанскому учебному округу. Подробно читалась и метафизика: логика и философское правоученіе, закачивавшее двухгодичный курсъ философіи, — кратко. Его лекціи по психологіи, метафизикѣ и нравственной философіи послѣ выхода его изъ Академіи (1847 г.) были отлитографированы въ руководство студентамъ. Второй профессоръ, Н. Соколовъ, читавшій исторію философіи по московскимъ академическимъ лекціямъ, а въ остальныхъ философскихъ курсахъ пользовавшійся записками Смирнова, ничего не внесъ въ разработку науки, какъ и случайные его сослуживцы — подневольные философы Ильминскій и Гремячневскій. Нѣсколько оживилъ изученіе философіи А. П. Лиловъ, казанецъ, сдѣлавшій „первую попытку поставить ея преподаваніе въ связи съ физиологіею на новыхъ примирительныхъ началахъ антропологическаго монизма“, но этотъ талантливый человекъ прослужилъ въ Академіи недолго (1858—1859 г.). Оставилъ еще слѣдъ М. Н. Митропольскій (1859—1867 г.), петербуржецъ. Онъ первый въ Казани сталъ серьезно пользоваться въ преподаваніи философіи историческимъ методомъ изложенія. Добрую половину лекцій по опытной психологіи онъ посвящалъ ея исторіи съ древнѣйшихъ временъ до системъ Бенеке и Гербарта; по послѣднему главн. образ. онъ излагалъ и самую психологію. И по метафизикѣ онъ преимущественно знакомилъ студентовъ съ исторической и литературною сторонами ея. Въ 1865 г. онъ былъ выбаллотированъ въ совѣтъ казанскаго Университета въ кандидаты для замѣщенія философской кафедры, но за отказомъ министерства нар. просвѣщенія въ средствахъ на командировку за границу остался въ Академіи. Видными академическими философами были еще казанцы В. А. Снегаревъ (1868—1889 г.), отличавшійся энциклопедичностью знаній, гибкостью мысли и рѣдкою у философовъ ясностію изложенія (въ 1877—1886 гг. онъ преподавалъ логику и психологію и въ

Университетѣ), В. К. Мысовскій (1860 — 1865), сначала гегельянецъ, потомъ эклектикъ, и А. К. Волковъ (1897—1901 г.). петербуржецъ.

Словесность имѣла одного представителя, который, при томъ, преподавалъ еще лат. языкъ. Первый положилъ начало ея научному преподаванію С. И. Протопоповъ, въ монашествѣ Серафимъ. Вель онъ его на основѣ господствовавшей тогда въ литературѣ эстетической теоріи Гегеля. Съ начала 1848 г. онъ предпринялъ курсъ исторіи рус. литературы, но разработалъ его далеко не весь и неравномѣрно въ разныхъ частяхъ. Заслуга его для каедры словесности и въ томъ, что онъ, пользуясь положеніемъ бібліотекаря и потомъ инспектора, обогащалъ словесный отдѣлъ бібліотеки. Его преемникъ и ученикъ И. Я. Порфирьевъ, принявъ его программу, сначала пользовался и его лекціями, которымъ далъ свою вышнюю обработку. Часть изъ (общая грамматика и литературная эстетика) въ 1864 г. была отлитографирована. Самостоятельная дѣятельность И. Я. Порфирьева обратилась на слабо развитую у его предшественника историческую сторону, въ соотвѣстствіе съ общимъ историческимъ направлениемъ въ наукѣ съ 50-хъ годовъ. Въ его лекціяхъ по словесности это выразилось въ замѣнѣ анализа литературныхъ образцовъ цѣльными историческими очерками развитія того или другого вида прозы или поэзіи въ разныхъ литературахъ, начиная съ восточныхъ и классическихъ и кончая новыми европейскими. Это дѣло было тѣмъ полезнѣе, что въ 1862 г. исторіи общей литературы въ отдѣльномъ видѣ въ академической программѣ не было. Исторія рус. литературы, занимавшая въ первое время $\frac{1}{4}$ курса (т. е. $\frac{1}{2}$ года), потомъ стала расширяться на счетъ теоріи общей словесности и заняла $\frac{3}{4}$ курса. Въ 1870 г. Порфирьевъ уже напечаталъ древній періодъ ея—до Петра в. Характерной чертой его является широкое развитіе отдѣловъ о народнои устной словесности и объ апокрифической литературѣ, въ другихъ исторіяхъ почти не затрогивавшихся. Отдѣлы эти явились уже въ первыхъ его курсахъ подъ вліяніемъ народническихъ симпатій въ нашей ученой литературѣ въ началѣ 50-хъ годовъ и знакомства съ Со-

ловенкой бібліотекой (съ 1855 г.). Апокрифы послѣдней сдѣлались и темою докторской диссертаціи Порфирьева; рукописи ея вообще имѣли немалое вліяніе на направление всей его литературной дѣятельности. Любовь его къ наукѣ, всегдашнее оживленное преподаваніе, внимательное и симпатичное отношеніе къ слушателямъ и ихъ работамъ—все это оживило въ Академіи литературный интересъ и сдѣлало послѣдній преобладающимъ, — по крайней мѣрѣ до 60-хъ годовъ, до появленія крайне-материалистическаго направленія литературной критики, отрицавшаго въ искусствѣ не только идеалы, но и типы. Впрочемъ, успѣху словесности ставило препятствія и академ. начальство, считавшее ее слишкомъ пустымъ свѣтскимъ предметомъ и пытавшееся съ 1858 г. усилить ея значеніе и придать серьезность чрезъ присоединеніе къ ней гомилетики. Гомилетика отдѣлена была отъ словесности лишь въ 1867 г., а въ 1870 г. за послѣднюю вновь признано надлежащее значеніе. Порфирьевъ пережилъ кромѣ реформы Академіи 1870 г. и реформу 1884 г. и скончался въ 1890 г., оставивъ по себѣ памятникомъ свою Исторію русской словесности, доведенную почти до Пушкина, выдержавшую много изданій и доселѣ служащую руководствомъ въ учебныхъ заведеніяхъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ.

Физико-математическія науки были поставлены первоначально очень высоко, имѣя какъ и философскія, двухъ преподавателей. Но въ 1854 г. ректоромъ Агавангеломъ была упразднена особая каедра математики, а чрезъ два года и самая наука была вычеркнута изъ программы. Въ 1858 г. ректоръ Іоаннъ возстановилъ эту каедру. Изъ двухъ представителей физико-математ. наукъ одинъ—проф. Гусевъ преподавалъ элементарную и высшую геометрію (потомъ вмѣсто нея алгебру) и физику, а другой—алгебру, аналитическую геометрію, дифференціальное и интегральное исчисленіе и механику. Но слабая подготовка слушателей не позволяла поставить преподаваніе специально; оно еще болѣе ослабѣло, когда въ 1844 г. были уничтожены отдѣленія физико-математическое и историческое и эти науки сдѣлались общезначительными. Изъ казанскихъ математи-

ковъ нѣкоторый слѣдъ оставилъ А. А. Бобровниковъ (1847—1854 г.), расширившій свое преподаваніе математики математической географіею и астрономіею.

Общая гражданская исторія читалась бакалавромъ Палимпосестонымъ (моск. Акад.) при пособіи главн. обр. Лоренца. По Лоренцу же велъ преподаваніе его ученикъ И. П. Гвоздевъ (1849—1873 г.). Въ казанской Академіи съ этой кафедрой читалась только государственная исторія. Культурная сторона исторіи по частямъ предоставлялась другимъ кафедрамъ.

2) *Предметы общіе на общій отдѣленіяхъ.* Русская исторія, читавшаяся прежде наставникомъ общей, съ 1844 г. была обособлена отъ послѣдней и раздѣлилась между двумя кафедрами—гражданской и церковной исторіи. Обѣ эти науки, имѣя двухъ преподавателей, читались по два года и получали очень солидную постановку. Въ 1848 г. обѣ кафедры были предоставлены одному преподавателю. Новое раздѣленіе послѣдовало лишь въ 1870 г. Изъ казанскихъ академическихъ историковъ русскихъ выдѣлились Морозкинъ, составившій себѣ ими своими исторію трудными по выходѣ изъ Академіи; Г. З. Глинсеевъ (1844—1854 г.), москвичъ, находившійся въ своихъ лекціяхъ по церковной исторіи подъ вліяніемъ архіеп. Филарета, но самостоятельно разработывавшій мѣстную исторію, впоследствии занимавшій журнальную дѣятельность въ либеральномъ направленіи; А. П. Шаповъ (1856—1861 г.), казанецъ, „историкъ либеральнаго, крайне-народническаго типа“, своими одушевленными лекціями заохотившій студентовъ къ занятіямъ русскою исторіею, умѣвшій дать руководственные нити для изученія ея и подымавшій кафедру ея на небывалую до того высоту. Съ 60 года, со времени приглашенія на русскую исторію въ Университетъ, Шаповъ сталъ мало вниманія удѣлять Академіи, а въ слѣдующемъ году принужденъ былъ и совсѣмъ оставить Казань за свою рѣчь на политической паннихидѣ. Умеръ въ 1876 г. въ Сибири. Его преемникъ, П. В. Знаменскій, казанецъ же, съ 1862 г. до 1870 г. преподавалъ обѣ исторіи, потомъ одну церковную. Въ преподаваніи гражданской онъ сначала держался Шаповской программы, только сглаживая

ея крайне народническое и одностороннее направленіе. Лекціи его, какъ и Шапова, носили форму синтетическихъ руководственныхъ очерковъ разныхъ сторонъ русской исторической жизни. Первый курсъ его носилъ характеръ преимущественно юридическій, второй—политико-экономическій. Послѣднее, впрочемъ, обусловилось случайными обстоятельствами—подготовкою къ занятію кафедры русской исторіи въ Университетѣ, куда его звали, но куда его не допустило Министерство народнаго просвѣщенія требованіемъ отъ него кандидата экзамена по историко-филологическому факультету. Собственною его ученою сферою была церк. исторія, по которой онъ уже въ 1870 г. выпустилъ краткое руководство (до Екатерины II). Продолженное и нѣсколько разъ исправлявшееся, оно выдержало нѣсколько изданій, затѣмъ съ нѣкоторою передѣлкой примѣнительно къ семинарской программѣ сдѣлалось семинарскимъ учебникомъ. Подъ конецъ своей службы въ Академіи онъ получилъ званіе почетнаго члена казанскаго Университета, члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ, почетнаго доктора русской исторіи московскаго Университета. Кафедру занималъ до 1896 г., но чтеніе лекцій прекратилъ въ 1897 г. Объ его ученыхъ трудахъ см. „Энци.“ V, 720—724.

Естественныя науки съ 1845 г. преподавались профессоромъ Университета П. И. Вагнеромъ, который въ два года предполагалъ пройти въ университетскомъ объемѣ зоологію и ботанику и въ ограниченномъ минералогію съ примѣненіемъ научныхъ свѣдѣній къ ремесламъ, искусствамъ, сельскому хозяйству и медицинѣ. Онъ знакомилъ студентовъ съ богатыми коллекціями Университета и положилъ начало академическимъ естественно-научнымъ кабинетамъ. Замѣнившій Вагнера (съ 1848 г.) его академическій ученикъ С. И. Гремячскій, путемъ лекцій, чтенія, личнаго знакомства съ профессорами естественнаго факультета и ботаническихъ экскурсій такъ специализировался въ естественныхъ наукахъ, въ частности въ ботаникѣ, что не только не сократилъ его программы, но и расширилъ, введя химію и распространивъ свой курсъ на четыре года. Студентовъ онъ заинтересовалъ особенно благодаря своему демон-

стригивному методу и экскурсіямъ. Последнія дали ему возможность сдѣлать открытія новыхъ видовъ растений, обогатить кабинеты академіи и написать докторскую диссертацию „Прикаспійская волжско-уральская флора“, каковую онъ защищалъ при Университетѣ, предварительно выдержавъ докторскій экзамень (1854 г.). Онъ готовилъ для Семинарій учебникъ по естественнымъ наукамъ, составлялъ рецензіи на разныя книги и рукописи по естествовѣдѣнію, исполняя другія порученія и задаваясь мыслію сосредоточить вокругъ казанской Академіи естественно-научное образованіе казанскаго духовно-учебнаго округа, каковымъ былъ для дух.-учебн. заведеній одинъ горыгорѣцкій институтъ. Но въ 1854 г. въ Академіи были закрыты и его сверхштатная кафедра естественныхъ наукъ, и штатная философская кафедра, каковую онъ занималъ, и ему пришлось выйти въ отставку. Умеръ Премаченскій въ 1858 г. въ Италіи во время ученаго путешествія по Европѣ и Африкѣ, куда былъ отправленъ попечителемъ Моск. Университета.

Медицина преподавалась только въ 1845/6 уч. году врачомъ Академіи, профессоромъ Университета Скандовскимъ.

Языки. *Латинскій языкъ*, въ силу такъ сказать природности его у духовныхъ воспитанниковъ, въ Академіи не имѣлъ не только особой кафедры, но даже и особыхъ классовъ часовъ и преподавался обыкновенно между дѣломъ наставниками словесныхъ наукъ. Такъ было въ Казани до 1859 г.

Греческій языкъ, получившій въ 1842 году особаго преподавателя, чрезъ два года тоже пересталъ быть предметомъ самостоятельной кафедры. Онъ изучался на двухъ отдѣленіяхъ: въ младшемъ штудировались древніе греческіе авторы, въ старшемъ—церковные авторы и св. отцы, съ комментаріями и иногда, въ младшемъ отдѣленіи, съ обзоромъ главныхъ классическихъ авторовъ. Въ 50-хъ годахъ преподаваніе греческаго языка оживилъ Г. С. Саблуковъ (москвичъ) сообщеніемъ громадной массы свѣдѣній историко-этнографическихъ, литературныхъ, бытовыхъ и археологическихъ, и послѣ него (1856 г.) А. И. Лиловъ (казанецъ)—первый, введшій въ курсъ новогреческій языкъ. Въ 1859 г. на оба

классическіе языка былъ назначенъ В. Я Михайловскій (изъ петербургской Академіи). Онъ хотѣлъ увлечь студентовъ классиками и самъ сталъ переводить для печати „Германію“ Тацита, но равнодушіе студентовъ охладило его пылъ. Замѣтившій его въ 1863 г. А. А. Некрасовъ (тоже петербуржецъ) съ 1870 г. по 1904 г. преподавалъ одинъ греческій языкъ, при чемъ обнаружилъ незаурядное знаніе и его методики, благодаря чему пользовался большимъ вниманіемъ слушателей.

Еврейскій языкъ преподавался только въ старшемъ отдѣленіи и по неподготовленности студентовъ стоялъ не высоко. До 1859 г. онъ не былъ даже обязательнымъ для студентовъ. Успѣхи въ немъ подрывались и частою смѣной наставниковъ. Лучшимъ временемъ его были 1850—1856 годы, когда его преподавалъ Г. С. Саблуковъ, ведшій дѣло сравнительнымъ методомъ, при чемъ пользовался своимъ знаніемъ арабскаго языка.

Новые языки (французскій и нѣмецкій) еще чаще мѣняли своихъ представителей, которыми были профессора и бакалавры Академіи. Попытка ректора Іоанна въ 1859 г. пригласить на новые языки лектора англійскаго языка въ Университетѣ Перси Беренсдорфа кончилась неудачей: къ дѣлу онъ относился небрежно, а потомъ уѣхалъ въ продолжительный заграничный отпускъ. Новые языки изучались путемъ перевода статей изъ христоматій на русскій языкъ и очень рѣдко—путемъ обратныхъ переводовъ. Первые преподаватели новыхъ языковъ дѣлали попытки читать исторію французской и нѣмецкой литературы, но этотъ приемъ не привился. До 1858 г. каждый студентъ изучалъ по желанію одинъ изъ новыхъ языковъ; въ этомъ году ректоръ Іоаннъ сдѣлалъ обязательнымъ изученіе обоихъ.

Священное Писаніе и Герменевтика. Свящ. Писаніе, преподававшееся всѣ четыре года, было единственнымъ богословскимъ предметомъ, изучавшимся и въ младшемъ отдѣленіи, если не считать временно преподававшихся тамъ гоимлетики и основнаго богословія съ общительнымъ. Первый его профессоръ—инспекторъ Серафимъ Ареинскій, ученикъ Иннокентія Ворисова (см. „Энци.“ V, 954—962), былъ

болѣ ораторъ, чѣмъ экзегетъ, и импровизировалъ лекціи на манеръ проповѣдей. Съ 1843 г. онъ открылъ еще праздничныя бесѣды съ студентами предъ обѣдной, состоявшія въ истолкованіи дневныхъ евангелій и другихъ избранныхъ мѣстъ изъ Свящ. Писанія. Первый ввелъ правильное, систематическое преподаваніе этой науки архим. Автолій Радонежскій (1844—1851 г.), лекціи котораго носили характеръ экзегетической. Но особый интересъ къ этому предмету счумѣлъ возбудить замѣчательнѣйшій изъ профессоровъ іером. Серафимъ Протопоповъ (1851—1854 г.) какъ научнымъ характеромъ лекцій, такъ и мастерскою передачей свѣдѣній. У него одинаково хороши были и историческіе обзоры ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго канона и переводовъ библейскихъ книгъ на разные языки и—ясные и логическіе анализы содержанія ихъ. При немъ библейская археологія, преподававшаяся предъ тѣмъ со Свящ. Писаніемъ, была замѣнена герменевтикою, которая до того (въ 1853—1856 г.) преподавалась профессоромъ библейской исторіи. Преемникъ о. Серафима іером. Григорій Полежаевъ, казанецъ (1854—1867 г.), замѣнилъ его аналитической методъ новымъ, который можно назвать синтетическимъ:— онъ, подъ влияніемъ о. Феодора Вухарева, разсматривалъ все Свящ. Писаніе и его отдѣльныя книги, какъ одно цѣлое, одну постепенно развертывавшуюся исторію божественнаго домостроительства спасенія рода человѣческаго.

3) *Предметы старшаго отдѣленія.* Догматическое богословіе до 1856 г. преподавалось совмѣстно съ введеніемъ въ богословіе или—по позднѣйшему названію—съ основнымъ богословіемъ и полемикою или обличительнымъ богословіемъ. Такъ какъ эта каедрa считалась важнѣйшею, то ее занимали начальствующія лица въ Академіи, обычно монахи, люди не очень высокой науки и особаго склада ума. Съ 1844 по 1870 г. ихъ смѣняло 14 человѣкъ, кромѣ временныхъ преподавателей, что тоже отражалось невыгодно на успѣхахъ дѣла. Первый профессоръ архим. Серафимъ читалъ по кievскимъ лекціямъ и проводилъ догматическую систему едва ли не Иннокентіевскую, но

уродую ее и превращая ее въ своею изложеніи въ какіе-то катихизическіе уроки. Такъ же кратокъ и несодержателенъ былъ и его курсъ полемическаго богословія, обличавшаго не только христіанскія исповѣданія, но и нехристіанскія. Тогдашнее кievское схоластическое образованіе и діалектическое направленіе богословскаго преподаванія еще сильнѣе сказалось въ Фотіи. Съ 1853 г. преподаваніе богословія оживилъ своими прекрасными лекціями ректоръ Парфеній, хотя тоже державшійся діалектическаго, разсудочнаго метода и руководившійся преимущественно католическими системами. Слѣдующій преподаватель архим. Агаѳангелъ внесъ ту особенность въ преподаваніе, что старался приучить студентовъ къ педагогической дѣятельности и его репетиціи имѣли характеръ пробныхъ или практическихъ лекцій. Лучшимъ, самымъ цвѣтущимъ для догматики временемъ были 1854—1859 годы, когда на кафедрѣ богословія сидѣли одинъ за другимъ инспекторъ Феодоръ Вухаревъ и ректоръ Іоаннь Первый, москвичъ по образованію, извѣстенъ по своей педагогической и литературной дѣятельности, какъ человѣкъ съ сильнымъ философскимъ развитіемъ, съ свѣтлымъ богословскимъ умомъ, согрѣтымъ при томъ теплотою самой искренней вѣры, такъ что являлъ собою образецъ истинно святоотеческаго созерцанія. На многихъ производили глубокое впечатлѣніе его чтенія, составлявшія стройную и оригинальную систему. Началомъ, исходнымъ пунктомъ и средоточіемъ этой системы было ученіе о Единородномъ Сынѣ Божіемъ, на которомъ почла вся до конца любовь Божія, Который единъ, есть путь, истина и животъ, въѣ котораго нѣтъ благоволенія Божія, нѣтъ никакой жизни, а одна только смерть,—объ Агнцѣ Божіемъ, принявшемъ на Себя вину грѣховныхъ нестроений всего міра и загладившемъ ее своимъ самоотверженіемъ и смертію. Эта идея проходила чрезъ все богословскіе курсы о. Феодора—догматическіе, нравственные, обличительно-полемическіе, какъ проводилась имъ чрезъ все другія, даже свѣтскія науки, и чрезъ все стороны жизни. Онъ стремился къ тому, чтобы идея вочеловѣчившагося и искупившаго людей Единороднаго Сына Божія стала центромъ всехъ возможныхъ сторонъ чело-

вѣческой жизни и дѣятельности. Въ этихъ интересахъ,—чтобы популяризовать христіанскія, благодатныя начала во всѣхъ слояхъ общества и провести ихъ во всѣ стороны и углы мірской человѣческой жизни, безъ препятствій со стороны дух. начальства и своихъ обѣтовъ монашескаго послушанія, о. Теодоръ рѣшилъ оставить Академію и даже разетричься. Остальная его жизнь была только литературнымъ выраженіемъ его идей.—Ректоръ Іоаннъ занявъ кафедру догматическаго богословія въ 1857 г., когда его силы были уже надломлены и когда у него не было уже ни желанія, ни времени научно готовиться къ лекціямъ. Оттого послѣднія всегда были бѣдны лигературными и историческими указаніями. Но зато „его находчивость, умѣнье въ каждомъ предметѣ найти непременно какую-нибудь новую, интересную сторону, сильный, діалектическій умъ и способность быстро разбираться въ самомъ трудномъ сплетеніи мыслей и доказывать ихъ большею частью съ помощью какихъ-нибудь тоже совсѣмъ новыхъ и неожиданныхъ аргументовъ и всегда съ вѣсомъ и съ большою убѣдительносію, наконецъ, свободная, тоже сильная и оригинальная рѣчь, которая заставляла забывать и самые недостатки его аргументаціи, дѣлали то, что студенты съ напряженнымъ вниманіемъ и увлеченіемъ слушали каждую его лекцію“. Но самъ онъ скоро почувствовалъ себя слабымъ на кафедрѣ и въ 1859 г. оставилъ ее. Послѣ него до 1867 г. смѣнялось три преподавателя догм. богословія, пока правленіемъ не было принято и Св. Синодомъ утверждено предложеніе архіеп. Антонія, чтобы этотъ предметъ преподавался непремѣнно съ основнымъ богословіемъ и при томъ—ректоромъ. Сходастъ и формалистъ ректоръ Иннокентій не создалъ эпохи въ исторіи этой науки въ Казани. Но зато оставилъ крупный слѣдъ ректоръ Никаноръ, выдвинувшійся въ богословской наукѣ еще на петербургской академической кафедрѣ. „Преподаваніе его имѣло оживленный, большею частью собесѣдовательный характеръ и отличалось тонкимъ и глубокимъ анализомъ свидѣтельствъ Свящ. Писанія, энциклопедической ученостию и особенно обширвой эрудиціей по части богословскихъ и философскихъ наукъ“. „Въ лекціяхъ его откры-

вались слушателю не только одни результаты его ученыхъ изысканій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый методъ, приемы и средства, съ помощію которыхъ эти результаты были имъ получены. такъ что слушатель въ каждой его лекціи видѣлъ самый процессъ его научной работы и слѣдилъ за ней шагъ за шагомъ, что производило на аудиторію сильно развивающее вліяніе“. Особый интересъ лекціямъ Никанора придавало знакомство его съ литературами противорелигіозною и естественно-научной, особенно геологической и космологической. Въ 1870 г. онъ по силѣ новаго устава былъ замѣщенъ штатнымъ преподавателемъ, каковымъ по конкурсу сдѣлался Е. А. Вудрягъ.

Основное богословіе и обличительное, преподававшіяся прежде съ догматическими, въ 1856 г. были выдѣлены въ особую кафедру. Эпохою въ преподаваніи ихъ было 24 окт. 1858 г.—день первой лекціи іером. Хрисанова Ретивцева (моск. академія). Его научное направленіе, бывшее новостью не только въ казанской Академіи, но и въ русской богословской наукѣ, можно назвать философско-историческимъ. Оно сводилось къ цѣльному историческому обзорѣнню религіи, при чемъ на послѣднія онъ смотрѣлъ не какъ на разсудочныя доктрины, а какъ на живое религиозное міросозерцаніе во всей его многосторонней исторической и жизненно-психологической цѣльности. Вліяніе на студентовъ Хрисанова, отличавшагося при томъ сильнымъ ораторскимъ талантомъ, было настолько велико, что успѣшно конкурировало съ авторитетомъ самого ректора Іоанна, блестящаго представителя стараго діалектическаго направленія. Хрисановъ оживилъ интересъ къ изученію не только богословскихъ, но и философскихъ наукъ. Казанская Академія, памятуя о такихъ его заслугахъ, въ 1877 г. избрала Хрисанова въ свои почетные члены, а въ 1878 г. возвела въ званіе доктора богословія *honoris causa*. По переходѣ Хрисанова въ петербургскую Академію (1865 г.) преподаваніе основнаго и обличительнаго богословія велось въ томъ же духѣ и поддерживалось на той же высотѣ Н. П. Роджественскимъ (1865—1869 г.), магистромъ, а потомъ и профессоромъ петербургской Академіи (1869—1882 г.), авторомъ „Христіанской апологетики“. Въ 1867 г. основ-

ное богословіе отдѣлено отъ обличительнаго и соединено съ догматическимъ (по старому), обличительное связано съ пастырскимъ, а къ нравственному богословію, отъ котораго отдѣлено пастырское, присоединена гомилетика.

Нравственное богословіе обычно поручалось инспекторамъ, отъ чего и страдало, ибо это или были люди не науки, или недолго засиживались на этой дисциплинѣ. Постояннаго преподавателя оно получило только въ 1862 г. въ лицѣ московскаго магистра А. И. Гренкова. Онъ, какъ и Хрисанъ, составилъ новую эпоху. Началъ онъ съ критики прежнихъ методовъ этой науки, которая у насъ склонялась къ католическимъ системамъ, построеннымъ слишкомъ ужъ юридически и оперировавшимъ съ объективной стороны христіанской морали, съ добрыми дѣлами. Гренковъ поставилъ для себя задачей—«съ одной стороны, въ объективной части науки уловить и показать самую сущность христіанственности въ христіанской морали, съ другой—восполнить эту объективную часть антропологическими элементами, описать выраженіе объективной моральной нормы въ теловѣческой жизни, указать самый логическій процессъ христіаненія этой жизни». Свою столь широкую программу Гренковъ осуществлялъ въ теченіе всей своей службы въ казанской Академіи (до 1899 г.), съ искусствомъ пользуясь историческимъ методомъ, какъ въ теологической, такъ и въ антропологической частяхъ своей системы.

Виблейская и общая церковная исторія. При обычномъ соединеніи этихъ наукъ въ рукахъ одного преподавателя послѣдній, въ интересахъ экономіи времени, часто опускалъ библейскую исторію, какъ болѣе знакомую студентамъ. Съ 1856 г. она совсѣмъ перестала преподаваться, а въ 1865 г. ее и Синодъ исключилъ изъ круга академич. наукъ. Не дурнымъ преподавателемъ былъ съ 1844 г. А. И. Веневольскій, читавшій библейскую исторію по Филарету и Буддею, а церковную по Неандеру, причѣмъ послѣднюю онъ заканчивалъ новѣйшими религиозными движеніями на Западѣ въ XIX в. Но вызванное стремленіемъ его держаться на научной высотѣ ознакомленіе студентовъ съ противохристіанскими и противоправославными ученіями, привѣненіе къ би-

блейской исторіи новѣйшихъ историческихъ приемовъ побудили начальство заподозрить его въ чистотѣ православія и перевести въ 1850 г. съ церковной исторіи на канонику и греческій языкъ,—впрочемъ, съ оставленіемъ за нимъ библейской исторіи. Много содѣйствовало оживленію историческаго интереса въ Академіи его преемникъ іером. Веніаминъ Благодѣевицъ (1850—1858 г.), человѣкъ съ большою историческою эрудиціей, использовавшій для своего огромнаго рукописнаго курса весь историческій отдѣлъ академической бібліотеки, имъ же значительно увеличенный путемъ выписки французскихъ и нѣмецкихъ книгъ; но главнымъ его руководителемъ былъ Неандеръ.

Выдѣленная при реформѣ учебныхъ курсовъ 1840 г. изъ церковной исторіи патрология должна была идти въ параллель со Свящ. Писаніемъ въ теченіе всего курса, но въ Казани она стала преподаваться только въ старшемъ отдѣленіи и то съ 1844 г. Изъ преподавателей ея успѣлъ выдѣлиться только М. М. Зефировъ (1850—1856 г.), съ помощію Мѣлера составившій довольно полныя лекціи до IX в., отличавшіяся богатствомъ свѣдѣній, яснымъ и увлекательнымъ изложеніемъ и выразительнымъ подборомъ замѣчательныхъ мѣстъ изъ отеческихъ твореній, выясняющихъ самый геній или духъ cadaго отца съ его характерными особенностями въ ученіи и даже въ изложеніи. Эти лекціи служили руководствомъ въ Академіи и при преемникахъ Зефирова. Студенты находили ихъ выше извѣстнаго ученія объ отцахъ церкви архіеп. Филарета какъ по степени ясности, опредѣленности и логичности, такъ и по сравнительной легкости для изученія. Лекціи эти съ разными измѣненіями и сокращеніями распространились по всѣмъ Семинаріямъ казанскаго округа.

Пастырское богословіе, какъ само стоятельная кафедра, явилось въ Академіи только въ 1854 г., когда оно было замѣщено бакалавромъ Зефировымъ (до 1856 г.), который составилъ курсъ его, состоявшій изъ трехъ частей: 1) объ общія качествахъ, требуемыхъ отъ пастыря; 2) пастырской педагогикѣ; 3) пастырской литургикѣ. Курсъ этотъ, посланный въ 1859 г. въ Петербургъ, тамъ гдѣ-то пропалъ. Послѣ Зефирова пастырское богословіе, сдѣлавшись

побочнымъ предметомъ преподаванія разныхъ профессоровъ, не обращало на себя большого вниманія. Лишь при новомъ уставѣ, соединенная опять съ гомилетикою, эта наука составила довольно раціональную кафедру.

Гомилетика,—хотя была пересажена въ казанскую Академію прямо изъ кіевской, мѣста наибольшаго ея процвѣтанія подъ руководствомъ знаменитаго Я. К. Амфитеатрова,—была тоже несчастной наукой, быть можетъ потому, что въ казанской Академіи очень рано развилось научное преподаваніе общей словесности, которое подрывало риторическое направленіе гомилетики. Впрочемъ при И. Я. Порфирьевѣ, который одно время преподавалъ и гомилетику, послѣдняя стала освобождаться отъ своей старой семинарско-риторической исключительности, стала дополняться новыми элементами изъ теории ораторской рѣчи вообще и вступила на путь историческаго изученія церковнаго проповѣдничества. Порфирьевъ ограничивался, впрочемъ, исторіею русскаго проповѣдничества; преемники его захватили въ содержаніе своихъ очерковъ проповѣдничество древней православной церкви и исторію церковной проповѣди на Западѣ.

Литургика (или еклезиастика) стала преподаваться только съ февраля 1845 г. Развѣтвія большого не получила; она читалась часто смѣнявшимися профессорами по разнымъ чужимъ запискамъ (петербургской Академіи, кіевской). Лишь съ начала 1859 г. возбужденъ живой интересъ къ этой наукѣ, когда ее сталъ читать молодой бакалавръ А. С. Павловъ. Лекціи его не были систематическими, а представляли рядъ эпизодическихкихъ монографій историческаго направленія. Старая литургика преобразилась у него въ церковную археологію; руководителями его были Винтерницъ, Бягамъ, Августя.

Каноника, начавшись одновременно съ литургики, читалась на первыхъ порахъ по кіевскимъ запискамъ (прот. Скворцова), и только бакалавръ А. П. Владимірекій (1846—1850 г.) ввелъ въ лекціи историческій элементъ. Иные профессора посвящали явнымъ лекціи явнымъ напутникамъ законодательства—Кормчей Книги, Духовнаго Регламента, даже уставовъ академическаго и семинарскаго. Въ концѣ 50-хъ годовъ одинъ преподаватель читалъ канони-

ку по печатному курсу церковнаго законовѣдѣнія Іоанна Соколова. Лишь съ 1859 г. оживилъ интересъ къ каноникѣ тотъ же А. С. Павловъ своими самостоятельно разработанными лекціями съ историческимъ направлениемъ. При обзорѣ русскаго церковнаго права, особенно въ древній періодъ, онъ сдѣлалъ рядъ научныхъ открытій, послужившихъ первымъ фундаментомъ его ученой извѣстности. Въ 1864 г. онъ былъ избранъ въ казанскій Университетъ въ доценты вновь открытой кафедры церковнаго права, почему былъ уволенъ,—вопреки своему желанію,—съ духовно-учебной службы. Его ученые заслуги вообще и значеніе для казанской Академіи въ частности оцѣнены были послѣднею избраніемъ его въ почетные члены (1881 г.). Послѣ него, съ 1865 г. и доселѣ, кафедрѣ каноническаго права занимается одинаково съ Павловымъ извѣстный въ наукѣ И. С. Бердниковъ, давшій вполне прочную постановку этому предмету въ академическомъ курсѣ, а въ 1888—9 гг. напечатавшій преобразованный „Краткій курсъ церк. права“, имѣющій уже 2-ое изданіе 1903 г. (См. „Энци.“ II, 394—395).

3) *Предметы миссіонерскихъ отдѣленій и судьба іослѣдованій.* Миссіонерскія отдѣленія при казанской Академіи открыты были въ 1854 г., но еще задолго до того введено было въ курсъ преподаванія восточныхъ языковъ. Послѣднее случилось въ началѣ 1845 г. при содѣйствіи профессоромъ Университета А. К. Казембека и А. В. Попова. Къ первому записалось на турецко-татарскій языкъ 11 чел. и изъ нихъ двое на арабскій, которымъ онъ преимущественно и занимался. У втораго монголо-казмыцкій языкъ слушало 5 чел. Оба профессора занимались главн. обр. языками и свѣдѣнія по исторіи, этнографіи и религіи арабовъ, монголовъ и калмыковъ сообщали только между прочимъ. Тѣмъ не менѣе они успѣли приготовить нѣсколькихъ отличныхъ наставниковъ инородческихъ языковъ для Семинарій и двоихъ для Академіи—А. А. Бобровникова и Н. И. Ильминаскаго. Послѣдніе составили цѣлую эпоху въ исторіи миссіонерскаго образованія не только въ самой Академіи, но и во всемъ академическомъ округѣ. Бобровниковъ специализировался на монгольскомъ языкѣ,

который для него былъ почти природнымъ. Въ Академіи онъ сталъ заниматься имъ еще до открытія его преподаванія, для чего по мысли еп. Владиміра ходилъ въ Унивѣрситетъ на лекціи проф. Ковалевскаго, котораго продолжалъ слушать и по открытіи занятій въ Академіи. Будучи звачкомъ съ буддійскимъ вѣроучіемъ еще до Академіи, онъ для курсовой работы взялъ тему „О различіи между христіанскимъ и буддійскимъ ученіемъ о любви къ ближнимъ“. Получивъ предъ окончаніемъ курса (1846 г.) порученіе отъ ректора написать для Семинарій руководство по калмыцкой грамматикѣ, Вобровниковъ выхлопоталъ командировку на три мѣсяца въ астраханскія и царидынскія степи. Изучивъ тамъ религіозно-правственное состояніе калмыковъ, ихъ семейный и общественный бытъ и особенно языкъ, онъ въ 1848 г. составилъ грамматику послѣдняго, удостоившюся награды отъ Синода и преміи отъ Академіи Наукъ и напечатанную въ 1849 г. Занявъ мѣсто Попова, котораго считалъ ниже себя по монголо-вѣдѣнію, Вобровниковъ сдѣлался не только академическимъ преподавателемъ, но и единственнымъ въ казанскомъ дух.-учебномъ округѣ ученымъ спеціалистомъ по монгольскому и калмыцкому языкамъ и рецензентомъ христіанско-просвѣтительныхъ трудовъ на этихъ языкахъ, присылавшихся въ Академію изъ округа. Но онъ относился отрицательно къ переводамъ на монгольскій языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, въ виду филологической неразработанности этого языка и страшной трудности перелать на немъ чуждыя ему до того христіанскія понятія. — Иначе обстояло дѣло съ татарскимъ языкомъ, преподавателемъ котораго былъ Ильминскій (См. „Эп.“ V, 869—872). Сдѣлавшись по окончаніи курса замѣстителемъ Каземъ-бека, Ильминскій продолжалъ еженедѣльно ходить къ нему, для усовершенствованія въ своемъ предметѣ, знакомясь преимущественно съ внутреннею жизнью мусульманъ, ихъ вѣроучіемъ, обычаями и съ арабскимъ языкомъ. Съ марта 1847 г. онъ переселился въ татарскую слободу на краю города и здѣсь изучалъ живой татарскій языкъ и религіозную жизнь, при чемъ былъ допущенъ въ лучшія татарскія школы. При рѣдкомъ трудолюбіи онъ великолѣпно изучилъ бытъ и характеръ

татарской народности и живую рѣчь. При такихъ познаніяхъ Ильминскій сразу сталъ живою миссіонерскою силой. Когда въ 1847 г. при казанской Академіи былъ основанъ подъ предсѣдательствомъ Каземъ-бека комитетъ для перевода книгъ на татарскій языкъ, въ виду массовыхъ отпаденій крещеныхъ татаръ въ магометанство, Ильминскій сталъ его ближайшимъ сотрудникомъ. Въ слѣдующіе два года онъ былъ командированъ архіеп. Григоріемъ въ казанскую губернію для изученія религіознаго настроенія крещеныхъ татаръ и привезъ множество цѣнныхъ данныхъ о состояніи христіанскаго просвѣщенія старо-и ново-крещеныхъ татаръ, о степени религіознаго вліянія на нихъ какъ православнаго духовенства, такъ и магометанства. Въ 1850 г. Ильминскій былъ вызванъ архіеп. Григоріемъ въ Петербургъ для участія въ открытомъ имъ тамъ переводческомъ комитетѣ совместно съ тѣмъ же Каземъ-бекомъ, съ 1849 г. профессоромъ петербургскаго Университета. Работы обоихъ комитетовъ имѣли дѣло съ книжнымъ татарскимъ языкомъ, на какомъ издавало свои переводы Виблейское Общество и какой преподавалъ въ Академіи Каземъ-бекъ. Въ этомъ пунктѣ на первыхъ порахъ съ нимъ былъ согласенъ и Ильминскій, впоследствии перешедшій къ живой татарской рѣчи. Въ новой ученой командировкѣ на Востокъ (1851—1854 г.) Ильминскій основательнѣйшимъ образомъ изучилъ арабскій, турецкій, персидскій и еврейскій языки, исторію Магомета, его вѣры и сектъ, литературу и древности ислама, состояніе западныхъ миссій и взаимныя отношенія магометанъ и христіанъ и пріобрѣлъ большой запасъ книгъ и рукописей по исламовѣдѣнію. Вернувшись въ Казань какъ разъ къ тому времени, когда уже назрѣлъ вопросъ объ учрежденіи при Академіи самостоятельныхъ миссіонерскихъ отдѣленій.

Первоначальною постановкой восточныхъ языковъ въ казанской Академіи нельзя было довольствоваться уже потому, что не было особахъ кнеодѣръ ихъ, что занятія ими не были обязательны и не давали никакихъ нравъ; при томъ же преподаваніе носило характеръ только филологическій, на что послѣ ревизіи 1846 г. обратилъ вниманіе и Синодъ, потребовавшій, чтобы бакалавры

инородческихъ языковъ „употребляли всевозможныя средства къ узнанію заблужденій мусульманства и свѣдѣнія свои сообщали слушателямъ“. Тогда профессора Каземъ-бекъ и Поповъ и подали мысль объ учрежденіи при Академіи особаго отдѣленія миссіонеровъ. Мысль была принята академическимъ правленіемъ и преосв. Владиміромъ, но осуществленіе ея было задержано на много лѣтъ завязавшеюся перепиской изъ-за требованія статистическихъ свѣдѣній объ инородцахъ округа. Во все это время межумочнаго положенія миссіонерскихъ кафедръ преподаваніе носило по-прежнему преимущественно филологическій характеръ. Изученіе этнографіи и вѣрваній инородцевъ предоставлялось почти одному усердію и любознательности студентовъ. Впрочемъ, при кафедрѣ монголо-калмыцкой существовала одно время практикантъ лама Гомбоевъ, что дало Вобровникову возможность останавливаться на изложеніи буддійской философіи и религіи. Неопредѣленность положенія кафедръ и постановки предметовъ обусловливали небольшое число занимавшихся ими и бѣгство ихъ. Только въ 1848 г. изученіе того или другого изъ восточныхъ языковъ стало обязательнымъ для всѣхъ студентовъ, что впрочемъ не рѣшило вопросовъ, связанныхъ съ назначеніемъ миссіонерскихъ кафедръ и цѣлью изученія языковъ,—вопросовъ, рѣшенныхъ основаніемъ въ 1854 г. особыхъ миссіонерскихъ отдѣленій. Надъ выработкою окончательной редакціи проекта отдѣленій особенно потрудился архіед. Григорій, благодаря настояніямъ котораго дѣло было доведено до благопріятнаго окончанія. Синодомъ было рѣшено (и Государемъ 13 ноября 1853 г. утверждено) открыть при казанской Академіи (какъ и при другихъ) отдѣленіе противораскольническое и завести при ней особый духовный журналъ съ противораскольническимъ преимущественно направленіемъ. Затѣмъ 24 мая 1854 г. Синодъ постановилъ учредить при казанской Академіи отдѣленіе противоязычское и противомалометанское, при чемъ ей вмѣнялось въ обязанность слѣдить за успѣхами преподаванія мѣстныхъ языковъ въ Семинаріяхъ и училищахъ округа. Во исполненіе этихъ опредѣленій правленіе Академіи въ іюлѣ 1854 г. рѣшило слѣдующее: а) Про-

тивораскольническое отдѣленіе открыть съ начала учебнаго года изъ студентовъ обоихъ курсовъ съ предложеніемъ желающимъ изъ окончившихъ прочитаться еще два года; учащихся на немъ освободить—старшихъ отъ герменевтики и естественныхъ наукъ, младшихъ—отъ исторіи философіи, математики и тоже естественныхъ наукъ; преподавать изъ исторіи раскола, полемику противъ него, миссіонерскую педагогикку, славянскую палеографію и славянскій языкъ; преподаваніе предоставить ректору съ одними бакалавромъ, а на палеографію пригласить профессора Университета Григоревича. б) Съ начала же 1854¹/₅ уч. года открыть отдѣленіе противъ язычниковъ и инородцевъ, съ подраздѣленіемъ его на татарское, монгольское и чувашско-черемисское; помѣщать туда студентовъ обоихъ курсовъ по желанію, преимущественно изъ тѣхъ епархій, гдѣ есть означенныя племена, съ освобожденіемъ ихъ отъ исторіи философіи, математики и естественныхъ наукъ, кромѣ ботаники; на татарскомъ отдѣленіи преподавать: исторію Мухаммеда, исламъ по его источникамъ, этнографію татаръ, миссіонерскую педагогикку, языки татарскій и арабскій; на монгольскомъ—буддизмъ, шаманство, исторію монголовъ, миссіонерскую педагогикку, практическую народную медицину по методѣ Каменецкаго и языки монгольскій и калмыцкій; на чувашско-черемисскомъ отдѣленіи—вѣроученіе, этнографію и языки этихъ племенъ и соответствующую часть миссіонерской педагогикки; преподаваніе возложить на первомъ отдѣленіи на Ильминскаго и Саблукова, на второмъ на Вобровникова и въ третьемъ на прот. Вишневекаго.

При открытіи въ сентябрѣ 1854 г. миссіонерскихъ отдѣленій на нихъ записались съ обоихъ курсовъ: на противораскольническое 28 чел., кромѣ того одинъ окончившій и 6 священниковъ, на татарское 12, на монгольское 6 и на чувашско-черемисское 12. Послѣднее чрезъ два года было закрыто, такъ какъ число прошедшихъ чрезъ него показалось недостаточнымъ для удовлетворенія потребностей края, хотя по положенію объ отдѣленіяхъ они не были связаны съ организаціей миссіонерства и потому имъ оставался прежній служебный выходъ—учительство въ Семинаріяхъ.

Исторія другихъ отдѣленій была нѣсколько
вная.

Противораскольническое отдѣленіе
пользовалось особеннымъ вниманіемъ архіеп.
Григорія и ректора Агаангела, который
былъ его первымъ и сначала единственнымъ
преподавателемъ. Его усиліями была обога-
щена множествомъ книгъ и рукописей ака-
демическая бібліотека и ему же обязана
своимъ первымъ разборомъ бібліотека Со-
ловецкаго монастыря, присланная въ Ака-
демію въ миссіонерскихъ цѣляхъ. Идя на
встрѣчу интересамъ отдѣленія, Агаангель
служилъ ему и своимъ не малымъ собра-
ніемъ книгъ и рукописей. Онъ способство-
валъ и численному умноженію отдѣленія пу-
темъ записи на него лучшихъ студентовъ.
Курсъ его открывался наукою пастырскаго
благоразумія въ отношеніи къ раскольни-
камъ или пастырской педагогикой, продол-
жался исторією расколовъ и сектъ въ рус-
ской церкви и обзорѣмъ книгъ и руко-
писей, къ расколу относящихся, и закан-
чивался лекціями по противораскольнической
полюмикѣ. Руководителемъ его въ разныхъ
частяхъ науки былъ архіеп. Григорій, Уни-
верситетскій профессоръ В. И. Григоровичъ,
приглашенный въ 1855 г. для лекцій по
палеографіи, прочелъ вмѣстѣ съ тѣмъ курсъ
сравнительнаго изученія славянскихъ нарѣ-
чій и какъ имъ, такъ и своею богатою би-
бліотекою заинтересовалъ немалое число сту-
дентовъ, одинъ изъ которыхъ А. И. Лидовъ
былъ рекомендованъ имъ, какъ его достой-
ный преемникъ по кафедрѣ палеографіи.
Кромѣ Лидова въ отдѣленіи съ 1857 г.
появился еще одинъ работникъ Н. М. Доб-
ротворскій, но въ этотъ моментъ Агаан-
гель былъ замѣненъ ректоромъ Іоанномъ
Соколовымъ, который раскола не любилъ
и отъ души презиралъ его, чѣмъ и объ-
ясняется произведенный имъ разгромъ от-
дѣленія. Въ 1858 г. по его мысли была
исключена изъ отдѣленскихъ предметовъ
наука пастырскаго благоразумія, какъ не-
нужная въ особомъ видѣ. По его же на-
стоянію была уничтожена кафедра палео-
графіи, представителемъ которой ударился въ
везучую для раскола славянскую фило-
логію, п. Лидовъ, переведенный на фило-
софію, ушелъ изъ Академіи. Отдѣленіе по-
лучило особую постановку, отличную отъ
задуманной: расколъ изъ спеціальнаго пред-

мета превратился въ общеобязательный пред-
метъ для всего старшаго курса Академіи.
За уничтоженіемъ отдѣленія были вытѣснены
посторонніе слушатели—священники и пре-
подаванію придано не миссіонерское, пра-
ктическое направленіе, а научное, теорети-
ческое, чему способствовали и единственный
теперь представитель его Добротворскій,
истинный основатель научнаго изученія рас-
кола въ казанской Академіи. Оставивъ
почти совсѣмъ полемику противъ раскола,
онъ занялся его исторією и литературой
и еще болѣе исторіей и ученіемъ рус-
скихъ сектъ—бѣгуновъ, хлыстовъ, скопцовъ,
духоборцевъ и молоканъ. Лекціи о послѣд-
нихъ почти все имъ напечатаны. Въ отно-
шеніи къ расколу Добротворскій отдалъ дань
модному тогда взгляду, что онъ есть оппо-
зиція по отношенію къ правительству, но,
въ противоположность Щапову, чуждъ былъ
идеализаціи его, и расколъ признавалъ си-
лою темной, безсознательно стихійной и
крайне вредной. Въ 1865 г. онъ пригла-
шенъ былъ на кафедру церковной исторіи
въ казанскій Университетъ, а въ Академіи
его замѣнилъ магистръ петербургской Ака-
деміи Н. И. Ивановскій, который далъ пре-
подаванію полемическое направленіе и еще
до 70-хъ годовъ получилъ широкую извѣст-
ность своими противораскольническими бе-
сѣдами; составилъ онъ себѣ имя и въ пе-
дагогической литературѣ своимъ „Руковод-
ствомъ по исторіи и обличенію старооб-
рядческаго раскола съ присовокупленіемъ
свѣдѣній о сектахъ рационалистическихъ и
мистическихъ“, выдержавшимъ съ 1886 г.
нѣсколько изданій и служащимъ учебникомъ
въ семинаріяхъ (см. „Энци.“ V, 775—776).

Отдѣленіе противомусульманское
далеко уступало противораскольническому и
по числу студентовъ, и по количеству пре-
подавателей. Г. С. Сабдукова допустить къ
преподаванію въ 1854 г. не удалось, и
единственнымъ работникомъ здѣсь оказался
Н. И. Ильминскій, если не считать скоро
полученнаго имъ практиканта татарскаго
языка Ямбулатова. Облегченіемъ ему слу-
жило то, что его слушатели по лѣтамъ
селились на казенный счетъ въ татарской
слободѣ для упражненія въ разговорномъ
языкѣ. Въ 1856 г. въ отдѣленіе былъ
переведенъ Сабдуковъ и слѣдующіе два года
были лучшимъ временемъ его въ отношеніи

преподавательскаго состава и полноты курса. Сабдуковъ преподавалъ татарскій и арабскій языки, а Ильминскій—мусульманское вѣроученіе съ полемикою противъ него. Впрочемъ, мало вѣря въ силу полемики противъ ислама, съ которымъ предпочиталъ бороться путемъ распространенія среди мусульманъ просвѣщенія и ознакомленія ихъ съ христіанскою цивилизаціей, Ильминскій больше налегалъ на изученіе источниковъ ислама и сущности его ученія. Онъ самъ издалъ въ 50-хъ годахъ нѣкоторые изъ этихъ источниковъ. Наряду съ педагогическими и учеными трудами Ильминскій продолжалъ работать надъ переводами священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Въ это именно время у него произошелъ переворотъ во взглядахъ на характеръ переводовъ. Онъ пришелъ къ мысли, что для рѣшительнаго отклоненія крещеныхъ татаръ отъ мусульманства нужно снабдить ихъ книгами на ихъ разговорномъ языкѣ, а не на книжномъ, котораго они не понимаютъ и который, кромѣ того, весь проникаетъ мухаммеданскими идеями, и что алфавитъ для этого нужно употреблять не татарскій, а русскій—тѣмъ болѣе, что послѣдній лучше выражаетъ и самые звуки татарскаго языка. Эта мысль, воплотившись черезъ нѣсколько лѣтъ въ дѣло, произвела цѣлый переворотъ въ системѣ миссіонерскаго дѣйствованія. Но большого труда стоило Ильминскому доказать справедливость своего убѣжденія, особенно при ректорахъ, которые не признавали исламъ за силу и которые въ ученой ревности профессоровъ татарскаго отдѣленія видѣли увлеченіе магометанствомъ. Одинъ изъ таковыхъ, Іоаннъ, въ 1858 г. произвелъ и здѣсь реформу; при чемъ предметы этого отдѣленія сдѣлались общеобязательными для младшаго курса и всѣ были отданы Сабдукову, а Ильминскій переведенъ былъ на математику, почему ушелъ изъ Академіи. Вытѣсненъ былъ и практикантъ. Сабдуковъ изъ многихъ предметовъ оставилъ главное вниманіе на противомусульманской полемикѣ, основателемъ которой въ Академіи и считается. Но, изъ-за нерасположенія Іоанна, и онъ оставилъ въ 1862 г. Академію, продолжая все же считаться въ Казани высшимъ авторитетомъ въ области исламовѣдѣнія и миссіонерства. Его мѣсто въ Академіи занялъ Ильминскій,

тогда профессоръ турецко-татарскаго языка въ Университетѣ. Новое выступленіе его на академической кафедрѣ совпало съ опубликованіемъ имъ новыхъ приемовъ переводческой дѣятельности (статья „Объ образованіи инородцевъ посредствомъ книгъ, переведенныхъ на ихъ родной языкъ“ и букварь для крещеныхъ татаръ на ихъ языкѣ),—приемовъ, къ которымъ онъ пришелъ нѣсколько лѣтъ назадъ, но только теперь практически провѣрилъ. 1863-й г., когда Ильминскій выступилъ со своею системою и образцомъ ея примѣненія, былъ настоящею эпохой и въ исторіи татарскаго отдѣленія: имъ эта исторія раздѣлилась на два отличныхъ другъ отъ друга періода,—теоретическаго, книжнаго изученія мусульманства и общей полемики противъ него и—практическаго, ближайшаго ознакомленія съ религіознымъ положеніемъ и самой жизнью татаръ, изученія живого татарскаго языка и опытовъ дѣйствительнаго и именно христіанско-просвѣтительнаго вліянія на татарское, частіе—крещено-татарское населеніе“. Черезъ послѣднее татарское отдѣленіе порѣшило дѣйствовать и на всю массу татарства, находя путь прямого дѣйствія на некрещеныхъ бесполезнымъ и даже вреднымъ.

Возвратившись въ Академію, Ильминскій взялъ на себя преподаваніе языковъ за половинное вознагражденіе съ тѣмъ, чтобы другая половина его жалованья пошла на возстановленіе кафедры противомусульманской полемики. На эту кафедру попалъ Е. А. Маловъ, съ первыхъ же шаговъ опредѣлившійся не только какъ ученая сила на кафедрѣ, но и какъ энергичный дѣятель на миссіонерскомъ поприщѣ. Составъ татарскаго отдѣленія одновременно увеличился практикантомъ, крещенымъ татаринимъ Вас. Тимоеевымъ, съ которымъ Ильминскій повелъ переводы въ новомъ направленіи и который въ 1864 г. основалъ школу для дѣтей крещеныхъ татаръ, послужившую прочнымъ камнемъ для новой просвѣтительной системы и колыбелью нынѣшней центральной крещено-татарской школы. Въ это время опредѣлились вполне задачи отдѣленія, которое, варяду съ теоретическимъ изученіемъ наукъ, поставило себѣ цѣлю переводить и издавать на народномъ языкѣ священныя, богослужебныя и вообще христіанско-просвѣти-

тельные книги, обучать татарскихъ дѣтей въ школахъ, по вакантамъ дѣлать научно-миссіонерскія экскурсіи въ татарскія селенія и укрѣплять въ православіи крещеныхъ татаръ. Въ среднѣ 60-хъ годовъ отдѣленіе оказало большія услуги церкви по поводу новыхъ отпаденій крещеныхъ татаръ.

Въ 1865 г. по иніціативѣ преподавателей противомусульманскаго отдѣленія Св. Синодъ вновь преобразовалъ миссіонерскія отдѣленія, возстановивъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они существовали до 1858 г., уничтоживъ такимъ образомъ обязательность миссіонерскихъ предметовъ той или другой группы для всѣхъ студентовъ. Въ 1867 г. архіеп. Антоній, пораженный тѣмъ, что высшее начальство не пользуется специальными познаніями воспитанниковъ миссіонерскихъ отдѣленій (такъ, изъ 36 съ успѣхомъ кончившихъ татарское отдѣленіе только 8 получили мѣста по специальности—2 въ Академіи и 6 въ Семинаріяхъ), представлялъ въ Синодѣ обширныя соображенія о лучшей постановкѣ миссіонерскихъ предметовъ и о судьбѣ студентовъ, изучившихъ ихъ. Хотя представители миссіонерскихъ отдѣленій на запросъ оберъ-прокурора Св. Синода дали опредѣленный отвѣтъ, куда можно было бы обращать вниманіе ихъ, наверху какъ-то были не склонны интересоваться отдѣленіями,—я послѣднимъ, при составленіи новаго академическаго устава, грозила серьезная опасность. Въ связи съ этимъ находится въ 1870 г. и выходъ изъ Академіи Ильминскаго, который оставался лучшимъ украшеніемъ и опорой миссіонерскихъ отдѣленій при дѣйствіи старой учебной программы.

Противобуддйское отдѣленіе въ казанской Академіи имѣло теоретическій характеръ въ силу отдаленности Казани отъ мѣстностей съ буддистскимъ населеніемъ. И записывались на него главн. обр. сибиряки изъ Иркутской епархіи да отчасти ставропольцы, астраханцы и саратовцы. Въ 1854 г. ихъ было всего 7 чел., не больше сюда и послѣ. Не велика были и учебныя средства—одинъ преподаватель А. А. Бобровниковъ. Понятно, что ему нельзя было пройти въ два года всю программу отдѣленія. Нѣкоторою помощію для него сталъ съ начала 1855 г. практикантъ монгольскаго языка лама Гомбоевъ. Черезъ полгода Бобровниковъ вышелъ изъ Академіи. Пре-

менно замѣщавшіи его Гомбоевъ и другіе преподаватели, противъ своей воли попадавшіе на предметы монгольскаго отдѣленія и недолго ихъ занимавшіе, не могли высоко поставить преподаваніе на немъ. Дѣло наладилось лишь съ 1863 г. съ назначеніемъ В. В. Миротворцева. Иркутянинъ родомъ, онъ изучалъ монгольскій языкъ и этнографію въ петербургской Семинаріи и Академіи подъ руководствомъ университетскихъ профессоровъ Попова, Голстунскаго и ламы Гомбоева. Въ 1863 г. онъ при Университетѣ выдержалъ экзаменъ по предметамъ монголо-калмыцкаго разряда восточнаго факультета, по каковому въ 1869 г. получалъ и степень кандидата. Въ немъ казанская Академія нашла прекраснаго наставника-монголовѣда, съ помощію котораго успѣшно возстановила и поддерживала упавшее было монгольское отдѣленіе. „Преподаваніе свое съ самаго начала онъ повелъ по весьма широкой программѣ, обнимавшей всю исторію буддизма на Востокъ и въ Россіи, его литературу, метафизику и нравственное ученіе“. „Въ практическую дѣятельность противобуддйское отдѣленіе Академіи не вступало и при немъ; но Миротворцевъ принималъ живѣйшее участіе въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касавшихся въ послѣднее время миссіонерскихъ отдѣленій, и глубоко сочувствовалъ тому практическому движенію, которое шло на противомусульманскомъ отдѣленіи“...

В) *Часть экономическая.* Первоначальный штатъ казанской Академіи простирался до 21.956 р., имѣвшихъ такое назначеніе: 10.368 р. на содержаніе личнаго состава, 6000 р. на содержаніе студентовъ (60 ч. по 100 р.), 3.500 р. на содержаніе дома, 715 р. на поѣздки по округу ревизоровъ—членовъ вышняго правленія, 572 р. бібліотека и кабинеты, 430 р. больница, 200 р. канцелярскіе расходы и 72 р. выписка журналовъ. Изъ служащихъ въ Академіи наибольшее жалованье получалъ ректоръ—1.200 р., ординарные профессеры по 715 р., экстраординарные и бакалавры по 358 р., инспекторъ (сверхъ преподавательскаго вознагражденія), экономъ и лекаръ по 258 р., секретарь и бібліотекаръ по 172 р., помощникъ бібліотекаря по 115 р. Кромѣ того наставники, какъ имѣвшіе степенъ магистра, получали по

100 р. магистерскихъ, а также квартиру или 200 р. квартирнаго пособія (послѣ 150 р.). Штатъ этотъ въ 1856 г. былъ увеличенъ вслѣдствіе основанія миссіонерскихъ отдѣленій, поведшихъ открытіе новыхъ кафедръ и двухъ должностей практикантовъ восточныхъ языковъ. Въ 1864 г. прибавки къ жалованью наставниковъ увеличили штатную сумму на личный составъ еще на 2.549 р. Въ 1865 г. увеличено содержаніе дома до 5.000 р. Къ 1866 г. опять увеличено жалованье наставникамъ, при чемъ прибавка шла сначала изъ аренды за домъ, построенный для Семинаріи. Были у наставниковъ и еще другіе источники содержанія: многіе изъ нихъ занимали въ самой Академіи должности, начиная съ инспекторской и кончая должностію секретари какого-нибудь правленія, и въ ея, въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ Университета и кончая училищемъ двѣицъ духовнаго вѣдомства.

Штатная сумма распалалась на двѣ части: половина высылалась изъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ, а другая поступала изъ свѣчныхъ доходовъ епархій казанской, симбирской и (съ 1865 г.) самарской и кавказской. На первыхъ порахъ штатной суммы было вполне достаточно и бюджетный годъ оканчивался обычно съ остатками, каковыя хранились въ московскомъ опекуновскомъ совѣтѣ. Но съ 50-хъ годовъ, когда крымская война подняла стоимость съѣстныхъ припасовъ и всякихъ товаровъ, появились дефициты, изъ которыхъ Академія не выходила въ теченіе всѣхъ 60-хъ годовъ, до самаго преобразования въ 1870 г. Особенно большихъ перерасходовъ требовало содержаніе дома, по которому самыми крупными статьями расхода были: содержаніе прислуги, отопленіе и освѣщеніе. Чтобы понять, какъ возникъ по нимъ дефицитъ, достаточно привести двѣ-три параллели. Въ 1843 г. мѣсячное жалованье служителей равнялось 38 р., въ 1870 г. оно дошло до 115 р. Въ новомъ академическомъ зданіи на отопленіе шло 600 саж. дровъ, въ концѣ періода 693 саж., при чемъ цѣна ихъ поднялась болѣе чѣмъ вдвое: сажень березовыхъ дровъ въ 1846 г. стоила 1 р. 85 к., въ 1868 г.—4 р. 30 к. Вдвое же стали

дороже освѣтительные матеріалы—сальныя свѣчи и сурьѣное масло.

Не менѣе сильно страдала академическая экономія и по статьѣ содержанія студентовъ. Ассигнованныхъ по штату 100 р., изъ которыхъ половина шла на одежду и половина на пищу, первоначально было вполне довольно. Въ первые два года, когда число студентовъ было только 30, столъ у нихъ былъ не только сытный, но и роскошный; послѣ онъ былъ приведенъ въ норму, а затѣмъ начались отклоненія въ другую сторону, по дешевости повара, небрежности эконома и вслѣдствіе злоупотребленій всякаго рода, вызвавшія даже однажды сильную манифестацію студентовъ въ столовой (въ престольный праздникъ 8 ноября 1858 г.). Послѣ того составлено было нормальное росписаніе студенческаго стола, основанное на вычисленіяхъ количества припасовъ, требующихся на каждого студента, и стоимости ихъ. Росписаніе это было какъ бы законодательнымъ актомъ, которымъ руководились эконома и даже ректоры. Новое росписаніе 1867 г. было вызвано разрѣшеніемъ архіеп. Антонія употреблять въ посты рыбу и масло. По повышенію цѣнъ на продукты повело къ тому, что въ 1859 г. по этой статьѣ было пердержано 120 р., а въ 1863 г. уже 1.148 р. Не помогли дѣлу и общіе торги на поставку припасовъ для всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній Казани (1860—1865 г.) и введенные въ 1859 г. пошечители по хозяйственной части. Цѣны на матеріалы для одежды были постоянно и дефицитъ по этой части росъ не такъ быстро. А обойтись и здѣсь безъ него нельзя было потому, что по эстетическимъ и другимъ побужденіямъ мѣнялась и форма одежды, и самый матеріалъ. Студентамъ полагалось: сюртукъ и шаровары изъ нанки и жилетъ изъ нѣкѣ на одинъ годъ, на годъ же черный шелковый платокъ на два галстуха, три пары полусапоговъ, по 3 пары шерстяныхъ и бѣловыхъ носковъ, по три пары бѣлья, 2 утиральника и 3 платка, на два года—шелковая шляпа и ватная фуражка и сюртучная суконная пара съ жилетомъ; для домашняго употребленія сюртучная пара изъ темнобѣлаго сукна и изъ такого же сукна шинель на 4 года. Но нанку скоро

смѣнилъ казинетъ, вмѣсто котораго иногда употреблялись домашнее трико, твинъ, еатинъ сѣраго или голубоватаго цвѣта. При ректорѣ Агавангелѣ длиннѣйшіе, чуть не до полу, сюртуки укоротились. Въ концѣ 60-хъ годовъ (при Никанорѣ) сѣрые шивели съ кашошами были замѣнены драповыми пальто на ватѣ.

Наиболѣе убыточные статьи—содержаніе дома и студентовъ—за время отъ 1858 по 1868 г. дали дефициту свыше 20 тыс. руб., изъ коихъ 17 слишкомъ тысячъ было покрыто остатками, главн. обр. по статьямъ содержанія лицъ управленія и учащихся, ревизорской и больничной. Передержка въ 2.864 р. 1868 г. была покрыта отпускомъ изъ Хозяйственнаго Управленія 2.700 р. Новый дефицитъ 1869 г. (1.905 руб.) побудилъ правленіе хлопотать ованъ о пособіи или о разрѣшеніи покрыть его изъ смѣты 1870 г. Но введенные въ этомъ году новые уставъ и штаты спасли академическую экономію отъ банкротства.

Г) *Студенты и ихъ жизнь. 1) Приемъ студентовъ.* Въ составъ академическихъ курсовъ поступали перворазрядные воспитанники Семинаріи (былъ только одинъ случай въ 1862 г. принятія ученика, прошедшаго одно среднее отдѣленіе), или вызываемые начальствомъ на казенный счетъ, или пріѣзжавшіе волонтерами, при чемъ для послѣднихъ оставлялось небольшое число казенныхъ стипендій. Волонтерами являлись обычно искавшіе миссіонерскаго образованія, между прочимъ кавказцы. Впрочемъ, съ 1852 г. Академія распоряженіемъ обер-прокурора, мотивированнымъ недостаткомъ мѣстъ на духовно-учебной службѣ, лишены были права принимать сверхъатныхъ студентовъ даже на свое содержаніе. Попытка казанской Академіи съ 1864 г. выхлопотать разрѣшеніе принимать волонтеровъ и увеличить число казенныхъ стипендій, обусловленная недостаткомъ кандидатовъ на духовно-учебную службу, получила благоприятный исходъ лишь въ 1870 г., при новомъ уставѣ.—Количество стипендій на каждомъ курсѣ было 30, но ему не совсѣмъ соответствовала дѣйствительность: по разнымъ причинамъ число студентовъ или понижалось до 23, или повышалось до 39. Вызывались студенты преимущественно изъ Семинаріи казанскаго округа, но иногда и

изъ московскаго. Въ 1868 г. окрѣта такъ перепутались между собою, что съ ними мало стали сообразоваться. Но принимались во вниманіе и все усиливались требованія относительно умственныхъ способностей, успѣховъ, поведенія и здоровья рекомендуемыхъ и желавшихъ поступить въ Академію. Съ 1846 же года стали обращать вниманіе и на знаніе ииородческихъ языковъ.

Пріѣзжавшіе разиѣщались въ Академіи и тутъ усиленно готовились къ экзаменамъ, стремились не посрамить родной Семинаріи. Страхъ предъ экзаменами сталъ ослаблять лишь въ 60-хъ годахъ, вслѣдствіе ослабленія требованій отъ поступающихъ и уменьшенія числа экзаменовъ, отчасти подъ влияніемъ либеральныхъ вѣяній и легкости поступленія въ Университеты. Экзамены производились по всемъ предметамъ семинарскаго курса и весьма внимательно и строго. При приемѣ имѣли значеніе не столько устные, сколько письменные отвѣты. Съ III по VII курсъ писалось три сочиненія—по богословію, философіи и латинскому языку—на замысловатыхъ темахъ. При ректорѣ Агавангелѣ сократилось число дней и часовъ, отводимыхъ на экзамены, ради сохраненія здоровья студентовъ, требовалось отвѣтить кое-что, а главное произвести пріятное впечатлѣніе на ректора вѣщностью, веселымъ и бойкимъ видомъ. Коротки были экзамены и при Іоаннѣ. По экзаменаціоннымъ балламъ составлялся ректоромъ приемный списокъ и на основаніи его распредѣлялись стипендіи: первые по списку сразу попадали на казенное содержаніе, другіе принимались условно, до усмотрѣнія, третьи, болѣею частію волонтеры, если не попали въ первые два разряда, прѣмались своекоштными, плата за столъ 50 р. въ годъ или за столъ и одежду 100 р. Они назывались вольными слушателями, но при окончаніи курса получали обычныя права. Въ каждомъ курсѣ ихъ было немного, отъ 2 до 4. Наконецъ, четвертые совсѣмъ не принимались, по неуспѣшности или по нездоровью. Ихъ было 2—3, только однажды, при Іоаннѣ, 8. Кромѣ казенныхъ стипендій было немного частныхъ, одна общественная (Общества распространенія христіанства на Кавказѣ).—Въ первый періодъ жизни казанской Академіи число студентовъ на обоихъ курсахъ

колебалось между 40 (1865 г.) и 66 (1870 г.).

2) *Жизнь студентовъ съ нравственной стороны.* Сойлась въ академическомъ корпусѣ изъ самыхъ разнобразныхъ мѣстъ Россіи,—изъ центральной полосы, Приуралья, Нижнего Поволжья, Кавказа, Восточной Сибири, а въ послѣднее время и изъ Западной Россіи—студенты сначала смотрѣли другъ на друга кося и жили врозь, группируясь лишь по землячествами, которыя въ жизни Академіи имѣли огромное значеніе. Потомъ общеніе студентовъ расширилось на весь курсъ и превращалось въ сплоченное товарищество. Въ некоторыхъ же дѣлахъ и увеселеніяхъ сближались оба курса, старшій и младшій. Все студенчество было сплочено высокимъ до идеализма чувствомъ студенческаго достоинства и студенческимъ кодексомъ приличій. Но при всемъ томъ въ Академіи того времени не было насилія надъ личностію, партійнаго деспотизма, а была полная свобода нравственнаго самоопредѣленія, насколько этому не мѣшали внѣшнія вліянія, стремленіе начальства воплотить въ жизнь дисциплину. И среди городского общества всегда высоко стояла репутація академическихъ студентовъ, какъ солидныхъ, благородно-скромныхъ и дисциплинированныхъ молодыхъ людей.

Правила академической дисциплины опредѣлены были въ проектѣ устава Духовныхъ Академій и частице развиты въ подробной инструкціи академическимъ старшимъ, данной еще при ректорѣ Григоріи. Этой инструкціей прежде всего узаконяся старинный институтъ старшихъ,—одного на каждую комнату,—изъ студентовъ старшаго отдѣленія. Это были посредники между студентами и начальствомъ, къ которому разъ или два въ недѣлю являлись съ докладами. Кроме того чередной старшій (череда продолжалась недѣлю) записывалъ ежедневно въ журналѣ о всѣхъ замѣченныхъ имъ безпорядкахъ и неисправностяхъ по занятнымъ комнатамъ, столовой и даже со стороны служителей. Ежемѣсячно каждый старшій давалъ подробный отчетъ о поведеніи подчиненныхъ ему студентовъ съ характеристиккою ихъ, съ указаніемъ ихъ добродѣтелей и пороковъ, при чемъ послѣдніе, конечно, смягчались и характеристики приобретали похвальный характеръ. На основаніи

этихъ отчетовъ и собственныхъ наблюденій инспекторъ ежемѣсячно доносилъ правленію о поведеніи студентовъ и правленіе вело особую книгу поведенія, по которой иногда вызывало наиболѣе отличившихся студентовъ и которая вліяла на окончательный списокъ воспитанниковъ. Книга поведенія около 60-го года прекратила свое существованіе.

Правила внѣшняго поведенія студентовъ основывались на трехъ принципахъ,—страхѣ Божіемъ, покорности начальству и непрерывной дѣятельности. Чрезъ всѣ эти правила проходилъ „идеаль полуговарной, униформенной внѣшней дисциплины, по которому до царствованія имп. Александра II устраивались всѣ наши учебно-воспитательныя заведенія, духовныя же кромѣ того еще съ сослоной прямѣею нравственныхъ начальствъ полу-монашескаго характера“...

Вставали студенты въ 6 ч. утра, будильные звонкомъ, потомъ инспекціей. Одѣвались однообразно. Въ 7 ч. молитва, при чемъ студенты стояли по комнатамъ вмѣстѣ съ своими старшими. Обязательна была и вечерняя молитва. Читали поочередно. Послѣ утренней молитвы завтракъ (бѣлый хлѣбъ съ квасомъ, а у богатыхъ—собственный чай). Въ 8 ч. лекція, на которой всѣ должны были присутствовать; вѣтчиковъ довели и записывали. Послѣ лекцій обѣдъ, куда шли пошарно, какъ и выходили, соблюдая во всемъ строгое благочивіе. За столомъ чередной чтець изъ младшаго курса читалъ дневное житіе изъ Четинхъ-Миней. Но все это не помѣшало провозйти нѣсколькимъ „брюшнымъ бунтамъ“. Послѣ обѣда прогулка, но не далѣе академическаго сада. Агаоангелъ завелъ для студентовъ катальныя горы, тѣмъ же гимнастическія приспособленія и игры въ чунки и кегли, въ которыхъ и самъ принималъ участіе. Но добрая половина студентовъ сидѣла сиднемъ въ занятныхъ комнатахъ, лишь изрѣдка развлекаясь музыкой и пѣніемъ, которыя поощрялись, но не свѣтскаго характера. Въ 4—5 ч. вечерній чай и съ пяти—серьезное занятное время, когда не допускались самими студентами ни разговоры, ни хожденіе по комнатамъ. Въ 9 ч. ужинъ, въ 10—молитва и сонъ.

Въ праздники обязательное посѣщеніе академической церкви, отъ котораго увольнялись иногда только новички для молитвы

въ каведральномъ соборѣ и въ монастыряхъ. Въ церкви соблюдались особые обычаи, въ родѣ попарнаго подхожденія къ кресту, евангелію и иконамъ. До ректора Іоанна въ прощенное воскресенье совершался монастырскій обрядъ прощанія въ церкви или въ столовой, послѣ ужина. Въ 1857—1861 г. въ Академіи въ теченіе всего великаго поста совершались обязательныя преждеосвященныя литургіи.

Правомъ свободнаго выхода изъ Академіи студенты пользовались только 8 ноября, въ первые дни Рождества Христова и Пасхи и въ дни рекрецій, которыя до 1857 г. совершались ежегодно въ маѣ, разъ или два, на Подсеѣжѣ; въ прочіе дни, собственно только въ воскресенье и четвергъ, можно было уйти не иначе какъ по записи, до 5, 8 и не далѣе 9 часовъ. Самовольныя отлучки преслѣдовались со строгостію не меньшею, чѣмъ пьянство. Все это въ связи съ отсутствіемъ знакомыхъ въ городѣ и ъбдностію—удерживало большинство студентовъ въ бурсацкой грубости и въ полномъ невѣжествѣ относительно свѣтскихъ приличій.

Такая строгая дисциплина къ концу 50-хъ годовъ стала ослабѣвать какъ въ силу неестественности медочной опеки надъ довольно взрослыми людьми, такъ и потому, что повѣяло новымъ духомъ въ жизни общественной. Въ казанской Академіи этотъ переходъ отъ „ига законнаго“ къ „свободѣ благодатнаго царства“ совершился легко, безъ рѣзкостей и революцій, ибо навстрѣчу студенческому стремленію къ освобожденію отъ тягостей опеки пошла нѣкоторые благородные инспекторы, сумѣвшіе сблизить необходимую въ обществѣ дисциплину съ требованіями жизни, житейскаго порядка, приличія и порядочности. Таковы были архимандриты Серафимъ, Теодоръ (Бухаревъ). Но все это, имѣя добрыя стороны, повело къ развитію въ студентахъ „какой-то бездисциплинной и безстрашной откровенности и безоглядности жизни“, въ результатѣ чего было нѣсколько неприятныхъ, сопровождавшихся увольненіями, исторій, въ томъ числѣ одна съ политической панвихидой (1861 г.). Вызванная этой панвихидой ревизія Академіи обнаружила, что дисциплина успѣла уже значительно упасть, что студенты сдѣлались очень нерадивы къ

своимъ какъ учебнымъ, такъ и религіознымъ обязанностямъ, перестали собираться на утреннія и вечернія молитвы, прекратили чтеніе въ столовой Четинхъ-Мисей, даже общіе обѣды и ужины почти прекратились, водворилась полная почти свобода выхода изъ Академіи, развилось пьянство и пр. и пр. Дошло до того, что одинъ студентъ ежедневно уходилъ отъ лекцій въ уютную палату, гдѣ состоялъ наемнымъ писцомъ. Впрочемъ, масса студентовъ по прежнему отличалась благородствомъ и по прежнему академическое студенчество стояло выше университетскаго по серьезности, прилежанію, развитію, идеализму.

Въ началѣ 60-хъ годовъ въ казанской Академіи, по примѣру Университета, явились корпоративныя студенческія учрежденія,—общія собранія для рѣшенія общихъ дѣлъ, собственная студенческая бібліотека и касса. Бібліотека завелась съ цѣлію доставить студентамъ возможность читать свѣжіе газеты и журналы. Многія редакціи присылали въ нее свои изданія бесплатно. Редакція „Прав. Собесѣдника“ сдавала дублеты разныхъ періодическихъ изданій. Были пожертвованія отъ профессоровъ. Студенты ежегодно вносили копейкъ по 50. Въ 186³/₄ уч. годъ уже былъ свой бібліотекарь. — Студенческая касса („банкъ“) явилась лѣтомъ 1864 г., какъ средство самопомощи студентовъ въ ихъ крайней нуждѣ, заставлявшей иныхъ кредитоваться на сторонѣ. Основной капиталъ составилъ по подпискѣ наставниковъ. Но выше 200 р. овъ никогда не поднимался. Ссуды выдавались изъ 5% въ мѣсяцъ. Расплачивались деньгами полученными изъ казны за мелкія принадлежности экипировки. Но нѣкоторые и вышли изъ Академіи должниками.

Переходное время 60-хъ годовъ, время первоначальнаго, необузданнаго пользованія свободой людей взрослыхъ, послѣ прежняго подзаконнаго, ребяческаго состоянія, въ казанской Академіи продолжалось около 6 лѣтъ. Вновь дисциплина стала восстанавливаться при ректорѣ Ивнокентіи, хотя и не безъ жертвъ:—многіе ушли въ Университетъ. Послѣ него ректоръ Никаноръ своимъ умнымъ и въ высшей степени гуманнымъ отношеніемъ къ студентамъ далъ торжество ранѣе уже заявившимъ о себѣ новымъ принципамъ воспитанія, осно-

важнымъ на полномъ довѣрїи и уваженїи къ ихъ нравственному достоинству. Это уваженіе, исключавшее употребленіе старыхъ прїемовъ инспекторскаго надзора и дисциплинарныхъ выскай въ родѣ голоднаго стола, доходило до того, что Никаноръ оставилъ у студентовъ нецрикосовенными такія принадлежности ихъ корпоративнаго строя, которыя въ другихъ высшихъ учебныхъ заведенїяхъ стали уже преслѣдоваться, а бібліотеку студенческую онъ даже обогатилъ передачею въ нее множества изданій изъ редакціи „Прав. Собесѣдника“.

3) *Учебныя занятія студентовъ.* а) Посѣщеніе лекцій на первыхъ порахъ, пока дѣло еще не налажилось, очень тяготило студентовъ и самихъ профессоровъ—тѣмъ болѣе, что каждая продолжалась два часа (было двѣ лекціи до обѣда, одна—послѣ). Въ 1844 г. лекціи сократились до 1½ час., въ 1864 г.—до 1¼ час. Студенты преимущественно интересовались философїей, исторїей и физикой съ математикой, которыя были представлены недурными преподавателями. Понятно, что аккуратнѣе въ посѣщенїи лекцій были младшіе студенты, какъ слушавшіе общеобразовательные курсы и какъ люди искавшіе новаго—новыхъ путей и горизонтовъ. И болѣе образовательнаго вліянія оказывали на нихъ не лекціи, полныя фактическихъ данныхъ, а тѣ, которыя содержали въ себѣ болѣе общій или цѣлостный взглядъ на предметъ, или намѣчали новыя стороны его, или указывали прїемы для самостоятельной разработки его. Цѣнились живыя и руководительныя лекціи. Оттого нѣмныя каведры, имѣвшія хотя и авторитетныхъ представителей, не пользовались вниманіемъ студентовъ, напр. богословскія. Интересъ къ богословію оживили архим. Теодоръ Вухаревъ, впервые сказавшій сердечное, задушевное слово, и Хрисанъ Ретивцевъ, внесшій въ изученіе богословія новыя, современныя прїемы и сдѣлавшій богословское направленіе господствующимъ въ Академіи. Такое же значеніе для исторїи имѣлъ Щаповъ, каждая лекція котораго дышала поэзіей и жизнью и давала руководящіе образы и идеи. Съ него же, кажется, началось публичное выраженіе студентами удовольствія отъ лекцій. Но вообще отношеніе аудиторїи къ лекціямъ было спокойное и критическое.

Лекціи записывались студентами, хотя это и не было обязательно, даже было противъ академическаго устава. Были и литографированныя лекціи. Въ 1851 г. были изданы въ 100 экз. записи по физикѣ, исторїи философїи, психологіи и метафизикѣ, въ 1864—1865 гг. лекціи Порфирьева по общей грамматикѣ и эстетикѣ, Красина по физикѣ, Митропольскаго по психологіи. Писаніе лекцій и выдача записокъ были дѣломъ не обязательнымъ для профессоровъ, отъ которыхъ нѣмны ректоры требовали даже чтенія лекцій по книгѣ (Агаваангель) или изустной рѣчи (Григорій).—Способомъ контроля аккуратности посѣщенія лекцій были репетиціи. Но онѣ рѣдко примѣнялись, только предъ экзаменами и не всѣми, несмотря на попытки нѣкоторыхъ ректоровъ востать на ихъ введеніи и не только предъ экзаменами, но и въ началѣ каждой лекціи.

б) Серьезнѣе были домашнія занятія, на первыхъ порахъ состоявшіе почти исключительно въ писанїи сочиненій. Въ первые два года каждый студентъ писалъ въ годъ 10—11 общеобязательныхъ работъ, до 13 частныхъ и до двухъ проповѣдей. По опредѣленію правленія 1844 г., соблюдавшемуся до 1857 г., студенты обязаны были писать по одному сочиненію каждый мѣсяцъ, кромѣ іюня и декабря, когда производились экзамены, и по 3 проповѣди въ годъ въ старшемъ отдѣленїи и по одной—въ младшемъ; въ послѣдній годъ—одно курсовое сочиненіе. Съ 1857 по 1868 г. студенты писали по 10 сочиненій и одной проповѣди. Съ Никанора стали писать въ первые три года по 6 сочиненій и по 1 проповѣди. Темы съ самаго начала повелись теоретическія и держались до середины 50-хъ годовъ, когда, при усиленїи научныхъ средствъ Академіи, академическое образованіе стало получать болѣе фактическое и въ частности историческое направленіе. Теперь стали преобладать темы историческія и критическія даже въ области богословскихъ и философскихъ наукъ. А открытіе миссіонерскихъ отдѣленій при Академіи выдвинуло цѣлый рядъ вопросовъ по разработкѣ исторїи и обличенія раскола и по изученію ислама и буддизма какъ въ религіозномъ, такъ и въ историческомъ отношенїи. Въ то же время оживленіе лите-

ратуры русской исторіи направило студенческія работы на русскую исторію и на исторію русской литературы. Ректоръ Іоаннъ любилъ назначать темы самыя современные, животрепещущія, практическія. Последнее направленіе въ срединѣ 60-хъ годовъ захватило обильную область темъ полемическихъ—противъ увлеченій современнаго недовольства разными матеріалистическими и социалистическими толками и сочиненіями. Писались сочиненія съ такимъ большимъ усердіемъ, что ревизовавшій Академію въ 1854 г. архіеп. Григорій нашелъ его и вреднымъ для здоровья и мѣшающимъ другимъ занятіямъ студентовъ. Потому онъ ограничилъ объемъ курсовыхъ работъ 10 листами, семестровыхъ двумя и проповѣдей—однимъ. Заботившійся о здоровьѣ студентовъ ректоръ Агаангель строго проводилъ это постановленіе. Но съ 60-хъ годовъ, съ паденіемъ дисциплины, развилось небрежное отношеніе студентовъ къ сочиненіямъ. Ихъ перестали подавать въ срокъ, а иные и совсѣмъ не писали ихъ. Что касается проповѣдей, то къ нимъ и всегда студенты относились не серьезно, часто списывая ихъ съ печатныхъ. Лучшія проповѣди произносились въ академической церкви—при Григоріи и Агаангелѣ почти за каждой литургіей. При Іоаннѣ были проповѣди даже на современные темы. Но при немъ же академическое проповѣдничество какъ-то само собою замолкло.—До конца 50-хъ годовъ нѣсколько сочиненій въ годъ писалось на латинскомъ языкѣ; послѣднія латинскія сочиненія были писаны въ 1856—1858 гг. Сначала сочиненія возвращались студентамъ съ обстоятельными рецензіями, но потомъ стали задерживаться профессорами или ректоромъ.

в) Усердно читались книги, хотя выборъ ихъ нѣсколько ограничивался ригоризмомъ начальства, старавшагося держать юношество въ цензурѣ и запрещавшаго читать даже такія сочиненія, какъ „Исторія цивилизаціи“ Гизо и „Паденіе римской имперіи“ Гиббона. Свѣткіе журналы тоже не одобрялись. Только ректоръ Іоаннъ давалъ студентамъ свободу въ этомъ отношеніи. Иногда студенты объединялись въ ассоціаціи, чтобы помогать другъ другу въ добываніи книгъ и вмѣстѣ читать ихъ. Иногда, сохраняя время, сообщали другъ другу под-

робные отчеты о прочитанныхъ каждымъ книгахъ. Чаше всего такіе кружки устраивались для изученія иностранныхъ языковъ и для чтенія французскихъ и нѣмецкихъ книгъ въ подлинникахъ.

Общій характеръ академическаго образованія—былъ по идеѣ энциклопедическій съ нѣкоторымъ наклономъ въ сторону богословско-философской специальности. Студенты все должны были изучать и къ преподаванію всякаго предмета быть готовы. Отсюда изученіе было не аналитическое, а синтетическое,—направлялось не на фактическую сторону, а только на основы наукъ, на руководящія идеи и методическіе приемы. Но въ дѣйствительности большинство студентовъ, сообразно съ своими природными наклонностями и модными течениями, избирали извѣстныя группы наукъ, удѣляя остальнымъ только официальное, такъ сказать, вниманіе. Иногда и дѣлые курсы увлекались тою или другою спеціальною. Первые годы были преимущественно временемъ теоретическихъ интересовъ, подъ влияніемъ кievской Академіи, давшей каз. Академіи первыхъ богослововъ, и московской, снабдившей ее философами, словесниками, историками и физико-математиками. Такъ какъ влияніе московское было сильнѣе, то оно и утвердилось въ казанской Академіи, гдѣ преобладали, несмотря на наличность монаховъ, именно свѣтскіе научные интересы, а не богословскіе. Воцарилось собственно словесное направленіе, благодаря даровитому профессору С. И. Протопопову и его талантливому ученику И. Я. Порфирьеву. Литературное увлеченіе, начавшійся въ 1844 г. на почвѣ Гегеліанской эстетики, приняло въ срединѣ 50-хъ годовъ характеръ преимущественно обличительный, какимъ была проникнута сама русская литература съ начала царствованія Александра II. Въ связи съ литературнымъ направленіемъ стояло изученіе новыхъ языковъ, до конца 50-хъ годовъ составлявшее выдающуюся черту учебной жизни студентовъ. Въ 50-хъ годахъ наряду съ литературнымъ интересомъ стала выдвигаться впередъ историческій, который скоро совсѣмъ переросъ первый. Этотъ интересъ, прежде всего въ области общей церковной исторіи,—обязанъ архим. Веніамину Благовровову, привлекему студентамъ къ письменнымъ работамъ въ этой

области и умножившему въ библіотекѣ церковно-исторической отдѣлѣ. А затѣмъ на оживленіе его повліяло учрежденіе миссіонерскихъ отдѣленій, „науки которыхъ открыли предъ студентами новое обширное поприще увлекательныхъ занятій историческаго и этнографическаго характера“. На первый планъ выступило изученіе русской и отчасти славянской исторіи (вліяніе Григоревича), оставивъ за собою позади всѣ предметы прежнихъ увлеченій: сама словесность приняла вмѣсто эстетическаго историческое направленіе. Для изученія же русской народности новый обильный матеріалъ дала Словенская библіотека. Главными вождями новаго историческаго направленія и при томъ въ народническомъ духѣ, съ славянофильскимъ характеромъ, стали Щаповъ, Добротворскій и Лятовъ. Прежнее государственное направленіе русской исторіи подверглось крайнему отрицанію. Историческое направленіе студенческихъ работъ съ 1856 года было надолго упрочено. Предъ исторією ступавались всѣ другіе предметы академическаго курса. Но это увлеченіе, подавлявшее вѣдѣ историческіе интересы, было слишкомъ одностороннимъ, сведшимся къ изученію одной русской исторіи и подорвавшимъ новые языки. Если престижъ богословія былъ спасенъ, то только цѣною отрѣшенія отъ стараго діалектическаго метода и перехода къ современному историческому методу, который у Хрисанова (съ 1858 г.) оживилъ преподаваніе невѣдомыми прежде свѣдѣніями изъ исторіи философіи и особенно философскихъ воззрѣній на природу. Успѣхъ лекцій Хрисанова и его своевременность въ виду появленія многихъ новыхъ ученій и громкихъ именъ, увлекавшихъ молодежь, обезпечили положеніе богословія и философіи, которыя стали конкурировать даже съ исторією во вліяніи на студенческіе умы. И если полной побѣды это новое направленіе не одержало, то вслѣдствіе упадка языкознанія, который въ концѣ концовъ гибельно отразился и на самомъ историческомъ направленіи. Студенческія работы писались исключительно почти на темы по русской исторіи. Ко всему этому въ срединѣ 60-хъ годовъ присоединилось пониженіе умственного развитія и въ Семинаріяхъ, гдѣ упало даже искусство писательства, почему повзвился пензъ и

поступающихъ въ Академію. А упадокъ дисциплины въ Академіи и развитіе халатнаго отношенія къ дѣлу и совсѣмъ похѣшали утвердиться богословско-философскому направленію. Параллельно съ этимъ въ 60-ые годы историкъ казанской Академіи отмѣчаетъ появленіе въ ней новаго, не особенно распространеннаго направленія, которое онъ называетъ естественно-научнымъ диллетантизмомъ и которое было вызвано отчасти богословскими интересами, отчасти подражаніемъ такому же диллетантизму въ обществѣ. Лишь при ректорѣ Никанорѣ, уже въ концѣ 60-хъ годовъ, это увлеченіе популярно-естественными сочиненіями нашло себѣ серьезный выходъ въ приложеніи къ богословской апологетикѣ и полемикѣ.

4) *Оцѣнка успѣховъ, награды и наказанія.* Оцѣнка официально производилась посредствомъ репетицій и экзаменовъ, а главнымъ образомъ—сочиненій. Къ экзаменамъ каждый наставникъ приготавливалъ конспектъ своей науки и рядные списки студентовъ съ особыми баллами по успѣхамъ, способностямъ, прилежанію и по сочиненіямъ. До ректора Юанна эти списки имѣли очень важное значеніе, при немъ потеряли и превратились въ алфавитные. Частные списки успѣховъ каждаго наставника провѣрялись на экзаменѣ начальствомъ, при чемъ составлялись общіе списки. Имена особенно отличившихся и мало-успѣшныхъ въ 1843—1862 годы вносились въ особую книгу, и дважды въ годъ эти студенты приглашались въ правленіе для полученія похвалы или строгаго внушенія съ угрозою лишенія казеннаго содержанія или даже исключенія изъ Академіи. Для того же поощренія студентовъ въ 1845 г. заведены были частныя собранія наставниковъ и учащихся, на которыхъ были читаемы или только рекомендуемы лучшія сочиненія послѣднихъ. Проходили они раза два-три въ годъ. При Агаоангелѣ они прекратились.

Экзамены, происходившіе дважды въ годъ, отнимали очень много времени. Каждый разъ недѣли за двѣ прекращались всѣ лекціи для репетицій. Самые строгіе экзамены были при ректорахъ Григоріи и Пароеніи. При нихъ даже рождественскіе экзамены растягивались дней на 7—10, кромѣ особыхъ дней для сочиненій, полукурсовые

предъ вакатомъ шли 10—12 дней, а курсы двухгодичные до 14. Испытанія производились ежедневно съ 8 час. утра до 2 час. дня и долѣе. Агаангелъ сократилъ число дней и часовъ. При Иннокентіи завелась новая особенность, перешедшая и въ реформированную Академію, — промежутки между экзаменами въ 1—2 дня. Въ силу этого экзамены, продолжавшіеся прежде весь июнь, теперь захватили и часть мая. Такъ какъ имъ предшествовали ренетиціи, то лекціи стали кончатся передъ Пасхой. Происходили экзамены въ присутствіи воспитанниковъ и наставниковъ Академіи и нѣсколькихъ членовъ академической конференціи изъ мѣстнаго духовенства. Въ концѣ 50-хъ годовъ стали присутствовать только ректоры съ инспекторомъ да наставникъ съ своими депутатами. Стали и студенты расходиться послѣ отвѣта. Мѣстные преосвященные часто посѣщали экзамены, особенно по богословскимъ предметамъ, при чемъ и сами экзаменовали и не только студентовъ, но и самого наставника. Отвѣтственность послѣдняго прекратилась только въ самомъ концѣ періода, при архіеп. Антоніи, который постановку балловъ предоставилъ наставнику съ депутатами, а не председателю комиссіи. Этимъ измѣненіемъ подрывался и старый обычай давать къ экзамену не свое, читанное въ аудиторіи, а печатное, какъ менѣе отвѣтственное для наставника.

На экзамены въ казанской Академіи смотрѣли, какъ на средство провѣрить вниманіе науки студентомъ, его способность къ занятіямъ и степень развитія мыслительности, — не сколько знаетъ студентъ, а какъ знаетъ и для чего годится. Поэтому экзамены часто сводились къ возраженіямъ и длиннымъ бесѣдамъ съ экзаменаторами, при чемъ опытные ректоры, въ родѣ Пароенія и Іоанна, сразу опредѣляли студента и складъ его ума. Во всякомъ случаѣ такая система была облегченіемъ для студентовъ. Другимъ облегченіемъ было то, что студенты спрашивались не по всемъ предметамъ, особенно при Агаангелѣ и Іоаннѣ. А затѣмъ студенты и сами облегчали себя при помощи фокусовъ съ экзаменскими билетами и конспектами, болѣе или менѣе обширными. Даже когда то и другое было отмѣнено при ректорѣ Иннокентіи, студенты находили способъ помогать себѣ, хотя все

же достоинство экзаменскихъ отвѣтовъ понизилось.

Публичный экзаменъ предъ лѣтними камикулами, послѣ обыкновенныхъ экзаменовъ, производился въ присутствіи посторонней публики и „знатѣйшихъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ“ и обставлялся такъ же торжественно, какъ и академическіе акты 8 ноября. Для него печатались особыя программы съ обозначеніемъ матерій, о которыхъ будутъ спрашиваться студенты, изъ болѣе занимательныхъ отдѣловъ всехъ наукъ. По каждому предмету вызывалось 3—2—1 студента, заранѣе знавшихъ, о чемъ ихъ спросятъ. Экзаменъ сопровождался чтеніемъ лучшихъ сочиненій (иногда 8), что, впрочемъ, съ 1851 г. не практиковалось, и пѣніемъ. Съ начала 50-хъ годовъ торжественность публичныхъ экзаменовъ очень пала. Ее напрасно пытался поднять ректоръ Іоаннъ. Въ 1866 г. былъ послѣдній публичный экзаменъ. Назначенный въ 1868 г. былъ отмѣненъ преосвященнымъ.

Экзамены (внутренніе) имѣли большое вліяніе на судьбу студентовъ. Послѣ первыхъ рождественскихъ или лѣтнихъ экзаменовъ рѣшалась участь студентовъ, принятыхъ въ числѣ сомнительныхъ: — ихъ теперь или переводили на казенное содержаніе, или совсѣмъ увольняли. Послѣ курсовыхъ экзаменовъ конференція переводила однихъ на старшій курсъ, другихъ — выпускала, при чемъ принимали во вниманіе всѣ отмѣтки наставниковъ и экзаменскія и всѣ данныя относительно поведенія каждаго студента и общую его репутацію. Тутъ нѣрѣдко талантавости отдавался перевѣсъ предъ трудолюбіемъ посредственности, какіе бы баллы послѣдняя ни имѣла. Случаевъ оставленія на второй курсъ въ старой Академіи не было. Не успѣвшіе увольнялись.

При выпускѣ кромѣ прочихъ условій требовалось представленіе ученаго сочиненія. Курсовымъ работамъ придавалось такое значеніе, что неудовлетворительностью ихъ можно было погубить плодъ 4-лѣтнихъ трудовъ, а удачное сочиненіе могло покрыть многіе изъяны. Темы давались въ началѣ четвертаго года и преимущественно богословскія. Преосвящ. Григорій Постниковъ поощрялъ темы по миссіонерскимъ предметамъ и даже самъ давалъ ихъ, назначая за лучшія сочиненія иремін (въ 30 р.). При

ректоръ Агааангель миссіонерскія темы стали преобладающими. Потомъ, при ректорѣ Іоаннѣ, курсовымъ сочиненіямъ придано исключительно историческое направленіе, послѣ замѣчанія со стороны Св. Синода въ 1866 г. уступившее мѣсто темамъ богословскимъ. Особенностію Іоанновскаго времени было и то, что ректоръ самъ навязывалъ каждому студенту опредѣленную тему, отъ которой нельзя было отказаться, при чемъ къ наставлическимъ темамъ прибавлялъ и свои, иногда очень нелегія для обработки. За немногими исключеніями студенты относились очень внимательно къ курсовымъ работамъ, перечитывали всю литературу (къ дачѣ темъ подгонялась и выписка книгъ въ бібліотеку), иные изучали для нихъ иностранные языки. Иной студентъ такъ затягивался въ собраніе матеріаловъ, что для ихъ обработки у него не хватало времени и послѣдніа недѣли онъ работалъ до истощенія силъ. Нѣкоторые вышли изъ Академіи съ тяжкими болѣзнями, нажитыми во время писанія курсовыхъ сочиненій. Начиная съ первыхъ курсовъ, писали сочиненія очень большія, листовъ въ 50—60. Впослѣдствіи попадались въ 100, 233, 264 и даже въ 307 листовъ. Но въ 1854 г. преосв. Григорій и ректоръ Агааангель возстали противъ многописанія и опредѣлили норму въ 10 листовъ, что само по себѣ было невозможно. Въ слѣдующихъ курсахъ не было ни одного сочиненія менѣе 20 листовъ, иные достигали 100 листовъ, а Щаповское до 283 листовъ. Нѣсколько жидкихъ сочиненій встрѣчается только въ половинѣ 60-хъ годовъ, когда вообще понизился уровень академическаго образованія. Срокомъ подача было начало мая, но иные и при томъ лучшіе запаздывали часто до іюля. Въ 1866 г. подача сочиненій и отзывовъ о нихъ (профессорскаго и двухъ членовъ конференціи) до того затянулась, что конференція о присужденіи ученыхъ степеней была собрана только въ янв. 1867 г. Преосв. Антоній распорядился послѣ того, чтобы всѣ сочиненія прочитывались и возвращались съ отзывомъ въ конференцію не позднѣе 1 сент., а правленіе съ своей стороны опредѣлило: 1) давать темы для курсовыхъ сочиненій еще до ваката, по окончаніи экзаменовъ; 2) обязать студентовъ подавать

сочиненія не позднѣе 1 мая; 3) наставникамъ же оканчивать ихъ чтеніе не позднѣе 1 авг. Но это распоряженіе не привилось. На основаніи отзывовъ конференціи Синодъ утверждалъ присужденныя ею степени. Впрочемъ, что касается до магистрантовъ, то до 1863 г. въ Синодъ поступали и самыя ихъ сочиненія, которые раздавались для отзыва архіереямъ и ученымъ людямъ изъ высшаго духовенства. Но рецензій въ касались не столько ученой стороны, сколько православія и извѣстнаго рода приличій, требуемыхъ отъ произведеній дух. литературы. На основаніи подобныхъ соображеній Синодъ, начиная съ 1 курса и кончая 5-мъ, не разъ отказывалъ въ магистерской степени или старшихъ кандидатовъ превращалъ въ младшихъ.

За время 1842—1870 гг. въ казанской Академіи получили полное образованіе 345 челов., изъ нихъ 104 со степенью магистра, 35—со степенью кандидата съ правомъ полученія степени магистра по прослуженіи 2 лѣтъ и одинъ—4 лѣтъ, 19 кандидатовъ съ правомъ полученія магистра по представленіи новыхъ лучшихъ сочиненій и одинъ—по выдержаніи новаго испытанія, 156—со степенью кандидата безъ особыхъ правъ, 4—со степенью студента съ правомъ на степень кандидата по прослуженіи 2 лѣтъ и 10—подъ условіемъ представленія новыхъ сочиненій. Остальные окончили со степенью студента.

Окончившихъ распредѣляло по мѣстамъ внѣшнее правленіе, соображаясь съ ихъ успѣхами и желаніями, а также съ вакансіями, о которыхъ еще весною ему сообщали учебныя заведенія округа. Отъ этого порядка отступалъ только ректоръ Іоаннъ, назначавшій студентовъ иногда вопреки ихъ желанію, по своему усмотрѣнію. Лучшіе изъ окончившихъ оставались при Академіи бакалаврами, слѣдующіе назначались въ наставники Семинарій и въ смотрители училищъ, еще ниже—въ инспекторы и учителя училищъ, остальные, кому не хватало мѣстъ, обращались въ епархіальное вѣдомство. Иногда они по усмотрѣнію епархіальныхъ начальствъ опредѣлялись въ помощь болѣе занятымъ наставникамъ Семинарій съ вознагражденіемъ изъ экономическихъ средствъ. Свой проектъ распредѣленія внѣшнее правленіе передавало для размо-

трѣнія въ конференцію, которая отсылала на утвержденіе въ Духовно-учебное управленіе. Утвержденіе приходило мѣсяца чрезъ 2—4, раза два черезъ полгода. Получивъ его, высшее правленіе предоставляло внутреннему отправить студентовъ на мѣста. Имъ выдавались прогоны (на пару лошадей) и деньги на первоначальное обезвѣденіе (50 р.). Наконецъ, въ ихъ собственность обрачались вся одежда, какую они носили въ Академіи, и все бѣлье, кромѣ столоваго; весьма многіе брали съ собою и постельныя принадлежности. — Съ 1868 г. въ казанской Академіи вошелъ въ дѣйствіе новый порядокъ назначенія, согласно съ требованіями новаго устава Дух. Семинаріи (1867), — именно послѣ пробныхъ лекцій при Академіи или въ Семинаріяхъ.

Періодъ II (1870—1884 гг.). Преобразование казанской Академіи по Высочайше утвержденному 30 мая 1869 г. уставу и штату Дух. Академіи совершилось 15 авг. 1870 г., каковою датой и начинается новый періодъ ея жизни. Сущность новаго устава заключалась въ предоставленіи Академіямъ большихъ правъ и большей свободы научной и нравственной ихъ персоналу и студентамъ. Эта, положенная въ основу устава 1869 г., идея измѣнила кореннымъ образомъ строй жизни и казанской Академіи въ разныхъ отношеніяхъ и съ разныхъ сторонъ.

А) Административная часть. Органы управленія. Если прежній уставъ и особенно сложившаяся практика предоставляли главное значеніе въ Академіи ея ректору, то теперь всѣ вопросы и дѣла по учебно-воспитательной и административной частямъ были предоставлены въ дѣянію *Совѣта*. При этомъ различались два вида собраній Совѣта — общія, состоявшія изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и разсматривавшія важнѣйшія дѣла, и обыкновенныя, состоявшія изъ ректора, его помощниковъ по учебной части (проректоровъ), инспектора и изъ шести профессоровъ, по два отъ каждого отдѣленія. Кромѣ того, разъ въ годъ происходили торжественныя собранія (академическіе акты), на которыхъ секретарь докладывалъ отчетъ о дѣятельности Академіи за минувшій годъ, а одинъ изъ профессоровъ —

рѣчь научнаго содержанія, и открытыя собранія Совѣта (диспуты), на которыхъ, въ присутствіи посторонней публики (и дамъ), защищались диссертациі на степени магистра или доктора. За время дѣйствія устава 1869 г. казанская Академія удостоила, послѣ защиты, докторской степени 8 человекъ (все членовъ корпораціи, для которыхъ докторство по уставу поставлено условіемъ для достиженія ординатуры) и магистерской — 13. Кромѣ того, въ 1873 и 1878 г. удостоены докторской степени безъ защиты бывшіе профессора П. С. Саблуковъ и нижегородскій епископъ Хрисановъ, а въ 1882 г. магистерства — два преподавателя томской Семинаріи, безъ защиты же, въ виду отдаленности мѣста ихъ жительства. Наконецъ, Совѣту пришлось въ теченіе 1870—1877 годовъ имѣть сужденіе о студентахъ, кончившихъ курсъ Академіи въ 1870 г., при дѣйствіи стараго устава. Изъ нихъ въ разные сроки удостоены степени магистра 9 чел., степени кандидата съ правомъ полученія чрезъ два года службы степени магистра — 5 чел., степени кандидата съ правомъ на полученіе магистерской степени по представленіи новаго сочиненія — 1 чел., степени кандидата 17 чел., степени дѣйствительнаго студента — 3 чел. Кромѣ того дана кандидатская степень одному дѣйств. студенту 1864 г. и магистерская — кандидату 1866 г.

Присужденіе ученыхъ степеней кончившимъ курсъ по уставу 1869 г. происходило такимъ образомъ. Въ концѣ каждаго учебнаго года Совѣтъ, получивъ свѣдѣнія отъ отдѣленія о студентахъ III курса, представившихъ диссертациі на степень кандидата, и IV курса, державшихъ испытанія на степень магистра, имѣлъ сужденіе о степени удовлетворительности сочиненій и устныхъ отвѣтовъ. Студентовъ III курса, представившихъ неудовлетворительныя сочиненія или имѣвшихъ плохія отвѣтки, онъ увольнял изъ Академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента (такихъ было очень немногихъ), прочіихъ переводилъ на IV курсъ. Четвертокурсники, выдержавшіе хорошо устный испытанія, выпускались съ званіемъ кандидата съ правомъ получить степень магистра безъ новаго устнаго испытанія (такихъ было большинство), осталь-

ные—получали кандидатство безъ этого права. Рѣшеніе Совѣта утверждалось мѣстнымъ преосвященнымъ, не восходя до Синода. Былъ въ 1881 г. случай приобретенія степени кандидата частнымъ лицомъ—вольнослушателемъ Академіи діакономъ Добролюбскимъ.

Присужденіе ученыхъ степеней, свидѣтельствующее объ ученой производительности Академіи и о достиженіи ею ея задачи, было однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ Совѣта. Изъ числа такихъ же дѣлъ принадлежало избраніе въ почетные члены Академіи лицъ, извѣстныхъ покровительствомъ духовному просвѣщенію или прославившихся своими дарованіями и заслугами церкви. Изъ 39 такихъ почетныхъ членовъ, избранныхъ въ 1870—1884 г., большинство составляли іерархи русской церкви, часть— бывшіе профессора Академіи. Изъ дѣтелей свѣтской науки—Соловьевъ, Срезневскій, гр. Уваровъ. Еще важнѣе для Академіи было замѣщеніе вакантныхъ кафедръ. Хотя уставъ 1869 г. открылъ нѣсколько новыхъ кафедръ и раздѣлилъ нѣкоторыя старыя, наличность бывшихъ преподавателей и достойныхъ кандидатовъ изъ окончившихъ въ 1870 и 1872 г. не только позволила Совѣту не затрудняться этимъ вопросомъ, но даже прибѣгать къ конкурсамъ, чтобы изъ достойныхъ избрать достойнѣйшаго. Только кафедра славянскихъ нарѣчій долго не могла получить постоянного преподавателя: съ 1873 по 1880 г. ее временно занимали университетскіе преподаватели М. П. Петровскій, Н. А. Снегиревъ и И. А. Водуанъ-де-Куртенъ. Кандидаты, желавшіе занять кафедру, читали двѣ пробныя лекціи—одну по собственному избранію, другую по назначенію отдѣленія. Отъ кандидатовъ Академіи, занимавшихъ преподавательскія должности въ званіи приватъ-доцентовъ, требовалось еще защищеніе диссертациі pro venia legendi. Наконецъ, занимающіе кафедру до конкурса должны были представить еще подробную программу предмета. Конкурировавшій въ 1873 г. на кафедре древней церковной исторіи кievскій магистръ С. А. Терновскій пробныя лекціи прочелъ по просьбѣ Совѣта казанской Академіи въ Кіевѣ и сужденіе объ ихъ удовлетворительности было произведено Совѣтомъ кievской Академіи. Совѣтомъ же производилось из-

браніе должностныхъ лицъ Академіи, начиная съ инспектора и кончая экономомъ, представленіе къ чинамъ лицъ, служащихъ въ Академіи, промоція по службѣ наставниковъ Академіи, оставленіе на слѣдующее пятилѣтіе профессоровъ, прослужившихъ 25 и 30 лѣтъ, удостоеніе лучшихъ студенческихъ сочиненій денежными преміями, возбужденіе ходатайствъ о заграничныхъ командировкахъ (въ 1874 г. командированы на годъ въ Германію доцентъ Милославскій для изученія философіи и постановки ея въ Университетахъ; въ 1879 г. кандидатъ Царевскій на два года въ русскіе Университеты для изученія славянскихъ нарѣчій и палеографіи; въ 1881 г. проф. Красносельцевъ за границу).

Въ Совѣтъ, какъ главное административное учрежденіе въ Академіи, входили съ своими донесеніями все представители академической администраціи: ректоръ съ различнаго рода представленіями, касающимися академическаго благоустройства, съ ежемѣсячными донесеніями о числѣ пропущенныхъ наставниками лекцій; инспекторъ съ донесеніями (ежемѣсячными) о поведеніи студентовъ, о не возвратившихся во время изъ отпуска; Правленіе Академіи съ ежемѣсячными донесеніями о наличныхъ суммахъ и съ представленіемъ на разсмотрѣніе смѣты расходовъ на слѣдующій годъ; отдѣленія Академіи съ донесеніями о подвѣдомыхъ имъ дѣлахъ по учебной части; комитетъ казанской дух. цензуры съ вѣдомствами о разрѣшенныхъ имъ къ печати книгахъ; коммиссія по изданію „Миссіонерскаго Сборника“ съ донесеніями о ходѣ своихъ работъ и съ отчетами; редакция академическаго журнала съ донесеніями о происшедшихъ въ ея составѣ переменъ и съ ходатайствомъ о назначеніи цензоровъ для статей, помѣщаемыхъ въ журналахъ, и пр. и пр. Въ уставѣ 1869 г. точно обозначено, какія изъ дѣлъ, подлежащихъ компетенціи Совѣта, рѣшаются въ обыкновенномъ собраніи его и какія въ общемъ, какія затѣмъ рѣшаются самимъ Совѣтомъ, какія утверждаются епархіальнымъ преосвященнымъ и какія чрезъ послѣдняго восходить въ Св. Синодъ.

Многіе вопросы прежде окончательнаго рѣшенія въ Совѣтъ сдавались имъ для предварительнаго изученія въ коммиссіи.

Коммиссіей административнаго характера было дозволено много,—особенно на первых порах послѣ введенія устава 1869 г., который, заключая въ себѣ только общія положенія объ устройствѣ Академіи, предоставилъ Совѣтамъ свободу выработать самимъ частности. Съ помощію коммиссій Совѣтъ выработалъ разнаго рода правила для студентовъ и инструкции для служащихъ. Были коммиссіи и ученаго характера: а) коммиссія по объясненію неудобопонятныхъ словъ и выраженій въ пророческихъ книгахъ Св. Писанія, работавшая въ 1876—1882 гг.; б) коммиссія по изданію описанія рукописей Соловецкой бібліотеки, находящейся въ бібліотекѣ казанской Дух. Академіи, открытая въ 1875 г. и издававшая въ этотъ періодъ одинъ томъ (въ 1881 г.); в) коммиссія по изданію „Миссіонерскаго противомусульманскаго Сборника“, съ 1872 г., издававшая до 1884 г. 16 выусковъ его, кромя нѣкоторыхъ сочиненій, не вошедшихъ въ общій счетъ; наконецъ, г) комитетъ дух. цензуры, состоявшій изъ трехъ членовъ, избравшихся Совѣтомъ и утвержденныхъ Св. Синодомъ. Основанный въ 1845 г., казанскій комитетъ съ 1870 г. сократилъ свою дѣятельность, такъ какъ изъ вѣдѣнія его была изъята цензура „Православнаго Собесѣдника“ и другихъ академическихъ изданій, переданная тешеръ Совѣту; бывали годы, когда чрезъ комитетъ проходило не болѣе десятка книжекъ.

Вторую, низшую административную инстанціей были *отдѣленія* Академіи—богословское, церковно-историческое и церковно-практическое. Въ нихъ подвергались обсужденію всѣ дѣла по учебной части, о замѣщеніи каедръ, объ ученыхъ степеняхъ, разсмотрѣніе программъ, производство экзаменовъ и проч. Засѣданія отдѣленій для выслушанія защиты сочиненій pro venia legendi добывающими званія приватъ-доцента были открыты.

Въ составъ каждаго отдѣленія входили наставники извѣстной группы предметовъ, при чемъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ избирался на четыре года помощникъ ректора, который былъ руководителемъ отдѣленія и представителемъ его въ Совѣтѣ и Правленіи Академіи. Въ церковно-историческомъ отдѣленіи помощникомъ ре-

ктора почти во все время дѣйствія устава 1869 г. (именно съ 1873 г.) былъ проф. П. В. Знаменскій, въ церковно-практическомъ—И. Я. Порфирьевъ (1870—1882 года)—и съ ихъ именами связаны судьба и слава этихъ отдѣленій. Что касается богословскаго отдѣленія, то за отсутствіемъ тажъ ординарнаго профессора, исправленіе должности помощника ректора Синодомъ поручено было самому ректору; только въ 1879 г. оно перешло къ ордин. проф. Н. Я. Бѣляеву.

Правленіе Академіи по уставу 1869 г. вѣдало исключительно дѣла по хозяйственной части. Въ составъ Правленія входили ректоръ, инспекторъ, помощники ректора по учебной части и почетный блюститель по хозяйственной части. Засѣданія Правленія въ годъ бывало до 50 и даже до 68.

Уставъ 1869 г., вводя коллегіальное начало въ управленіе Академіями, оставилъ въ то же время извѣстную долю власти и за *ректорами*. Архим. *Никаноръ* счастливо сочеталъ въ своемъ лицѣ оба эти начала. „Благодаря его административному такту, профессорская корпорація скоро освоилась съ дарованными ей правами и привилегіями. Но не пошатнулся и авторитетъ ректора, какъ начальника Академіи, и власть его не перестала быть властію“. Академія помнила его заслуги и, когда онъ въ 1871 г. былъ назначенъ въ епископы аксаіскіе, избрала его въ свои почетные члены.

Вторымъ ректоромъ казанской Академіи при дѣйствіи устава 1869 г. былъ ея питомецъ, первый магистръ перваго ея выпуска (1846 г.), прот. *Александръ Поликарповичъ Владимірскій* (см. „Энци.“ III, 630—631). Сначала преподаватель Академіи, потомъ (съ 30 сент. 1850 г.) профессоръ богословія въ Университетѣ, исполнявшій нѣсколько лѣтъ обязанности декана сначала I отдѣленія философскаго факультета, потомъ историко-филологическаго, о. А. П. Владимірскій вступилъ въ должность ректора Академіи съ достаточнымъ житейскимъ и педагогическимъ опытомъ и со способностію вести дѣла коллегіально. Къ этому присоединялся мягкій и сердечный характеръ его, исключавшій всякія рѣзкія отношенія между нимъ и подчинен-

ными, окрестившими его именемъ „папеньки“ (обычье у студентовъ— „пацашки“). Но, съ другой стороны, много превосходя большинство корпораціи дѣлами и очень консервативный по убѣжденіямъ, этотъ ректоръ иногда слишкомъ усердно оберегалъ даже профессоровъ отъ вліянія новыхъ идей, почему задерживалъ у себя подчасъ книжки журналовъ съ самыми невинными содержаниемъ... Слишкомъ осторожный, онъ всегда боялся, „какъ бы чего не вышло“, и не только самъ не проявлялъ инициативы въ развитіи учебно-воспитательнаго дѣла, но и другихъ стѣснялъ и часто отказывалъ въ ходатайствахъ по дѣламъ законнымъ и уставомъ предусмотрѣннымъ. Не мало онъ затруднялъ и авторы, печатавшіеся въ „Собесѣдникъ“ и вообще подъ академической фирмой.

Кромѣ ректоровъ начальственное значеніе въ Академіи имѣли инспектора, выбиравшіеся корпораціею изъ профессоровъ на четыре года и дѣйствовавшіе по инструкціи, данной имъ Совѣтомъ. Въ казанской Академіи въ давнее время инспекторами были профессора: И. П. Гвоздевъ (избранный баллотировкой еще до введенія устава 1869 г.)—до 1872 г., И. С. Бердниковъ (1872—1876 г.), Н. И. Ивановскій (1876—1880 г.) и В. В. Миротворцевъ (1880—1884 г.). При избраніи инспекторовъ Совѣтъ казанской Академіи проводилъ тенденцію—„дать возможность всѣмъ профессорамъ, имѣющимъ право и готовность занимать должность инспектора, по очереди воспользоваться этимъ правомъ“.

В) *Учебная часть. Отдѣленія.* По § 110 устава 1869 г., Академія раздѣлялась на три отдѣленія: богословское, церковно-историческое и церковно-практическое. Къ предметамъ богословскаго отдѣленія были отнесены: догматическое богословіе съ историческимъ изложеніемъ догматовъ, нравственное богословіе, сравнительное, патристика, еврейскій языкъ и библейская археологія. Къ предметамъ церковно-историческаго отдѣленія—библейская исторія Ветх. и Новаго Завѣта, общая церковная исторія, исторія русской церкви, исторія и объясненіе русскаго раскола, общая гражданская исторія и русская гражданская исторія. Предметами церковно-практическаго отдѣленія стали: пастырское богословіе, гомилетика и исторія

проповѣдничества въ церкви православной и на Западѣ, церковная археологія и литургика, церковное право, теорія словесности и исторія русской литературы съ обзоромъ важнѣйшихъ иностранныхъ литературъ, русскій языкъ и славянскія нарѣчія. Кромѣ означенныхъ специальныхъ предметовъ были обязательными—для студентовъ всѣхъ отдѣленій: Свящ. Писаніе, основное богословіе, философія (логика, психологія, метафизика), исторія философій, педагогика, одинъ изъ древнихъ языковъ (греческій или латинскій) и его словесность, одинъ изъ новыхъ языковъ (французскій, нѣмецкій или англійскій). Преподаватели первыхъ пяти обязательныхъ предметовъ причислялись къ богословскому отдѣленію, преподаватели языковъ—къ церковно-практическому.

Съорганизовавъ такимъ образомъ академическое преподаваніе, уставъ 1869 г. совершенно забылъ о той особености, какая издавна отличала казанскую Академію,—о миссіонерскихъ отдѣленіяхъ и наукахъ. Последнія съ 1870 г. должны были прекратиться. Но благодаря настоянію казанскаго архієпископа Антонія и казанской Академіи, Св. Синодъ указомъ 24 іюня 1870 г. разрешилъ преподаваніе нѣкоторыхъ миссіонерскихъ предметовъ, хотя на условіяхъ довольно невыгодныхъ: 1) оставляя неприкосновеннымъ сдѣланное уставомъ распределеніе предметовъ, Синодъ (только) *допустилъ* въ казанской Академіи, при преобразованіи ея, преподаваніе противобуддійскаго и противомусульманскаго миссіонерскихъ предметовъ съ относящимися къ нимъ языками; 2) возложилъ это дѣло на двухъ настоятелей съ предоставленіемъ имъ равныхъ правъ съ преподавателями другихъ предметовъ относительно жалованья и служебныхъ преимуществъ, но безъ причисленія ихъ къ какому-либо академическому отдѣленію; 3) предоставилъ назначить для миссіонерскихъ предметовъ особые часы сверхъ назначенныхъ уставомъ для другихъ наукъ; 4) не дѣлая слушаніе ихъ обязательнымъ для студентовъ, Синодъ 5) допустилъ къ нему вольнослушателей, не принадлежащихъ къ числу воспитанниковъ Академіи. Такая постановка миссіонерскихъ предметовъ не могла ни гарантировать опредѣленнаго числа слушателей, ни привлечь къ нимъ работниковъ. Вслѣдъ за выходомъ изъ противо-

мусульманскаго отдѣленія Ильминскаго, его оставилъ и Е. А. Маловъ, перешедшій на кафедру еврейскаго языка и библейской археологій. Оставилъ было Академію и практикантъ татарскаго языка свящ. В. Тимоѣевъ, лишенный штатнаго оклада, но скоро возвратился, получивъ вознагражденіе изъ другого источника. Представителемъ противомусульманскаго отдѣленія сдѣлался доцентъ Н. П. Остроумовъ (1870—1877 г.), а послѣ него—приватъ-доцентъ М. А. Машановъ (съ 1878 г. и доселѣ); оба—казанцы и оба (особенно—первый) извѣстны въ наукѣ своими трудами по исламовѣдѣнію и полемикѣ съ мусульманствомъ. Хуже обстояло дѣло съ другимъ миссіонерскимъ предметомъ—противобуддистскимъ. Въ первые годы по введеніи новаго устава число слушателей его было не болѣе 2—3; и представитель его В. В. Миротворцевъ въ 1872 г. перешелъ на кафедру русскои исторіи. Въ виду того, что ему не нашлось замѣстителя, архіеп. Антоній предлагалъ Совѣту совсѣмъ закрыть эту миссіонерскую кафедру. Хотя Совѣтъ, въ ожиданіи могущихъ явиться достойныхъ кандидатовъ и слушателей, не согласился съ предложеніемъ владыки, но преподаваніе миссіонерскихъ предметовъ противъ буддизма уже не возобновлялось до конца дѣйствія устава 1869 г.

Уставъ 1869 г. за время своего дѣйствія въ казанской Академіи мало выдвинулъ особенно крупныхъ ученыхъ силъ. Старѣйшіе профессора—наслѣдіе прежняго устава и даже питомцы другихъ Академій (петербургской и московской). Новые профессоры или чужаки (С. А. Терновскій—кіевлянинъ) или учились при старомъ уставѣ. Таковы наміеченные ректоромъ Никаноромъ магистры выпуска 1870 г.: Ѳ. А. Кургановъ, доцентъ и (съ 1881 г.) профессоръ новой церковной исторіи, занимающій эту кафедру и доселѣ, съ 1885 г. профессоръ церковной исторіи и въ казанскомъ Университетѣ, составившій себѣ почетное имя въ области своей специальности; Н. Ѳ. Красносельцевъ, доцентъ (съ 1884 г. профессоръ) по кафедрѣ литургіи и церковной археологій, съ 1889 г. профессоръ церковной исторіи въ новороссійскомъ Университетѣ, человекъ тоже съ крупнымъ именемъ въ наукѣ († 1898 г.); Д. В. Гусевъ, по кафедрѣ

патристики, изслѣдователь твореній св. отцовъ, создавшій въ казанской Академіи плѣду своеобразную школу († 1894 г.; см. „Энци.“ IV, 855—856); А. В. Вадковскій (нынѣ с.-петербургскій митрополитъ Антоній), доцентъ по кафедрѣ гомилетики и пастырскаго богословія, прослужившій въ казанской Академіи все время дѣйствія устава 1869 г. и работавшій преимущественно въ области исторіи христіанской проповѣди (см. „Энци.“ I, 893—904); М. И. Богословскій, доцентъ по кафедрѣ Свящ. Писанія Нов. Завета, занимающій ее и доселѣ (см. „Энци.“ II, 819—822); и названный выше Н. П. Остроумовъ. Таковъ же М. А. Богородскій, окончившій Академію въ 1868 г. и занявшій въ ней въ 1871 г. кафедру библейской исторіи, которую замѣщала до 1899 г. (см. „Энци.“ II, 787—789). Изъ воспитанниковъ казанской Академіи, окончившихъ ее уже при уставѣ 1869 г. и занявшихъ въ ней кафедры, можно назвать еще П. А. Милославскаго, приватъ-доцента по кафедрѣ метафизики (1872—1884 г.); В. В. Зефирова—по новой гражданской исторіи (1872—1887 г.); Д. Н. Вѣликова, доцента общей гражданской исторіи древней (съ 1878 г.), съ 1889 г. профессора богословія въ томскомъ Университетѣ, съ 1907 г.—педагогическихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ и нынѣ—предсѣдателя Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ (см. „Энци.“ II, 1237); П. А. Юнгера, съ 1879 г. и доселѣ занимающаго кафедру Свящ. Писанія Вѣтнаго Завета; А. А. Царевскаго, съ 1880 г. доцента по кафедрѣ русскаго языка и славянскихъ нарѣчій, занимающаго ее и доселѣ; Н. П. Виноградова, съ 1881 г. приватъ-доцента по кафедрѣ латинскаго языка и его словесности (см. „Энци.“ III, 506—508); А. А. Дмитриевскаго, оставленнаго въ 1882 г. приватъ-доцентомъ при кафедрѣ литургіи, съ 1884 г. занимающаго кафедру литургіи и археологій въ кіевской Академіи (см. „Энци.“ IV, 1105—1108); А. И. Алмазова, извѣстнаго литургіста, занимающаго кафедру церковнаго права въ новороссійскомъ Университетѣ (см. „Энци.“ I, 551—552).

Въ изслѣдуемый періодъ исторіи казанской Академіи замѣтно вообще стремленіе пополнять учебный составъ собственными питомцами. Исключеніемъ являются С. А.

Терновскій, кіевскій профессоръ, также † А. А. Олесницкій, назначенный Св. Синодомъ, согласно его желанію, на кафедру Свящ. Писанія Ветх. Заветъ, но отказавшійся ѣхать въ Казань (1879 г.), преподаватели русскаго языка съ славянскими нарѣчіями, лекторы новыхъ языковъ, каковыми являются лекторы свѣтскихъ учебныхъ заведеній (вирочемъ, англійскій языкъ съ 1877 г. временно преподавалъ почти до конца періода Милославскій, потомъ Волковъ), и, наконецъ, временный приватъ-доцентъ при кафедрѣ латинскаго языка, приватъ-доцентъ Университета и инспекторъ 1-й гимназіи Гвоздевъ (1879—1884 г.; за это время вообще замѣтно въ казанской Академіи усиленное преподаваніе классическихъ языковъ чрезъ приглашеніе приватъ-доцентовъ).

Въ казанской Академіи наставники согласно требованіямъ устава и желанію мѣстныхъ преосвященныхъ стремились изложить въ теченіе учебнаго курса всю систему, а не ограничивались только разработкой однихъ частныхъ вопросовъ или частныхъ отдѣловъ науки, что имѣло мѣсто только на IV курсѣ. По послѣ ревизіи Академіи, произведенной въ 1874 г. архіеп. Макаріемъ (Булгаковымъ), Синодъ разрѣшилъ избирать для подробнѣйшаго изученія менѣе разработанные отдѣлы, а остальные излагать съ меньшою подробностью, указывая въ то же время готовыя руководства, по которымъ студенты могли бы приготовляться къ испытаніямъ. Въ связи съ этою же ревизіей казанская Академія въ 1875 г. получила отъ Синода разъясненіе, что хотя уставъ 1869 г. внушаетъ преподавать догматическое богословіе съ историческимъ изложеніемъ догматовъ, но нельзя допускать, чтобы послѣднему было удѣляемо все время въ подрывъ систематическому построенію догмат. богословія, какъ это было усмотрѣно въ казанской Академіи. Еще раньше, въ 1874 г., Синодомъ были присланы общія положенія относительно постановки практическихъ занятій на IV курсѣ, надъ выработкою которыхъ работала равнѣ коммиссія Совѣта казанской Академіи съ участіемъ трехъ преподавателей Семинаріи. Но принятый Совѣтомъ проектъ послѣдней—допущенія студентовъ Академіи къ слушанію уроковъ и преподаванію въ Семинаріи, въ качествѣ

упражненій, не былъ одобренъ архіеп. Антоніемъ, почему практическія занятія въ казанской Академіи ограничивались произнесеніемъ практическихъ уроковъ по предметамъ семинарскаго курса въ академической аудиторіи. Архіеп. Антоній былъ противъ новаго устава почти во всѣхъ его пунктахъ. Онъ былъ, напр., противникомъ раздѣленія студентовъ не только на группы въ IV курсѣ, но и самаго раздѣленія на отдѣленія.

IV курсъ, по уставу 1869 г., предначался, во-1-хъ, для приготовленія къ сдачѣ экзамена на степень магистра по извѣстной группѣ наукъ в, во-2-хъ, для практическаго приготовленія къ занятію преподавательской должности въ Духовныхъ Семинаріяхъ, почему и назывался практически-спеціальнымъ курсомъ. Группъ на немъ въ казанской Академіи, какъ и въ петербургской, сначала было семь, потомъ, съ 1874 г., восемь. Но на первыхъ порахъ студенты IV курса, кромѣ спеціальныхъ предметовъ, дослушивали нѣкоторые науки общаго курса и прошли полный курсъ педагогики, не читавъ имъ до того. Что касается практическихъ занятій, то въ казанской Академіи замѣтна тенденція осложнить ихъ письменными работами: собраніемъ матеріаловъ для магистерской диссертации, составленіемъ одной проповѣди и письменною разработкой намѣченныхъ преподавателями отдѣловъ своихъ спеціальностей. Съ 1880 г., въ виду послѣдовавшаго въ это время назначенія академикомъ на учительскія мѣста и въ дух. училища (кромѣ Семинаріи), студенты IV курса стали знакомиться съ программами и планами преподаванія въ нихъ, съ одобренными Св. Синодомъ учебниками и пособиями для училищъ, съ детальными постановленіями касательно учебно-воспитательной части въ нихъ и съ методами преподаванія.

Въ виду того, что къ 15 іюня Совѣтъ Академіи долженъ былъ доставлять въ Учебный Комитетъ отяѣтки по окончательному испытанію студентовъ IV курса съ свѣдѣніями, по какимъ предметамъ каждый изъ нихъ выдержалъ пробные уроки и на какую учительскую кафедру признается болѣе способнымъ,—экзамены ихъ производились въ концѣ апрѣля и заканчивались къ срединѣ мая,—ранѣе, чѣмъ прозвѣтъ студентовъ.

Особенностью устава 1869 г. было и то, что прохождение академической программы разбито было на четыре годовичные курса, съ ежегодными приёмами и выпусками студентовъ. Въ виду этого должно было увеличиться у каждаго профессора число недѣльных лекцій: вмѣсто обычныхъ (предъ 1870 г.) двухъ ихъ стало (съ 1873 г.) отъ 3 до 6.

В) *Экономическая часть.* Уставъ 1869 г. оказался особенно благотворнымъ для казанской Академіи въ хозяйственномъ отношеніи, спасши ее отъ постоянныхъ дефицитовъ и обезпечивши содержаніе учащаго и служащаго персонала, а также студентовъ.

По штатамъ 1869 г. казанская Академія получала на содержаніе дома съ прислугой 7.000 р., на больницю 900 р., на церковь 100 р., на мелочные расходы 350 р., на канцелярскіе расходы и на писцовъ 850 р., на печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертаций 3.000 р., на бібліотеку и періодическія изданія 1.600 р. Если такимъ назначеніемъ и не вполне удовлетворялись хозяйственныя и учебныя нужды Академіи,—особенно бібліотечныя, то для нея открывалась теперь болѣе легкая, чѣмъ прежде, возможность испрашивать увеличеніе той или другой суммы и получать часто крупныя ассигнованія на ремонтъ зданій и внутреннее устройство его. Такъ, Св. Синодомъ было ассигновано 66.842 руб. на приспособленіе зданій въ связи съ введеніемъ сажого устава (1870 г.), въ 1871 г. отпущено 3 тыс. руб. на оборудованіе академической церкви, въ 1875 г. вновь отпущено на дополнительный ремонтъ 6.811 р., въ 1882 г.—1.559 р. Кроме того, въ 1881 и 1882 гг. отпущено 4.559 р. на обзаведеніе мебелью и другими хозяйственными принадлежностями. На первыхъ порахъ производились иногда крупныя работы на остаткахъ отъ равныхъ статей академической экономіи, напр., въ 1872 г. на 4.843 р. такихъ остатковъ произведены ремонтъ и устроены водопроводъ отъ академическаго колодца къ корпусу и флигелямъ, а на 11.046 р.—устройство дубовой мебели. Но скоро начались ходатайства академическаго правленія объ увеличеніи штатной суммы на содержаніе дома, вызванныя расширеніемъ самаго зданія и умноженіемъ числа

прислуги. И Синодъ долженъ былъ увеличивать ее—въ 1873 г. до 9 тыс., въ 1878 г. до 10 тыс. (при чемъ въ 1877 г. покрылъ дефицитъ въ 1.500 р.) и съ 1884 г. до 12 тыс. руб. Точно также была увеличена съ 1883 г. до 1.200 р. сумма, отпущавшаяся на содержаніе больницы. Въ 1876 г. особенно стало чувствоваться и малый размѣръ ассигнованія на бібліотеку. Не разъ приходилось выходить за предѣлы смѣты или изъ ассигнованія извѣстнаго года платить за книги, выписанныя въ предыдущемъ году. Въ концѣ же 70-хъ годовъ на бібліотечномъ бюджетѣ неблагоприятно отразилось, вслѣдствіе пониженія курса на наши деньги, сильное поднятіе въ цѣнѣ заграничныхъ изданій. Но повышеніе бібліотечной суммы принесъ только уставъ 1884 г., а при дѣйствіи стараго казанской Академіи уалось только выхлонтать 1.190 р. на постройку 34 новыхъ шкафовъ, да 4 тыс. руб. на изданіе „Описанія рукописей Соловецкой бібліотеки“. Всего щедрѣе сдѣлано было уставомъ 1869 г. назначеніе 3 тыс. руб. на печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертаций. На первыхъ порахъ остатки отъ этой статьи оказалось возможнымъ употреблять на изданіе „Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника“ (на что, впрочемъ, Синодъ въ 1876 г. отпустилъ еще 2 тыс. р. изъ суммъ на распространеніе православія между язычниками имперіи). Въ 1879 году Совѣтъ казанской Академіи хлопоталъ (и его ходатайство въ 1883 г. было уважено), чтобы право печатать на протокольные суммы магистерскія сочиненія, принадлежащее по уставу тѣмъ, кто представитъ ихъ при окончаніи Академіи, было распространено и на тѣхъ, кто представитъ въ теченіе двухъ лѣтъ по окончаніи.

Болѣе существенно было повышеніе окладовъ содержанія преподавателей и должностныхъ лицъ. По штатамъ 1869 г. 9 ординарныхъ профессоровъ получили по 3 тыс. руб. и 9 экстраординарныхъ по 2 тыс. р., при чемъ ректору дано добавочныхъ 1500 р., инспектору—800 р. и тремъ помощникамъ ректора по 300 р., 8-ми допентамъ назначено по 1200 р., тремъ лекторамъ по 600 р. Достаточность этихъ окладовъ свидѣтельствуется тѣмъ, что ихъ не повысилъ и уставъ 1884 г. При дѣйствіи же устава

1869 г. по этой статьѣ были даже остатки вслѣдствіе того, что не всѣ кафедры бывади замѣщены. Размѣръ вознагражденія прочимъ служащимъ лицамъ установленъ слѣдующій: — помощнику инспектора 600 р., библиотечарю 800 р., его помощнику 500 р., секретарю 1000 р., помощнику его 500 р., эконому 800 р., врачу 500 р. Всѣ эти лица, кромѣ врача, пользовались казенной квартирой, какъ и ректоръ съ инспекторомъ, профессора же получали квартирное пособіе. Впрочемъ, съ 1880 г. были переведены на квартирное пособіе и служащіе въ Академіи, квартиры которыхъ понадобились для увеличеннаго комплекта студентовъ.

По штатамъ 1869 г. въ казанской Академіи положено 100 казеннокоштныхъ студентовъ съ платой по 170 р. Влодѣй достаточная сначала, — сумма эта съ 1876 г. стала приводить къ дефициту, особенно послѣ неурожая въ казанской губерніи 1877 г. и значительнаго повышенія цѣнъ на всѣ жизненныя потребности. Съ 1878 г. на каждаго студента стало отпускаться по 190 р. Въ 1879 г. увеличены штаты казеннокоштныхъ студентовъ казанской Академіи на 60 чел., при чемъ это увеличеніе должно было произойти въ четыре года, начиная съ 1880 г. При дѣйствиіи устава 1869 г. въ казанской Академіи училось немало своекоштныхъ студентовъ, жившихъ на частныхъ квартирахъ. На частныхъ квартирахъ позволялось жать также студентамъ, пользовавшимся частными стипендіями, а иногда и казеннымъ, съ выдачею имъ денегъ на руки.

Г) *Студенты и ихъ жизнь.* 1) *Пріемъ студентовъ.* Въ казанской Академіи до 1880 г. число казенныхъ стипендій было 100, а съ этого года — 160, раздѣленныхъ поровну между четырьмя курсами. Для заповненія ихъ ежегодно вызывалось изъ Семинарій извѣстное число окончившихъ воспитанниковъ, съ тѣмъ однако расчетомъ, чтобы и для волонтеровъ осталось сколько-нибудь вакансій (отъ 2 до 10). Вызывались студенты изъ Семинарій преимущественно бывшаго казанскаго округа, да еще такъ, чтобы пошло въ Академію возможно большее число изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ — Сибири, Кавказа, астраханской губерніи, куда вообще неохотно шли въ учителя. Но въ данный періодъ начались укло-

ненія отъ поступленія въ Академію, а кромѣ того, иногда семинарскія начальства не могли никого и послать изъ окончившихъ. Объясняется это разрѣшеніемъ поступать въ Университеты прошедшимъ четыре класса Семинарій и уходямъ туда большинства лучшихъ воспитанниковъ. Но за-то въ казанскую Академію стало являться много волонтеровъ изъ окончившихъ ранѣе курсы Семинарій, даже священниковъ; съ 1880 г. ихъ бывало иногда болѣе, чѣмъ вызванныхъ. Прибывшіе въ Академію подвергались медицинскому освидѣтельствованію, которое на первыхъ порахъ отличалось большою тщательностію (на основаніи его въ 1875 г. не было допущено четыре чело-вѣка), и экзаменамъ. Предметами устныхъ испытаній были: догматическое богословіе, библейская и церковная исторія, классическіе языки (въ 1871 и 1883 г. оба, въ остальные годы — одинъ) и одинъ новый (съ 1872 г.). Изъ двухъ экзаменскихъ сочиненій одно писалось на богословскую тему, другое на философскую. Для приѣма требовался баллъ не ниже трехъ, особенно по сочиненіямъ, на которыя казанская Академія обращала „особенное вниманіе, какъ на одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ въ оцѣнкѣ зрѣлости сужденій и знанія отечественнаго языка“. Но были случаи приѣма съ баллами и ниже 3, что въ 1876 г. разрѣшено было и Синодомъ подъ тѣмъ условіемъ, если двойка покрывается удовлетворительными оцѣнками изъ другихъ, но однородныхъ предметовъ. Въ виду того, что и при такомъ снисхожденіи иногда даже казенные воспитанники не выдерживали испытанія и попадали на свое содержаніе (такихъ въ этотъ періодъ было 6) или даже совсѣмъ не принимались (не принято 14), — въ 1881 г. Синодъ особымъ указомъ установилъ правила приѣмныхъ испытаній, еще болѣе облегчавшія семинаристамъ доступъ въ Академію, и въ томъ же году распорядился принимать во вниманіе и семинарскіе аттестаты ихъ. Совѣтъ Академіи сталъ составлять порядковый списокъ ново-поступающихъ, присоединяя къ среднему баллу экзаменскому средній баллъ аттестата. Кромѣ семинаристовъ (перворазрядныхъ), въ Казанскую Академію въ этотъ періодъ было принято два гимназиста, сдававшие экзаменъ по катихизису

(вмѣсто богословія) и писавшіе сочиненіе по словесности (вмѣсто философіи). Лучшіе изъ выдержавшихъ (а въ первые годы и всѣ) принимались на казенное содержаніе (за исключеніемъ съ 1876 г. женатыхъ), прочіе на своекоштное, иные съ разрѣшеніемъ жить на частныхъ квартирахъ. Были случаи и добровольнаго перехода съ казенныхъ стипендій на свое содержаніе и еще болѣе — перечисленій своекоштныхъ въ казенные. Съ конца періода въ казанской Академіи появились и частныя стипендіи: въ 1881 г. три стипендіи имели бывшаго профессора Н. И. Соколова на завѣщанный имъ капиталъ въ 10 тыс. р., въ 1882 г. двѣ стипендіи имени прот. І. В. Рождественскаго на завѣщанные имъ 7.600 р., въ 1884 г. одна стипендія имени нижегородскаго епископа Хрисанова на завѣщанныя имъ 4 тыс. р. Конецъ періода ознаменовался учрежденіемъ „Общества вспоможенія недостаточнымъ студентамъ Академіи“ (1883 г.).

2) *Учебныя занятія.* По принятіи въ Академію студенты избирали одно изъ трехъ отдѣленій и записывались на одинъ изъ древнихъ и новыхъ языковъ. Изъ отдѣленій въ общемъ всего менѣе записывалось на богословское (за все время—156 ч.), всего болѣе на церковно-практическое (177 чел.); на церковно-историческомъ было 166 чел. Но бывали курсы, изъ которыхъ на всѣ отдѣленія записывались поровну, и такіе, гдѣ богослововъ было вдвое болѣе, чѣмъ студентовъ церковно-практическаго отдѣленія. Что касается древнихъ языковъ, то до 1878 г., когда оба они стали обязательны для студентовъ, сначала предпочтеніе отдавалось латинскому, а въ 1876—1877 гг.—греческому. Изъ новыхъ языковъ наибольшею популярностью пользовался нѣмецкій (326 чел.), потомъ французскій (142 чел.) и наименьшею—англійскій (84 чел.). Три студента пытались изучить два новыхъ языка, но это оказалось практически неосуществимымъ. Наконецъ, три студента изучали миссіонерскія науки противъ буддизма и 44—противъ мухаммеданства. Понятно, что бывали случаи и перехода съ однихъ отдѣленій и языковъ на другіе, что разрѣшалось въ первое полугодіе безъ условій, во второе—подъ условіемъ выдержанія экзаменовъ изъ

тѣхъ предметовъ, на которые студенты переходили.

Занятія студентовъ первыхъ трехъ курсовъ состояли: а) Въ слушаніи, записываніи и,—на основаніи этихъ записей,—въ составленіи и усвоеніи читаемыхъ имъ лекцій. Число лекцій въ недѣлю сначала было отъ 19 до 25 (всего болѣе на церковно-историческомъ отдѣленіи), а съ 1878 г., когда введено обязательное изученіе обихъ древнихъ языковъ,—отъ 22 до 30. б) Въ составленіи семестровыхъ и курсовыхъ сочиненій. Въ первые два года писалось по три сочиненія, изъ которыхъ на первомъ курсѣ одно по специальнымъ и два по общимъ предметамъ, а на второмъ—наоборотъ. Кромѣ семестровыхъ работъ студенты церковно-практическаго отдѣленія, по уставу, писали по одной проповѣди въ годъ. Въ 1872 г. Совѣтъ, согласно предложенія архіеп. Антонія, предложилъ писать проповѣди и студентамъ прочихъ отдѣленій—съ тѣмъ чтобы лучшія студенческія проповѣди произносились съ церковной кафедры. Но до 1877 г. студенты богословскаго и церковно-историческаго отдѣленій рѣдко подавали проповѣди. Писаніе ихъ сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ студентовъ I, II и IV курсовъ съ 1876⁷/₇ уч. года, и отъ этой работы не освобождала студента и болѣзнь.

Студенты III курса писали и къ 1 апрѣля подавали сочиненія на степень кандидата. На первыхъ порахъ темы для курсовыхъ работъ давались одинаково и изъ богословскихъ и изъ свѣтскихъ предметовъ, равно какъ и имѣвшія отношенія къ современной дѣйствительности. Но въ 1875 г. Св. Синодъ запретилъ послѣднія и указалъ, чтобы темы „не относились къ чисто свѣтскимъ наукамъ“. Съ 1875 г. всѣ темы кандидатскихъ сочиненій имѣли строго богословскій характеръ. Изъ общеобязательныхъ предметовъ особенно много сочиненій написано по Свящ. Писанію (29). Изъ предметовъ богословскаго отдѣленія — по библейской археологіи (19) и по патрологіи (16). Изъ предметовъ церковно-историческаго отдѣленія—по русской церковной исторіи (42), по общей церковной исторіи (35) и по исторіи и обличенію русскаго раскола (24). На церковно-практическомъ отдѣленіи болѣе темъ дали гомилетика

и исторія проповѣдничества (35), каноническое право (33), литургика и церковная археологія (25) и исторія русской литературы (21). Кроме того, 23 сочиненія написано на темы имѣющія миссіонерскій характеръ. Огромное большинство сочиненій составлено на основаніи печатной литературы, но для 32 пособіями служили и рукописи Соловецкой бібліотеки. О характерѣ отношеній студентовъ къ курсовымъ работамъ можетъ свидѣтельствовать еще то, что при 360 перешедшихъ на IV-й курсъ кандидатами только 19 были по окончаніи III курса дѣйствительными студентами и что 8 кандидатскихъ работъ удостоено Іосифовской преміи. в) Въ репетиторіяхъ и экзаменахъ. Первые проходили въ теченіе года, вторые въ самомъ концѣ (въ маѣ—первыхъ числахъ іюня). Проходили послѣдніе въ присутствіи помощника ректора, преподавателя и депутата, назначеннаго Совѣтомъ.

Занятія студентовъ IV курса состояли а) въ приготовленіи къ сдачѣ экзамена на степень магистра по извѣстной группѣ наукъ и б) въ практическомъ приготовленіи къ преподавательству въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Группъ до 1874 г. было 7, потомъ 8 и каждая состояла изъ 2—4 предметовъ. Больше всего записывалось кандидатовъ на исторію и словесность (на двухъ группахъ исторіи—гражданской и церковной—было 75 ч., на словесности 52), всего меньше на богословскіе предметы (18). Ежегодно въ каждой группѣ занималось стъ одного до пяти, рѣдко больше, человекъ. Занятія эти „состояли въ ознакомленіи съ лучшими древними иновыми источниками, учебниками и учебными пособіями, относящимися къ предметамъ группы, въ разборѣ нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненій и руководствъ по наукѣ, въ ознакомленіи съ программами, составленными учебнымъ комитетомъ при Свят. Синодѣ для Дух. Семинарій, при чемъ преподавателями преимущественно были предлагаемы объясненія и разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, поставленныхъ въ программахъ, объясненіе и разрѣшеніе которыхъ при преподаваніи науки самими студентами въ Семинаріяхъ, по выходѣ изъ Академіи, могло бы затруднить, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кроме того студенты

занимались составленіемъ уроковъ примѣнительно къ требованіямъ семинарскаго преподаванія, которые и произносились въ присутствіи преподавателя“ (Отчетъ за 1873/4 уч. годъ). Впослѣдствіи къ этому присоединились требованія писать одну проповѣдь въ годъ (1877 г.), собирать матеріалы для магистерскаго сочиненія (1878 г.), знакомиться съ программами и учебниками дух. училищъ (1880 г.). Испытанія студентовъ IV курса производились особыми коммиссіями профессоровъ подъ предѣлательствомъ ректора Академіи и очень часто архіепископа. Обидали они всю группу избранныхъ каждымъ студентомъ предметовъ, а вопросы предлагались не только изъ системы науки, но и изъ бібліографіи ея. Устными отвѣтами—на 5—и опредѣлялась удовлетворительность или неудовлетворительность сдачи экзаменовъ, независимо отъ письменныхъ работъ и занятій по ознакомленію съ учебниками и программами семинарскаго и училищнаго курса. Выдержавшихъ магистерское испытаніе было 243 студента, не выдержавшихъ 61. Но всѣ они получили степень кандидата богословія съ правомъ преподаванія въ Семинаріяхъ и училищахъ. Разница была та, что первые могли получить степень магистра путемъ подачи сочиненія и защиты его, безъ новаго устнаго испытанія. Но этимъ правомъ воспользовалась только пятая часть: 27 до 1884 г. и 14—послѣ (до 1892 г.)

3) *О нравственной сторонѣ жизни казанскихъ студентовъ за второй періодъ* можно сказать немного. Главные умственные интересы ихъ относились къ области исторіи и словесности, но и другія спеціальности имѣли своихъ сторонниковъ. Тѣмъ не менее излишняя дробность спеціальностей отозвалась неблагоприятно на умственномъ развитіи студентовъ, суживъ горизонтъ мыслей и кругъ интересовъ, ослабивъ философское развитіе и крѣпость діалектики, которою прежде были сильны студенты. Это, разумеется, дѣлало студентовъ меньше устойчивыми въ столкновеніяхъ съ мнѣніями и ученіями противоправославными и противохристіанскими, съ которыми они не могли не знакомиться. Интересно, что казанская Академія этого именно періода дала одного кандидата, который, будучи священникомъ, перешелъ въ расколъ (Люцерновъ).

Поведеніе студентовъ регулировалось особою инструкціей, составленною въ 1870 и въ 1873 г. дополненною, и указомъ Св. Синода 1871 г., воспрещающимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ литературно-музыкальныя собранія. Студенты, если справедливъ донесеніи инспекторовъ въ Совѣтъ, за все время дѣйствія устава 1869 г. только четыре раза допустили крупныя нарушенія правилъ...

Періодъ III (1884—1907). 15 августа 1884 г. въ казанской Академіи введенъ былъ новый академическій уставъ, выработанный особою комиссіей, въ составъ которой входилъ въ качествѣ представителя казанской Академіи проф. И. С. Бердниковъ, и Высочайше утвержденный 20 апр. того года. Вызванъ онъ былъ къ жизни не столько недостатками стараго¹⁾, сколько новыми вѣяніями въ высшихъ духовныхъ сферахъ,—вѣяніями, характеръ которыхъ опредѣлялся личностію новаго оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева. Близкій сотрудникъ импер. Александра III, онъ былъ противъ тѣхъ широкихъ правъ, какими пользовались корпорации духовно-учебныхъ заведеній, и позаботился о сокращеніи ихъ и о возвышеніи административной власти ректоровъ ихъ и мѣстныхъ преосвященныхъ. Былъ онъ также недоволенъ тою неполнотою богословскаго образованія, какою сопровождалось существованіе въ Академіяхъ историческаго и практическаго отдѣленій наряду съ богословскимъ;—отсюда обще-обязательность для студентовъ богословскихъ наукъ по новому уставу. Забота же о миссіонерскихъ нуждахъ русской церкви возвратила казанской Академіи ея прежнее значеніе чрезъ восстановленіе миссіонерскихъ—татарскаго и монгольскаго—отдѣленій. Матеріальную обезпеченность Академіи, созданную уставомъ 1869 г., новый уставъ оставилъ въ прежнемъ видѣ, но въ дальнѣйшемъ послѣдовало значительное улучшеніе чрезъ сравненіе профессоръ Академіи

въ отношеніи пенсій съ университетскими. Въ теченіе послѣдняго періода послѣдовали, впрочемъ, измѣненія и въ первыхъ двухъ отношеніяхъ—административномъ и учебномъ.

А) *Административная часть.* Высшимъ органомъ управленія академіями уставъ 1884 г. поставилъ Совѣтъ, состоящій изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ,—слѣдовательно, аналогичный по составу съ прежнимъ „Общимъ собраніемъ Совѣта“. Разница по сравненію съ послѣднимъ та, что изъ сферы его компетенціи взяты многіе предметы,—не только всѣ дѣла хозяйственныя, но и нѣкоторыя учебно-воспитательныя и административныя. Компетенціи Совѣта урѣзана была и съ другой стороны,—предоставленіемъ епархіальному преосвященному правъ: а) начальственнаго наблюденія какъ за исполненіемъ устава, такъ и за направленіемъ преподаванія и воспитанія, б) представленія Академіи предложеній не только для обсужденія, но и для исполненія, и в) разсмотрѣнія и утвержденія академическихъ постановленій по вопросамъ, которые прежде окончательно рѣшались Совѣтомъ и Правленіемъ Академіи, именно—о зачисленіи въ студенты Академіи, увольненіи ихъ изъ Академіи по прошеніямъ, о допущеніи постороннихъ лицъ къ слушанію академическихъ лекцій и присвоеніи званія дѣйствительнаго студента. До самаго послѣдняго времени казанскіе преосвященные твердо осуществляли свои права по отношенію къ Академіи, предоставляемая имъ уставомъ 1884 г., равно какъ и Синодъ блюлъ свои прерогативы. Если же отъ самаго устава происходили отступленія, то только по ходатайствамъ Академіи, съ разрѣшенія высшаго начальства. Послѣднее рѣдко мирилось съ восхищеніемъ его правъ казанскою Академіей. Такой, напр., случай произошелъ въ 1902 г., когда корпорация Академіи исключила изъ своей среды одного профессора за напечатанный имъ противъ сослуживцевъ пасквиль подъ названіемъ „Русско-нѣмецкіе разговоры“. Синодъ согласился на увольненіе его, но отмѣтилъ незаконность инициативы Совѣта. Расширеніе правъ послѣдняго произошло только 30 ноября 1905 г. въ силу синодальнаго указа, установившаго главныя основанія предстоящей реформы

¹⁾ Недостатки эти, состоявшіе гл. обр. въ дробности спеціализаціи, создавались и заявлялись,—какъ іерархами русскими, такъ и Академіями. Казанская сдѣлала это дважды—при ревизіи ея архіеп. Макаріемъ въ 1874 г. и по поводу запроса о желательныхъ измѣненіяхъ въ уставѣ 1869 г.—въ 1880 году.

Дух. Академій и содержащаго какъ бы временныя правила, отныиъ регулируюція ихъ жизнь (отношеніе этихъ временныхъ правилъ къ уставу 1884 г. опредѣлено указомъ синодальнымъ 22 февр. 1906 г.). Ими а) Академія подчинены непосредственно Св. Синоду съ предоставленіемъ мѣстнымъ преосвященнымъ права „почетительнаго наблюденія“ надъ ними, б) Совѣтамъ предоставлено окончательное утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ и самостоятельное въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, разрѣшеніе учебныхъ и воспитательныхъ вопросовъ, в) корпораціямъ дано право избирать ректора и инспектора Академій.

Эти же „временныя правила“ расширили составъ Совѣта чрезъ допущеніе въ его среду доцентовъ, которые по уставу 1884 г. (какъ и 1869 г.) могли быть только приглашаемы въ Совѣтъ съ правомъ совѣщательнаго голоса по всѣмъ вопросамъ, по которымъ признавалось нужнымъ имѣть ихъ мнѣнія или объясненія. Въ казанской Академіи въ такомъ положеніи сейчасъ находится только и. д. доцента. Кромѣ же состоящихъ на дѣйствительной службѣ преподавателей въ составъ Совѣта входятъ тѣ выслужившіе пенсію профессора, которые пожелали дѣлать съ своими преемниками чтеніе лекцій.

Собранія Совѣта бывають трехъ родовъ: торжественныя, открытыя и обычныя. Торжественныя собранія (академическіе акты) почти всегда происходятъ въ день храмоваго праздника—8 ноября. На нихъ кто-либо изъ профессоровъ Академіи (большую частію недавно получившій повышеніе по службѣ) читаетъ рѣчь научнаго содержанія, а одинъ изъ членовъ Правленія отчетъ о состояніи Академіи за минувшій годъ, причемъ публикѣ раздаются оттиски рѣчи и отчета. Актовъ не было въ 1905 и 1906 гг. Нельзя не отмѣтить, что однажды актовая рѣчь едва не имѣла роковыхъ послѣдствій для ея автора. Въ 1902 г. профессоръ Ѳ. В. Благовидовъ прочелъ рѣчь на тему: „Этюды изъ исторіи высшаго образованія въ Россіи за время царствованія императоровъ Александра и Николая I“—и ею оскорбидись присутствовавшіе на актѣ попечитель округа и его помощникъ, а также архіепископъ и даже не присутствовавшій

начальникъ жандармскаго корпуса. Въ Петербургѣ посѣдовали донесенія, и автору предложено было оставить Академію, но онъ выпросилъ отсрочку, а затѣмъ дѣло и совсѣмъ замаялось. Изъ обычныхъ академическихъ актовъ выдѣляется актъ 1892 г., когда съ большимъ торжествомъ, съ участіемъ депутатовъ отъ многихъ учрежденій и учебныхъ заведеній Казани и всей Россіи, было отпразднованъ 50-лѣтній юбилей существованія Академіи. Юбилей сначала предполагалось приурочить къ 6 іюня—дню Высочайшаго утвержденія импер. Николаемъ I доклада Св. Синода объ открытіи Академіи. Но обострившійся къ веснѣ 1892 г. голодъ въ казанской губерніи, тифъ и слухи о приближающейся холерѣ заставили отодвинуть празднованіе къ 21 сент.—дню открытія правленія Академіи. Торжество съ молятивнымъ поминовеніемъ усопшихъ дѣятелей академіи и посѣщеніемъ мѣсть, гдѣ она первоначально кутилась, растянулось на четыре дня. Ознаменовано было между прочимъ поднесеніемъ диплома на знаніе почетнаго члена петербургской Академіи ректору прот. А. П. Владимірскому и дипломовъ на званіе почетнаго члена казанскаго Университета и доктора русской исторіи отъ московскаго Университета—историку казанской Академіи проф. П. В. Знаменскому. Затѣмъ нужно отмѣтить особенно торжественное собраніе Совѣта 6 апр. 1885 г. въ день памяти славянскихъ первоучителей, свв. Кирилла и Меодіи, собраніе 22 сент. 1896 г. по случаю столѣтія со дня рожденія имп. Николая I, празднованіе 50 лѣтняго юбилея ученой и учебной дѣятельности бывшаго ректора Академіи прот. А. П. Владимірскаго (10 окт. 1896 г.), прощаніе съ оставившимъ академію профессоромъ П. В. Знаменскимъ (26 окт. 1897 г.).

Открытыя собранія (коллекціумы) для защиты магистерскихъ сочиненій по уставу де журе доступны только для „лицъ, извѣстныхъ Совѣту и компетентныхъ въ дѣлѣ богословской науки“, которымъ и посылаются повѣстки. Такой порядокъ строго соблюдался въ началѣ періода, соблюдается и теперь. Но одно время они печатались въ газетахъ и допускалась широкая публика, даже дамы. А однажды дама выступила даже въ качествѣ неофициальнаго оппонента. Это была О. С. Лебедева, извѣстная

оріенталиста, возражавшая лектору французскаго языка, арабу П. К. Жузе, автору книги „Мутазилиты“ (6 мая 1899 г.) Въ разные годы число коллоквиумовъ было различное, отъ одного (1889 г.) до 8 (1899 г.). Наибольшее число ихъ падаетъ на 1897—1901 годы, на время управленія Академіей еп. Антонія (Храповицкаго). Изъ нихъ замѣчательны коллоквиумы 20 сент. 1887 г. и 14 янв. 1903 г. На первомъ и. д. доцента московской Академіи І. А. Татарскій защищалъ сочиненіе „Симеонъ Полодскій“. Предъ тѣмъ онъ защищалъ его въ московской Академіи, но ректоръ ея еп. Христофоръ (Смирновъ) подалъ особое мнѣніе о неудовлетворительности защиты и о неумѣнн автору держать себя во время ея, почему Синодъ и направилъ магистранта въ Казань для вторичнаго коллоквиума. То же неумѣніе держать себя повредило на коллоквиумѣ 14 янв. 1903 г. кандидату петербургской академіи свящ. Н. Климову, преподававшему богословіе въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ въ С.-Петербургѣ, защищавшему сочиненіе „Установленія по дѣламъ прав. церкви и духовенства въ царствованіе Императрицы Екатерины II.“ Генеръ самъ Совѣтъ казанской Академіи призналъ его защиту неудовлетворительною.

Бывали случаи непризнанія достойными магистерской степени авторовъ, и удовлетворительно защитившихъ свои диссертациі, со стороны Св. Синода, куда—по новому уставу стали представляться онѣ съ отзывами официальныхъ рецензентовъ. Такъ, въ 1899 г. отказано было въ степени и. д. доцента академіи И. В. Попову, сочиненіе котораго „Ламаизмъ въ Тибетѣ, его исторія, ученіе и учрежденія“ (Казань 1898) было найдено не достаточно критичнымъ по отношенію къ ламаизму. Согласно указанію Синода, авторъ прибавилъ къ сочиненію еще одну главу и получилъ искомую степень за эту новую обработку подъ заглавіемъ:—„Критическій обзоръ главнѣйшихъ основоположеній ламаизма съ точки зрѣнія хр. ученія“ (Казань 1906). Въ 1903 г. вопреки даже отзыву синодальнаго рецензента, саратовскаго епископа (дотолѣ бывшаго ректоромъ петербургской Академіи) Іоанна (Кратирова), было отказано въ степени магистра Н. Мальцеву, сочиненіе котораго

найдено было имѣющимъ по преимуществу литературно-критическій характеръ, а не богословскій („Психологія нравственнаго вліянія одной личности на другую“).

По этому поводу Синодъ опять издалъ указъ, не разъ имъ повторявшійся, чтобы Академіи давали темы для сочиненій богословскія. Въ частности казанская Академія руководилась синодальнымъ опредѣленіемъ 1895 г., по которому кандидаты, желавшіе превратить свои работы въ магистерскія, должны были испрашивать разрѣшенія Совѣта, утверждаемаго мѣстнымъ прееосвященнымъ. За соблюденіемъ этого требованія особенно слѣдить въ Казани архіеп. Димитрій Ковальницкій (1902—1904 г.) Въ силу временныхъ правилъ Академіи удостоиваютъ теперь магистерской и докторской степени сами, безъ синодальной санкціи. Въ казанской Академіи первымъ такимъ магистромъ является архим. Михайлъ Богдановъ (20 мая 1906 г.), потомъ (въ 1907 г.) казанскій викарій.

Вопросъ о допущеніи къ диспуту и вообще о достоинствахъ ученыхъ трудовъ, представляющихся на степени, разрѣшается на обычныхъ собраніяхъ Совѣта, каковыхъ въ казанской Академіи въ годъ бываетъ иногда до 28 (1884 г.) Это одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ, требующее особаго вниманія Совѣта какъ потому, что съ нимъ связаны судьба ищущихъ степени и ученая репутація Академіи, такъ и въ силу требованій и замѣчаний, какія много разъ выставлялъ и дѣлалъ Св. Синодъ по поводу ученыхъ работъ. За время дѣйствія новаго устава казанская Академія удостоила докторской степени, безъ защиты, слѣдующихъ лицъ: профессора Е. А. Будрина за сочиненіе „Антитринитаріи XVI вѣка“, I—II (Казань 1887), въ 1893 г.—по предложенію Синода — московскаго профессора М. Д. Муретова, о сочиненіи котораго „Вехозавѣтный храмъ. Ч. I. Внѣшній видъ храма“ (М. 1890) тамошніе рецензенты (проф. А. П. Смирновъ и доц. А. А. Ждановъ) высказались разнорѣчиво, въ 1893 г.—Н. Ѳ. Красносельцева—степени доктора церковной исторіи за совокупность его ученыхъ трудовъ и финляндскаго архіепископа Антонія (въ мірѣ А. В. Вадковскаго, нынѣ митрополита с.-петербургскаго). Произведенный (безъ прошенія съ его стороны)

въ доктора богословія, — главн. обр. за книгу „Изъ исторіи христіанской проповѣди“, — послѣдній только въ 1895 г. былъ утвержденъ Св. Синодомъ докторомъ церковной исторіи, при чемъ послѣдовала указъ, чтобы Совѣты Академіи не возбуждали ходатайствъ о присужденіи докторства епархіальнымъ преосвященнымъ безъ ихъ почива и вѣдома. Въ 1894 г. докторомъ признанъ проф. М. И. Богословскій за сочиненіе „Дѣтство Господа нашего І. Христа“ (Синодъ потребовалъ, чтобы въ новомъ изданіи это заглавіе было измѣнено), и въ 1895 г. проф. А. Θ. Гусевъ за труды противъ гр. Л. Н. Толстого (утвержденъ Синодомъ съ нѣкоторыми оговорками, которыя Совѣтъ постановилъ вписать въ дипломъ, ибо самъ Совѣтъ отказалъ автору въ искомой имъ докторской степени), и профессоръ каноническаго права въ новороссійскомъ Университетѣ А. И. Алмазовъ за сочиненіе „Тайная исповѣдь въ православной восточной церкви“ (т. I—III) — докторомъ церковнаго права. Въ 1896 г. признанъ докторомъ церковной исторіи кievскій академическій профессоръ (изъ казанскихъ академическихъ питомцевъ) А. А. Дмитріевскій за I томъ „Описанія литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго востока“, и получилъ отказъ кievскій же профессоръ П. А. Лашкаревъ, представившій свое „Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ“, которое не имѣло успѣха и въ Кіевѣ. Удостоены еще докторства въ 1897 г. проф. П. А. Юнгеровъ за „Книгу прор. Амоса“, въ 1898 г. проф. В. И. Несмѣловъ за т. I „Науки о человѣкѣ“, въ 1899 г. проф. В. А. Нарбековъ за „Номоканонъ Константинопольскаго патріарха Фотія съ толкованіемъ Вальсамона“, кievскій профессоръ С. Т. Годубевъ за II томъ „Митр. Петра Могилы“ и признаны почетными докторами за совокупность ученыхъ трудовъ протопресвитеръ І. Д. Янышевъ, профессора А. А. Царевскій и С. А. Терюковскій, а въ 1900 г. получалъ эту степень профессоръ казанскаго Университета прот. А. В. Смирновъ за диссертацию „Мессіанскія ожиданія и вѣрованія іудеевъ во времена І. Христа“. Въ 1901 г. большинствомъ 11 голо- совъ противъ 8 открытымъ голосованіемъ, — въ виду разнорѣчивости мнѣній рецензен-

товъ, — признанъ докторомъ каноническаго права проф. Θ. В. Благовидовъ за сочиненіе „Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII и первой половинѣ XIX ст.“ (Казань 1901), во 2-мъ его изданіи, послѣ того, какъ 1-ое изданіе (1899) не было признано Совѣтомъ заслуживающимъ степени доктора церковной исторіи, а равно удостоенъ докторства за совокупность трудовъ профессоръ-протоіерей Е. А. Маловъ. Въ этомъ же году послѣдовало разъясненіе Св. Синода, что только къ не состоящимъ на академической службѣ можно примѣнять § 143 устава о представленіи къ докторской степени безъ написанія представляемымъ особаго сочиненія. Въ 1902 г. удостоены степени доктора богословія профессоръ томскаго Университета прот. Д. Н. Бѣликъ, за сочиненіе „Толскій расколъ. Историческій очеркъ съ 1834 г. по 1880 г.“, въ 1903 г. проф. А. В. Поповъ за сочиненіе „Православные русскіе академисты, изданные съ благословенія Св. Синода“, въ 1904 г. проф. В. А. Керенскій за „Школу римлянскаго богословія въ лютеранствѣ“ и профессоръ с.-петербургской Академіи (изъ казанскихъ питомцевъ-магистровъ) И. И. Соколовъ за сочиненіе „Константинопольская церковь въ XIX ст.“, въ 1905 г. архіеп. варшавскій Никаноръ (Каменскій) за сочиненіе „Экзегетико-критическое изслѣдованіе посланія св. ап. Павла къ Евреямъ“.

Что касается магистерской степени, то она за время дѣйствія устава 1884 г. казанскою Академіей удостоена 14 кандидатовъ, кончившихъ курсъ при прежнемъ уставѣ, послѣ разсмотрѣнія ихъ сочиненій, согласно прежней практикѣ, однимъ рецензентомъ и послѣ публичной защиты, и до 63 человѣкъ, кончившихъ Академію послѣ 1884 г., при чемъ ихъ диссертации разсматривались двумя рецензентами, разногласіе между которыми бывало иногда поводомъ къ отказу въ степени. Двумя же рецензентами разсматривались курсовыя сочиненія студентовъ. За время 1884—1907 г. кандидатской степени удостоено свыше тысячи человѣкъ. Изъ этого количества незначительная часть получила степень кандидата богословія съ правомъ на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія и безъ представленія новаго сочиненія, а только по напечатаніи

и публичной защитѣ курсового сочиненія. Волѣ значительная часть удостоена кандидатства съ правомъ добиваться степени магистра лишь безъ новаго устнаго испытанія, но съ новою диссертациею. Наконецъ, огромная масса студенчества получила просто степень кандидата (соотношеніе этихъ трехъ разрядовъ за время 1884—1892 гг. такое: 6—27—245). Былъ случай присужденія кандидатской степени Синодомъ съ предоставленіемъ казанской Академіи только выдать дипломъ. Онъ имѣлъ мѣсто въ 1892 г. Этотъ кандидатъ—завѣдывавшій Алтайскимъ миссіонерскимъ училищемъ іером. Месодій, дѣйствительный студентъ казанской Академіи, прошедшій три курса и вышедшій по болѣзни съ IV-го, но кандидатское сочиненіе представившій. Въ 1905 г. удостоенъ кандидатства свящ. М. Колобовъ, вольнослушатель Академіи, которому Синодомъ въ изытаніе изъ правилъ разрѣшено держать испытанія по всѣмъ предметамъ академическаго курса и подать сочиненіе на ученую степень.

Дѣйствительные студенты, которыми въ каждомъ курсѣ кончало отъ одного до пяти человекъ, дѣлились на три группы: а) однимъ предоставлялось право на получение степени кандидата по прослуженіи въ духовномъ или духовно-учебномъ вѣдомствѣ двухъ лѣтъ и по представленіи отъ мѣстнаго начальства удостовѣренія о своемъ благоповеденіи; б) другіе должны были для получения кандидатства представить новое сочиненіе и г) третьи—выдержать испытанія по нѣкоторымъ предметамъ. Большинство дѣйствительныхъ студентовъ впоследствии получило кандидатскую степень, (иногда чрезъ 7 лѣтъ), при чемъ одинъ изъ нихъ—выдержавши дополнительные испытанія въ московской Академіи (1894 г.). Въ 1898 г. за сочиненіе дано кандидатство свящ. Разумовскому, вышедшему по болѣзни въ 1895 г. съ III курса Академіи и чрезъ два года выдержавшему экзамены за III и IV курсы. Въ 1903 г. Совѣтъ присудилъ было кандидатскую степень дѣйствительному студенту-москвовской Академіи выпуска 1870 г. архим. Мисаллу за сочиненіе, не требуя, по его старости, дополнительныхъ экзаменовъ, но архіеп. Димитрій опротестовалъ это рѣшеніе.

Изъ другихъ важныхъ дѣлъ, занимав-

шихъ Совѣтъ казанской Академіи по уставу 1884 г., нужно отмѣтить а) избраніе въ почетные члены Академіи, б) замѣщеніе вакантныхъ кафедръ, в) оставленіе профессорскихъ стипендіатовъ, г) удостоеніе премій, д) содѣяствіе наставникамъ въ ихъ ученыхъ занятіяхъ. а) Почетныхъ членовъ избрано 75, при чемъ ежегодно избирались отъ одного до 9 чел. Большинство ихъ—іерархи русской церкви и греческой (Анонимъ, патр. константинопольскій, Филофей Врсенвій, мятр. Никомидійскій), чиновники синодальнаго вѣдомства, ученые русскіе и греческіе (историкъ А. И. Шапоуло-Керамевъ); представителей свѣтской русской науки немного (А. Ф. Вычковъ, Ф. И. Буслевъ, Ф. И. Успенскій, В. О. Ключевскій). Обычаю избраніе проходило единогласно, почти всегда по предложенію ректора и чрезъ архіепископа восходило на утвержденіе Св. Синода. б) Вопросомъ о замѣщеніи свободныхъ кафедръ Совѣтъ казанской Академіи долженъ былъ заняться уже при введеніи новаго устава, учредившаго новыя кафедры и произведшаго въкоторыя перемѣны въ старыхъ. Часть профессоровъ при этомъ перешла на среднія кафедры, новая кафедра пастырскаго богословія и педагогика замѣщена была помощникомъ инспектора Академіи магистромъ богословія, четыре приватъ-доцента—кандидаты богословія (изъ шести) оставлены при штатныхъ кафедрахъ, при которыхъ они состояли, съ званіемъ исправляющихъ должность доцента и съ обязательствомъ въ теченіе двухъ лѣтъ получить степень магистра; на одну изъ штатныхъ кафедръ миссіонерскихъ (противо-мусульманскую) перешелъ старый профессоръ о. Е. А. Маловъ, кафедру котораго (библейская исторія и еврейскій языкъ) занялъ С. А. Терновскій за уничтоженіемъ одной изъ кафедръ общей церковной исторіи. Противобуддйская кафедра временно была поручена старому ея преподавателю Миротворцеву, и при этомъ предназначенъ къ постоянному замѣщенію ея профессорскій стипендіатъ М. С. Нефедьевъ. Въ дальнѣйшіе кафедры въ казанской Академіи замѣщались Совѣтомъ, съ утвержденія архіепископа, изъ бывшихъ или настоящихъ стипендіатовъ Академіи. Отступленій отъ этого обычая было немного. Такъ, въ 1885 г. на ка-

ведру гомилетики Совѣтъ избралъ бывшаго приватъ-доцента А. В. Говорова, въ 1886 г. на кафедру введенія въ кругъ богословскихъ предметовъ—преподавателя казанской Семинаріи, магистра петербургской Академіи А. Ѳ. Гусева, обратившаго своими литературными трудами вниманіе высшаго начальства, которое и рекомендовало его казанской Академіи, въ 1891 г. на кафедру пастырскаго богословія и педагогика магистра-свящ. А. В. Смирнова, по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій. О новѣйшей практикѣ казанской Академіи при замѣщеніи кафедръ говоритъ слѣдующая справка. Въ 1902 г. освободилась кафедра гомилетики. На нее было рекомендовано профессоромъ 7 человекъ (6—бывшіе стипендіаты) и кромѣ того было подано три прошенія магистрами. Избранъ стипендіатъ, оставленный при кафедрѣ церковной исторіи Ал. Ѳ. Преображенскій. Наконецъ, въ 1906 г., избранъ на кафедру монголо-вѣдѣнія только, что окончившій Академію іером. Гурій (Степановъ), не проходившій формальнаго искуса въ видѣ стипендіатства, но отправленный для приготовленія къ профессурѣ въ петербургскій Университетъ подъ видомъ ученой командировки. Нужно отмѣтить еще довольно обычное въ казанской Академіи съ 1894 г. явленіе, что выходящіе въ отставку старые профессора изъявляютъ желаніе продолжать чтеніе лекцій наряду съ своими преемниками, дѣля трудъ послѣднихъ и такимъ образомъ облегчая имъ написаніе магистерской степени, а съ другой стороны закрѣпляя въ Академіи старыя ученныя традиціи и направленія. Эти сверхштатные профессора работаютъ большею частію бесплатно, пользуясь только пенсією и правомъ голоса въ Совѣтѣ. в) Стипендіатство—это нововведеніе, связанное съ уставомъ 1884 г., который далъ Совѣтамъ право оставлять при Академіи на годичный срокъ для приготовленія къ профессурѣ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, окончившихъ курсъ съ отличными успѣхомъ, съ содержаніемъ въ размѣрѣ не свыше 700 р. въ годъ. Казанская Академія ежегодно оставляла двухъ стипендіатовъ или даже одного; только со времени ректора Антонія (Храповицкаго) число ихъ вдругъ сильно возросло. Въ 1897 г. изъ окончившихъ студентовъ 6 человекъ было рекомендовано профессорами къ оставленію

стипендіатами. Въ виду „исключительной талантливости курса“ рѣшено было Совѣтомъ шестерыхъ и оставить, при чемъ употребить на двухъ смѣтныхъ 1.400 р., одному дать 500 р., пожертвованныхъ архіеп. Ионаваномъ, а для трехъ просить изъ синодальныхъ средствъ 1.500 р., каковыя и были даны. Въ 1898 г. оставлено было 4 стипендіата, въ 1899 г.—семь. Въ послѣднемъ случаѣ между тремя раздѣлено 1.400 р., двумъ испрошено отъ Синода по 450 р. и двумъ предложено быть стипендіатами безъ жалованья. И впоследствии оставлялось болѣе двухъ стипендіатовъ, изъ которыхъ однимъ испрашивалось содержаніе отъ Синода, другіе содержались на мѣстныхъ средствахъ, третьи жили на своемъ содержаніи; одинъ таковой оставленъ и въ 1907 г. Замѣчательнъ 1906 г., когда не было оставлено ни одного стипендіата. Стипендіаты по уставу оставляются на годъ. Въ 1884 г. съ особаго разрѣшенія Синода былъ оставленъ на два года М. Нефедьевъ для приготовленія къ занятію кафедры калмыцкаго языка, общаго филологическаго обзора языковъ и нарѣчій монгольскаго отдѣла, этнографіи племенъ этого отдѣла и исторіи распространенія христіанства между ними. Въ учебное время онъ долженъ былъ заниматься въ петербургскомъ Университетѣ на факультетѣ восточныхъ языковъ, а въ лѣтніе мѣсяцы жить въ калмыцкихъ степяхъ. Другіе стипендіаты занимались по большей части въ Казани; немногіе только командировались въ столицу для ознакомленія съ тамошними архивами и библиотеками, для слушанія лекцій въ Академіяхъ и Университетахъ, а нарѣдка—въ Грецію (въ 1899 г. А. Ѳ. Преображенскій, въ 1900 г.—іером. Михаилъ Семеновъ). Въ послѣднемъ случаѣ Совѣтъ исходатайствовалъ у Синода по 300 р. сверхъ стипендіатскихъ. Въ 1902³/₄ г. свой стипендіатскій годъ провелъ согласно своему желанію въ Нарвѣ А. Вишняковъ, оставленный при кафедрѣ исторіи иностранныхъ литературъ, но Совѣтъ не дозволялъ ему провести тамъ лишніе мѣсяцы, въ которыхъ онъ нуждался для завершения занятій. Стипендіаты по истеченіи учебнаго года представляли въ Совѣтъ свои отчеты, изъ которыхъ нѣкоторые, —по засвидѣтельству профессора-специалиста объ ихъ ученыхъ достоинствахъ, —напечатаны въ

протоколахъ Совѣта Академіи. Нѣкоторые изъ стипендіатовъ въ качествѣ отчетовъ представляли готовыя магистерскія диссертации, забота о которыхъ въ Казани считается важнѣйшимъ дѣломъ стипендіата. Несмотря на это, иные изъ стипендіатовъ, сдѣлавшись и. д. доцента, оказывались не въ состояніи представить въ два года магистерское сочиненіе и одному изъ нихъ (Нефедьеву) пришлось оставить академическую службу. Въ 1887 г. по той же причинѣ оставилъ службу В. В. Зефировъ, и. д. доцента, бывшій приват-доцентъ. Другимъ выхлопотана двухлѣтняя отсрочка (Потѣхину въ 1891 г., Ястребову и Попову въ 1895 г.). Профессорскіе стипендіаты, не пошавшіе на академическую кафедру, опредѣляются Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ на преподавательскія мѣста въ Семинаріи по рекомендаціи Совѣта Академіи, преимущественно въ районѣ казанскаго дух. учебнаго округа. Уставъ 1884 г. пытался возстановить прежнюю связь Семинарій съ Академіями въ формѣ предназначенія преподавателей въ Семинаріи и училища академическими Совѣтами и посылая послѣдними ревизоровъ въ Семинаріи округа. Св. Синодъ указомъ 25—27 апр. 1884 г. къ казанскому дух.-учебному округу отвесъ Семинаріи: казанскую, вятскую, симбирскую, самарскую, астраханскую, пермскую, уфимскую, оренбургскую, тобольскую, томскую, иркутскую, благовѣщенскую и якутскую. Но въ дѣйствительности право предназначенія свелось только къ тому, что Совѣты Академіи сообщаютъ въ іюль въ Учебный Комитетъ фамиліи кончающихъ съ указаніемъ, какіе предметы они желали бы преподавать, а Комитетъ по своему усмотрѣнію раздаетъ вакантныя мѣста по всей Россіи кандидатамъ разныхъ Академіи, посылая иногда въ самую Казань окончившаго петербургскую Академію (К. В. Харламповича). Казанская Академія ни разу не воспользовалась правомъ посылки ревизоровъ въ Семинаріи своего округа. Можно сказать, что уставу 1884 г. не удалось совсѣмъ возстановить, — въ интересахъ направленія преподаванія и подготовленія способныхъ преподавателей, — старыя отношенія между нею и семинаріями округа. г.) Удостоеніе премій за лучшія сочиненія. При казан-

ской Академіи существуетъ нѣсколько капитуловъ, проценты съ которыхъ выдаются въ видѣ премій авторамъ лучшихъ сочиненій, какъ наставникамъ, такъ и студентамъ. Наставническихъ премій одна—Макаріевская. По духовному своему завѣщанію умершій въ 1882 г. почетный членъ казанской Академіи московскій митрополитъ Макарій (Вулгаковъ) пожертвовалъ въ казанскую Академію 20 тыс. руб. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ нихъ выдавалась премія профессорамъ и студентамъ. По составленнымъ въ 1883 г. правиламъ ежегодная сумма процентовъ (1.000 р.) дѣлилась на три части, изъ коихъ одна—600 р. назначалась за лучшее изъ сочиненій наставниковъ, другая—300 р.—за лучшее изъ студенческихъ сочиненій, и третья—100 р.—на вознагражденіе рецензентовъ. Въ дѣйствительности Макаріевскія преміи выдавались не каждый годъ, при чемъ наставническая премія иногда понижалась до 570 р., иногда дѣлилась между двумя профессорами, иногда наставники получали студенческую премію (какъ бывшіе студенты), которая подчасъ понижалась до 285 р., а вознагражденіе рецензенту до 35 р. Въ 1896 г. послѣ большого перерыва было выдано двумъ профессорамъ по полной преміи въ 570 р. и 8 по половинной или студенческой въ 285 р. Въ 1898 г. выдана одна профессорская премія въ 595 р. и четыре студенческія по 300 р., при чемъ первая подъ условіемъ, что авторъ сочиненія не представитъ его на преміи имени митр. Макарія при Синодѣ. Макаріевская студенческая премія выдается съ 1885 г. по рекомендаціи кого-нибудь изъ профессоровъ, но не каждый годъ, а въ иные годы двумъ студентамъ. Старше Макаріевской студенческой премія имени литовскаго митрополита Іосифа (Сѣмашко), высылаемая съ начала 70-хъ годовъ въ каждую Академію изъ Св. Синода, въ который, по завѣщанію Іосифа поступилъ капиталъ въ 9.888 р. Такъ какъ учреждено три премій на 4 академіи, то въ каждую Академію одна премія высылалась три года сряду, а въ четвертый не отпускалась. Но вначалѣ въ казанской Академіи она присуждалась довольно рѣдко и размѣръ ея доходилъ до 250 р. Съ 1875 же года она понижалась до 165 р., на какомъ и

сейчасъ стоимъ. Съ 1874 г. въ казанской Академіи установился порядокъ, по которому члены Совѣта прежде баллотировки рекомендуемыхъ профессорами студенческихъ работъ читаютъ какъ рецензіи специалистовъ, такъ и самыя сочиненія. Въ 1896 г. Несторъ (Метаніевъ), еп. дмитровский, въсѣ 2 т. р. на преміи за лучшее сочиненіе по русской церковной исторіи. Размѣръ преміи—76 р. Въ 1904 г. было выдано 114 р. Кромѣ постоянныхъ студенческихъ премій, въ казанской Академіи бывали и случайныя, единичныя. Въ 1885 г. выдано было Городкову 300 р. представленнаго архіеп. Палладіемъ (Раевымъ) въ 1882 г. въ память 100-лѣтія со дня рожденія митр. Филарета (Дроздова) за сочиненіе на тему: „Догматическое богословіе по сочиненіямъ Филарета, митрополита московскаго“. Въ 1887 г. выдано 300 р. за сочиненіе о десятословіи Моисея, каковая тема дана неизвѣстнымъ лицомъ, пожертвовавшимъ деньги. Въ 1894 г. еп. (потомъ архіеп.) Никаноръ (Каменскій) представилъ 100 р. на премію за исторію Спасскаго монастыря въ Казани. Въ 1898 г. Николай (Зіоровъ), еп. алеутскій, въсѣ 300 р. на выдачу премій за сочиненія на нѣсколько указанныхъ имъ темъ, но Совѣтъ Академіи вмѣсто того обратилъ деньги на содержаніе одного стипендіата.

д) Содѣйствіе совѣта ученымъ занятіямъ выставившихъ выражалось въ выпискѣ для нихъ изъ разныхъ архивовъ и др. учрежденій рукописей и въ исходатайствованіи имъ, заграничныхъ командировокъ, иногда съ добавочнымъ къ жалованью пособіемъ. Такъ, въ 1885 г. исходатайствована двухгодичная командировка на Востокъ (въ разные мѣста Сиріи, Египта и въ Джедду въ Аравіи) доц. М. А. Машанову съ прибавленіемъ 1200 р. въ годъ. Въ 1885 г. съ ученой цѣлью ѣздилъ въ Палестину проф. Н. Ѳ. Красносельцевъ, въ 1888 г. П. А. Юнгеровъ. Последній въ 1889 г. путешествовалъ въ Германію, при чемъ слушалъ лекціи по Свящ. Писанію профессоровъ берлинскаго и лейпцигскаго Университетовъ. Въ 1893 г. командированъ на годъ въ Палестину С. А. Черновскій. Въ 1897 г. дана годичная заграничная командировка за границу съ субсидіей въ 600 р. (вм. просимыхъ 800) В. А. Керенскому, а П. К.

Жузу на лѣто въ Египеть съ пособіемъ въ 150 р. В. А. Керенскій послѣ того ѣздилъ за границу въ лѣтніе мѣсяцы 1899-го, 1902-го и 1904 годовъ,—главнымъ образомъ,—для присутствования на старокатолическихъ конгрессахъ. Въ 1900 г. былъ командированъ въ Зап. Европу И. И. Ястребовъ для осмотра этнографическихъ музеевъ и католическихъ миссіонерскихъ учебныхъ заведеній. Въ 1901 г. дана командировка А. Н. Потѣхину въ Великобританію для ознакомленія съ научнымъ положеніемъ психологіи и вспомогательными учрежденіями, но отказано почему-то (Синодомъ) свящ. А. Н. Дружинину, собиравшемуся знакомиться въ Зап. Европѣ,—преимущественно въ Германіи, съ постановкою преподаванія педагогики и съ педагогическими семинаріями и литературой. Въ 1906 г. командированъ въ Константинополь на годъ доц. А. Ѳ. Преображенскій.

Многіе вопросы академической жизни прежде своего рѣшенія въ Совѣтѣ проходили чрезъ предварительное обсужденіе и подготовку комиссій, въ составъ которыхъ Совѣтъ наряду съ профессорами избиралъ и доцентовъ. Изъ такихъ комиссій—административнаго и ученаго характера—можно отмѣтить слѣдующія: для составленія учебныхъ плановъ по новому уставу (три комиссіи 1884 г.), для составленія новыхъ правилъ испытаній на ученныя степени и новыхъ формъ дипломовъ, для рассмотрѣнія программъ предметовъ семинарскаго курса, пересмотрѣнныхъ профессорами Академіи и снабженныхъ ихъ замѣчаніями (1884 г.), для отзыва о программѣ противомусульманскихъ предметовъ въ оренбургской Семинаріи (1887 г.), для обсужденія вопроса объ обязательности еврейскаго языка для всѣхъ студентовъ I курса, для выработки проекта устройства при Академіи археологическаго музея (1888 г.), для составленія соображеній о лучшей постановкѣ миссіонерскаго отдѣленія при казанской Академіи (1889 г.), для разработки вопроса объ академическомъ юбилеѣ (1890 г.), для выработки правилъ о чтеніи студентами книгъ (1891 г.), по пересмотру правилъ о преміяхъ имени митр. Макарія (1894 г.), по вопросу о желательныхъ измѣненіяхъ въ программѣ и методахъ преподаванія Свящ. Писанія въ Дух. Семинаріяхъ, о реформированіи двухгодичныхъ

миссіонерскихъ курсовъ (1896 г.), по разъясненію и выработкѣ правилъ для лицъ, вновь поступающихъ въ Академію, для составленія инструкціи переводчикамъ—въ виду намѣренія продолжать изданіе русскаго перевода твореній св. отцовъ, для составленія правилъ исчисленія балловъ по семестровымъ сочиненіямъ и порядка представленія сочиненій (1897 г.), по вопросу объ учрежденіи каедры тибетскаго языка на миссіонерскомъ отдѣленіи и на курсахъ, объ учрежденіи при русскомъ археологическомъ институтѣ въ Константинополѣ двухъ стипендій дух. вѣдомства (1901 г.), для разсмотрѣнія проекта Учебнаго Комитета о порядкѣ назначенія кончившихъ Академію, храненія ихъ документовъ и условій поступленія на свѣтскую службу (1903 г.). Въ ноябрѣ 1905 г. Совѣтомъ командированы были (по вызову оберъ-прокурора князя А. Д. Оболенскаго) въ Петербургъ проф. Н. И. Ивановскій, И. С. Бердниковъ и Л. И. Писаревъ для совѣстнаго (съ представителями другихъ Академій) обсужденія вопроса объ академическихъ реформахъ. Въ концѣ 1905 г., въ силу синодальнаго указа отъ 30 ноября, образованы были комиссіи для предварительной разработки вопросовъ, связанныхъ съ предстоящею реформой Дух. Академій: административная, воспитательная, учебная съ миссіонерскою подкомиссіей и экономическая. Довольно часто составлялись комиссіи для выработки положенія о стипендіи того или другого лица и каждый годъ для повѣрки академической библіотеки. Наконецъ, къ числу постоянныхъ, такъ сказать, комиссій Совѣта нужно отнести редакцію „Противомусульманскаго Сборника“, комиссію по изданію описанія рукописей Соловецкой библіотеки, находящихся въ библіотекѣ казанской Дух. Академіи, переводческую комиссію, по изданію святоотеческихъ твореній въ русскомъ переводѣ и цензурный комитетъ. Въ составъ первой много уже лѣтъ входятъ профессоръ противомусульманскаго отдѣленія—о. Маловъ и Машановъ. Съ 1884 по 1907 г. редакціей издано 7 выпусковъ (съ № 107-го по 23-й). Труды редактора съ 1892 г. вознаграждаются 7 р. съ листа. Вторая состоитъ въ настоящее время подъ предсѣдательствомъ проф. П. В. Знаменскаго. Основанная въ 1875 г. и издавшая въ 1881 г. I томъ описанія, въ настоящій

периодъ она напечатала II томъ (1885 г.) и отдѣлъ 1-й III-го тома (1898 г.). Работа остановилась на богослужебныхъ рукописяхъ за недостаткомъ спеціалстовъ для ихъ описанія. Цензурный комитетъ при казанской Академіи—одна изъ ея особенностей, не имѣющая мѣста ни въ одной изъ прочихъ Академій (цензурный комитетъ отъ столичныхъ Академій отдѣленъ въ 50-хъ годахъ, въ кievской уничтоженъ въ 1869 г.). Рассматриваетъ онъ главн. образомъ труды академическихъ профессоровъ и мелкія вещи—постороннихъ авторовъ, принадлежащихъ къ духовно-учебному вѣдомству казанскаго учебнаго округа. Въ 1902 г. синодальнымъ указомъ ему передана цензура органа казанскаго общества трезвости „Дѣятель“, прекратившагося въ 1906 г. Не широка его дѣятельность и по числу выпускаемыхъ номеровъ, часто не болѣе десяти (иногда три) въ годъ. Отношеніе Совѣта къ комитету выражается въ томъ, что онъ избираетъ изъ своей среды трехъ членовъ комитета, утверждаемыхъ Синодомъ, и пересылаетъ въ послѣдній отчетъ объ его дѣятельности. Въ теченіе многихъ лѣтъ въ составъ его входили профессоры П. В. Знаменскій, А. К. Волковъ, М. И. Богословскій. Переводческая комиссіа образована въ 1897 г. и состоитъ подъ предсѣдательствомъ проф. Л. И. Писарева.

Для полноты обзора дѣятельности Совѣта нужно отмѣтить труды и отдѣльныхъ профессоровъ, выполнявшихъ порученія или Совѣта или другихъ учреждений и лицъ, проходили они чрезъ Совѣтъ или нѣтъ, напр., отзывы о книгахъ на преміи по порученію Академій Наукъ. Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, оберъ-прокурора, казанскаго архіепископа, и по частнымъ просьбамъ заинтересованныхъ лицъ (Е. Н. Воронца на предметъ исхода тайствования пенсіи въ Постоянной комиссіи пособій нуждающимся ученымъ и публицистамъ изъ капитала императора Николая II при Импер. Академіи Наукъ—въ 1901 г.), составленіе проф. Машановымъ программы для изученія противомухаммеданской полемики для осетинскаго ардонскаго училища (1887 г.), составленіе проф. Миротворцевымъ соображеній объ учрежденіи миссіонерскихъ курсовъ (1889 г.) и т. п.

[Изъ особыхъ порученій, исполнявшихъ академическими профессорами, особенную

важность имѣть участіе въ 1906 г. въ занятіяхъ Высочайше учрежденнаго „Предсоборнаго присутствія“. Сюда были призваны заслуженные ординарные профессора И. С. Бердяковъ и Н. И. Ивановскій, орд. проф. В. И. Несмеѣловъ и экстраорд. проф. М. А. Машановъ, но третій былъ только на одной сессіи, а на вторую не явился. Наибольше потрудились первые два и особенно проф. Бердяковъ, который много работалъ по подготовкѣ къ данному присутствію возбужденіемъ вопросовъ, составленіемъ записокъ и докладовъ и пр. Потомъ въ 1907 г. проф. И. С. Бердяковъ былъ приглашенъ въ специальную комиссію при Св. Синодѣ для завершительнаго разсмотрѣнія и предрѣшенія дѣла о православномъ русскомъ приходѣ.]

Вторымъ административнымъ органомъ въ Академіи по уставу 1884 г. является Правленіе, состоящее изъ ректора, инспектора, трехъ членовъ—ординарныхъ профессоровъ, избираемыхъ Совѣтомъ на безсрочное время и утверждаемыхъ преосвященнымъ, а по дѣламъ хозяйственнымъ сверхъ того изъ эконома и почетнаго блюстителя по хозяйственной части. Впрочемъ, въ казанской Академіи послѣдній почти никогда не являлся въ засѣданіе, хотя нѣкоторые на этой должности оказали Академіи не мало матеріальной помощи. Такъ, А. М. Хохряковъ пожертвовалъ 1200 р. и къ юбилею Академіи ремонтировалъ иконостасъ академической церкви. Еще больше принесъ пользы теперешій попечитель (съ 1893 г.) П. В. Щетинкинъ. Въ члены Правленія при введеніи устава избраны были прежніе помощники ректора. Засѣданія Правленія происходятъ, по уставу, разъ въ недѣлю, а иногда до 73 разъ въ годъ. Главнымъ предметомъ занятій Правленія и теперь служатъ дѣла экономическія. По уставу 1884 г. ему же предоставилъ разсмотрѣніе вѣдомостей о поведеніи и проступкахъ студентовъ, разсмотрѣніе дѣлъ, касающихся учебныхъ занятій студентовъ, наблюденіе за порядкомъ и благочиніемъ въ зданіяхъ, составленіе правилъ и инструкцій для помощниковъ инспектора и для студентовъ. Составленная въ казанской Академіи въ 1884 г. правила относительно поведенія студентовъ, въ виду многочисленныхъ синодальныхъ указовъ 1887 г., были въ 1888 г. пересоста-

влены и въ новой редакціи дѣствуютъ до настоящаго времени. Въ 1888 г. Синодомъ переданы въ вѣдѣніе Правленія изъ Совѣта также дѣла объ увольненіи по прошеніямъ и исключеніи студентовъ Академіи. Правленскія дѣла, какъ и совѣтскія, по уставу дѣлятся на три категоріи: окончательно рѣшаемыя самимъ правленіемъ, представляемыя на утвержденіе преосвященнаго и представляемыя на утвержденіе Св. Синода. Уставъ 1884 г. нѣсколько расширилъ компетенцію епархіальныхъ преосвященныхъ за счетъ Синода, предоставивъ рѣшенію изъ дѣла о заключеніи контрактовъ на поставки и подряды до 10 тыс. руб., вмѣсто суммы 2 тыс. руб., до которой простиралось ранѣе полномочіе ихъ въ расходованіи академическихъ суммъ.

Ректоры. По уставу 1884 г. усилены власть и значеніе ректоровъ Духовныхъ Академій. Общее положеніе устава, что ректоръ есть „непосредственный, ближайшій начальникъ Академіи по всѣмъ частямъ ея управленія“ и что послѣднее вѣряется Совѣту и Правленію Академіи „при ближайшемъ наблюденіи и руководствѣ ректора“, проведено по всѣмъ сферамъ академической жизни. (Особымъ синодскимъ указомъ 1895 г. подтверждено, чтобы ректоры имѣли бдительный надзоръ за направленіемъ преподаванія). Съ цѣлью же наибольше полнаго осуществленія административной власти, ректоръ освобожденъ отъ штатной каѳедры съ предоставленіемъ ему права преподавать одинъ изъ богословскихъ предметовъ по своему избранію, при числѣ лекцій въ недѣлю не болѣе двухъ. Первый ректоръ при новомъ уставѣ прот. А. П. Владивирскій былъ вполне пригоденъ для созданнаго имъ положенія: по своимъ лѣтамъ, по давней службѣ въ Академіи и по нравственному авторитету у студентовъ и у профессоровъ, онъ могъ незамѣтно перейти отъ прежняго значенія Предсѣдателя Совѣта и Правленія къ новому положенію начальника Академіи. Съ этимъ легко мирился, особенно въ виду его мягкаго характера. Но та же мягкость въ концѣ его управленія Академіею дала возможность слишкомъ усилиться значенію инспектора Н. Я. Вѣляева,—человѣка высокаго ума и профессорскаго авторитета, но съ властнымъ и непреклоннымъ характеромъ,—

который, стремясь „подтянуть“ студентов и усилить дисциплину, энергично проводил свой начинаніи к мѣры. Прот. А. П. Владимірскій при введеніи новаго устава оставил за собой преподаваніе введенія въ кругъ богословскихъ наукъ, а съ 1886 г.—одного только отдѣла этой науки. Въ 1895 г. онъ уволенъ въ отставку, при чемъ назначенъ (фигктивнымъ) членомъ Учебнаго Комитета. Умеръ въ 1906 г. въ Казани.

Преемникъ его *Антоній (Храповицкій)*, магистръ петербургской Академіи, архимандритъ, а съ 9 авг. 1897 г., епископъ чебоксарскій (съ 1899 г. чистопольскій) и настоятель Спаскаго монастыря въ Казани (о немъ см. „Энци.“ I, 904-905; III, 778-780; VII, 727-728) управлялъ Академіею до іюля 1900 г., въ то же время читая лекціи по пастырскому богословію. Молодой, живой, увлекающійся, во все вмѣшивающійся и все преобразующій по-своему,—новый ректоръ весьма замѣтно растревожилъ академическую жизнь и повелъ ее форсированнымъ шагомъ. Никогда не бывало столько, сколько при немъ, коллоквиумовъ, никогда столько не производилось магистровъ и докторовъ, не избиралось почетныхъ членовъ и профессорскихъ стипендіатовъ и не выпускалось окончившихъ (70 въ 1900 г.). При немъ возросло до максимума число студентовъ (290 въ 1900 г.) Пользуясь его снисходительностію и ради его имени, въ казанскую Академію поплыли студенты самыхъ отдаленныхъ Семигарій, даже свѣтскіе юноши. Принимались въ Академію по вліянію ректора и не выдержавшіе испытаній—одни Совѣтомъ, другіе архіепископомъ, третьи съ разрѣшенія Св. Синода. Въ это время Синодъ усиленно посылалъ въ казанскую Академію и иностранцевъ, особенно славянъ, встрѣчавшихъ въ этомъ ректорѣ чрезвычайно радушный приемъ. Многого ректоръ Антоній добивался для Академіи благодаря своимъ отношеніямъ къ архіепископамъ казанскимъ и особымъ связямъ въ Петербургѣ. Рѣдкія изъ ходатайствъ, возбужденныхъ имъ, не уважались въ Синодѣ. Но нельзя не отмѣтить, что при всемъ томъ этотъ ректоръ мало считался даже съ тою долей самоуправленія, какую оставилъ за профессорскою корпораціею уставъ 1884 г. Съ желаніями послѣдней онъ не всегда справлялся или на-

взывалъ ей свою волю и свою идею силою начальническаго авторитета, особаго краснорѣчія и, чаще всего, быстротою въ исполненіи своихъ плановъ и намѣреній. Затѣмъ, при своей необъятной снисходительности и доброжелательству онъ принялъ въ Академію и выпустилъ изъ нея много лицъ, недостойныхъ званія кандидата богословія, равно какъ пизвалъ съ должной высоты званіе магистровъ, докторовъ и почетныхъ членовъ казанской Академіи, т. е. для чего-то принизилъ самую богословскую науку и подорвалъ ученый престижъ Академіи, ослабивъ въ ней самые ученые запросы. Наконецъ, наряду съ вышеимъ повышеніемъ религіозно-нравственнаго уровня студенчества и привлеченіемъ многихъ изъ него къ церковно-общественной дѣятельности, нельзя не поставить, какъ минуль, чрезмѣрное и искуственное усиленіе при немъ въ Академіи монашескаго элемента съ его оттѣнками карьеризма. Назначенный въ 1900 г. епископомъ уфимскимъ, ректоръ Антоній уступилъ управление казанскою Академіею ея бывшему пятому еп. Алексію Молчанову („Энци.“ VII, 727—728). Этотъ ректоръ и по характеру, менѣе властному, и по своимъ отношеніямъ къ старѣйшимъ членамъ корпораціи, какъ бывшимъ учителямъ, не могъ продвѣять той самостоятельности и того давленія на Совѣтъ и Правленіе, какое замѣтно было у его предшественника. Онъ старался быть „первымъ между равными“. Правленіе его было „тихо и мирно“. При своемъ педагогическомъ опытѣ онъ умѣлъ умиротворять и студентовъ и оказывать на нихъ благотворное вліяніе, не разъ засвидѣтельствованное самими студентами. Преосв. Алексій старался поддерживать добрыя начинанія своего предшественника, однако при немъ усилились въ Академіи распадъ и паденіе добрыхъ старыхъ традицій. 26 марта 1905 г. преосв. Алексій (Молчановъ) назначенъ епископомъ въ Симферополь. Въ Академіи онъ преподавалъ тоже пастырское богословіе. Нынешній ректоръ казанской Академіи— еп. Алексій Дородницынъ изъ магистровъ московской Академіи (съ 6 сент. 1905 г.; о немъ см. „Энци.“ VII, 728) читаетъ исторію и обличеніе раціоналистическихъ сектъ.

В) *Учебная часть.* 1) Составъ наукъ. Уставомъ 1884 г. уничтожены существовавшія съ 1870 г. отдѣленія бого-

словское, церковно-историческое и церковно-практическое, и всё почти богословскія науки, а также философскія, числомъ 17, сдѣланы обязательными для всѣхъ студентовъ. Эти науки суть слѣдующія: введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ, Свящ. Писаніе, библейская исторія, догматическое богословіе, нравственное богословіе, гомилетика съ исторіей проповѣдничества, пастырское богословіе, педагогика, церковное право, исторія церкви—вселенской до раздѣленія церквей, православно-восточной и русской, патристика, церковная археологія, литургика, логика, психологія, метафизика и исторія философіи. Затѣмъ обязательнымъ для каждаго студента является изученіе одного изъ древнихъ и одного изъ новыхъ языковъ.

Остальныя науки академическаго курса раздѣлены на двѣ группы. Къ первой (словесной) отнесены: теорія словесности и исторія иностранныхъ литературъ, русскій и церковно-славянскій языкъ (съ палеографіей) и исторія русской литературы, еврейскій языкъ и библейская археологія. Ко второй (исторической) отнесены: исторія и разборъ западныхъ исповѣданій (по синодальному указу 4 янв. 1897 г. превращена въ общеобязательную науку), исторія и обличеніе русскаго раскола, гражданская исторія общая и русская гражданская исторія.

Кромѣ означенныхъ группъ для казанской Академіи уставъ 1884 г. ввелъ еще одну—миссіонерскую, распадающуюся на два отдѣла: татарскій и монгольскій. Къ первому отнесены: исторія и обличеніе магометанства, этнографія татаръ, киргизовъ, башкиръ, чувашъ, черемисъ, вотяковъ и мордвы, исторія распространенія христіанства между означенными инопородческими племенами, арабскій и татарскій языки съ общимъ филологическимъ обзоромъ языковъ и нарѣчій означенныхъ племенъ. Монгольскій отдѣлъ составляютъ: исторія и обличеніе ламайства, этнографія монголовъ, бурятъ, калмыковъ, остяковъ, самоѣдовъ, якутовъ, чукчей, тунгусовъ, маньчжуръ, корейцевъ, гольдовъ, гиляковъ, коряковъ и др., исторія распространенія христіанства между означенными племенами, монгольскій языкъ съ его нарѣчьями—бурятскимъ и калмыцкимъ—и общій филологическій обзоръ

языковъ и нарѣчій другихъ вышепоименованныхъ племенъ. Студенты казанской Академіи, избравшіе одинъ изъ этихъ отдѣловъ, освобождены отъ изученія наукъ первыхъ двухъ группъ, кромѣ одного древняго и одного новаго языка. Они же освобождены по особому ходатайству Совѣта отъ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій, сдѣланныхъ съ начала 1897—8 уч. г. обязательными.

2) Судьба кафедръ. Въ первое время по введеніи новаго устава кафедру введенія въ кругъ богословскихъ наукъ (наука, замѣнявшая прежде основное богословіе), занималъ ректоръ Академіи прот. А. П. Владимірскій. Но съ начала 1886—7 уч. года онъ отказался отъ нея, пользуясь предоставленнымъ ректорамъ правомъ не занимать штатной кафедры, и оставилъ за собою одинъ отдѣлъ науки—божественность христіанской религіи. Съ 1887 г. его замѣстителемъ сталъ А. Ѳ. Гусевъ, плодовитый писатель-богословъ, посвятившій свои силы въ послѣдніе годы борьбѣ съ ученіемъ гр. Толстого и выясненію вопросовъ о старокатоличествѣ. Въ 1902 г. онъ вышелъ въ отставку и въ 1904 г. умеръ (см. „Энци.“ IV, 848—854). Въ настоящее время кафедрѣ занимаетъ доцентъ К. Г. Григорьевъ.

Кафедры Свящ. Писанія Ветх. и Новаго Заветовъ и церковнаго права занимаютъ прежніе профессора П. А. Юнгеровъ, М. И. Богословскій и И. С. Бердяковъ.

Кафедра библейской исторіи, послѣ выхода въ отставку Я. А. Богородскаго (1899 г.), перешла къ доценту (нынѣ экстраорд. проф.) В. И. Протопопову; впрочемъ, первый продолжаетъ чтеніе лекцій (безплатно). Догматическое богословіе читалъ до 1898 г. Е. А. Будринъ, съ этого года П. П. Пономаревъ, съ которымъ однако первый продолжалъ дѣлать трудъ преподаванія до 1904 г., когда лѣтомъ прекратилъ чтеніе лекцій по особымъ причинамъ моральнаго свойства.

Нравственное богословіе до 1899 г. читалось прежнимъ профессоромъ А. И. Гренковымъ, теперь—доц. В. А. Никольскимъ. Гомилетика и исторія проповѣдничества сначала читались архим. Антоніемъ (Вадковскимъ), съ 1885 г. по 1902 г. А. В. Говоровымъ (см. „Энци.“ IV, 444—446), когда послѣдній принужденъ былъ

корпорацией выйти въ отставку—А. Ө. Преображенскимъ. Кафедру пастырскаго богословія и педагогика, вновь образовавшуюся (по уставу 1869 г. первое соединено было съ кафедрой гомиетики, вторая—съ прав. богословіемъ) занялъ А. В. Поповъ, въ 1891 г. перешедшій на кафедру словесности и успившій мѣсто А. В. Смирнову. За назначеніемъ послѣдняго въ 1896 г. въ профессора богословія въ казанскій Университетъ, на его мѣсто избранъ свѣц. А. И. Дружининъ, читавшій, впрочемъ, при ректорахъ Антоніи и Алексіи Молчановѣ только педагогика и дидактику; пастырское богословіе преподавали названныя лица. Занимавшій прежде кафедру общей церковной исторіи новой, Ө. А. Кургановъ перешелъ на кафедру исторіи церкви вселенской до раздѣленія церкви и православной восточной. Русскую церковную исторію до 1897 г. (послѣдній годъ безплатно) читалъ П. В. Зваменскій, потомъ И. М. Покровскій, избранный еще въ 1896 г. на его мѣсто. На кафедрѣ патристики Д. В. Гусева замѣнилъ Л. И. Писаревъ. За назначеніемъ Н. Ө. Красносельцева профессоромъ новороссійскаго Университета, на кафедру церк. археологій и литургики былъ избранъ въ 1889 г. В. А. Нарбековъ. Въ этомъ же году, за смертью В. А. Снегирева, на кафедру логики и психологій избранъ А. Н. Потѣхлявъ. Исторію философіи до 1900 г. читалъ А. К. Волковъ (см. „Энци.“ III, 702—704), котораго смѣнилъ доц. Н. В. Петровъ; впрочемъ А. К. Волковъ продолжалъ чтеніе лекцій до своей смерти (1902 г.). Кафедру метафизики въ 1884—1886 г. занималъ В. В. Плотниковъ († епископъ Борисъ), съ 1888 г. и доселѣ—В. И. Несмѣловъ. Греческій языкъ и его словесность преподавалъ до 1896 г. старый профессоръ А. А. Некрасовъ, на мѣсто котораго избранъ Н. П. Родниковъ; однако до 1905 г. первый руководилъ студентами въ филологическомъ разборѣ и переводахъ грудныхъ мѣстъ въ Евангеліи отъ Матѳея, а второй—читалъ исторію греческой словесности и разбиралъ образцы ея. Кафедру латинскаго языка съ его словесностью занимаетъ бывшій привать-доцентъ Н. П. Виноградовъ, съ 1894 г. экстраординарный профессоръ, инспекторъ Академіи. Новые языки преподаютъ валичные наставники Академіи,

замѣнившіе прежнихъ лекторовъ со стороны. На первой группѣ кафедру теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ до 1890 г. занималъ И. М. Порфирьевъ, читавшій, впрочемъ, вмѣсто послѣдней исторію русской литературы. Въ 1891 г. его замѣнилъ А. В. Поповъ. Доцентъ А. А. Царевскій, читавшій до 1884 г. русскій языкъ и славянскія нарѣчія, въ этомъ году перешелъ на кафедру русскаго и церковно-славянскаго языка съ палеографіей и исторіей русской литературы, но вмѣсто послѣдней до конца 1891 г. онъ читалъ исторію иностранныхъ литературъ. Кафедру еврейскаго языка и библейской археологій занялъ С. А. Терновскій. За его выходомъ въ отставку въ 1904 г. она замѣщена К. Я. Полянскимъ, но и Терновскій продолжаетъ читать лекціи (безплатно).

По второй группѣ кафедру исторіи и разбора западныхъ исповѣданій (замѣнившую прежнюю кафедру сравнительнаго богословія) занималъ до 1894 г. Н. Я. Бѣляевъ, бывшій и инспекторомъ Академіи (см. „Энци.“ II, 1277—1279). Преемникомъ его сталъ В. А. Керенскій. Исторію и обличеніе русскаго раскола читаетъ Н. И. Ивановскій. Общую гражданскую исторію древнюю до 1890 г. читалъ бывшій пр.-доцентъ Д. Н. Вѣликовъ, съ 1892 г.—И. П. Реверсовъ, уволенный изъ Академіи по иниціативѣ архіеп. Арсенія (Врянцева) въ виду неблагопріятнаго его поведенія (въ 1903 г. Синодъ далъ Реверсову право быть принятымъ въ казанскую Академію на службу, въ случаѣ избранія его Совѣтомъ). Замѣстителемъ его является Н. П. Писаревъ, принявшій свидѣтельство. Новую общую исторію читалъ до 1887 г. прежній пр.-доцентъ В. В. Зефировъ, съ 1890 г.—С. А. Предтеченскій. Русскую гражданскую исторію до 1891 г.—В. В. Миротворцевъ, послѣ него—Ө. В. Благовидовъ (см. „Энци.“ II, 615—617).

Въ третьей группѣ на татарскомъ отдѣлѣ бывшій привать-доцентъ М. А. Машановъ продолжалъ преподавать арабскій языкъ и обличеніе мухамеданства. Татарскій языкъ, этнографію татарскихъ племенъ и исторію распространенія среди нихъ христіанства взялъ на себя Е. А. Маловъ, бывшій однимъ изъ фактическихъ устроителей стараго противомусульманскаго отдѣленія. Въ настоящее время онъ является живою исторіей послѣд-

ного, почти за весь періодъ его существованія, его основною силою и самымъ ко-реннымъ устоемъ.

Практикантами татарскаго языка состояли завѣдующіе крещено-татарской школой священники В. Т. Тимошеевъ (до 1895 г.) и Т. Е. Егоровъ (доселѣ). Для арабскаго языка съ 1891 г. учреждено сверхштатное практикантство, которое съ этого времени и до 1900 г. занималъ мусульманинъ Сахибъ Ахмеровъ, въ 1891 г. крестившійся. Къ этой же кафедрѣ временно прикомандированъ въ 1893 г. архим. Рафаиль, арабъ (нынѣ епископъ бруклинской, близъ Нью-Йорка), оставившій, впрочемъ, занятія въ 1895 г. Съ 1895 г. практикантомъ арабскаго языка (съ 1900 г. единственнымъ) состоитъ арабъ, магистръ казанской Академіи П. К. Жузе, занимающійся, однако, не разговорнымъ только языкомъ, а и литературнымъ.

На монгольскомъ отдѣлѣ кафедру исторіи и обличенія ламайства и монгольскаго языка съ бурятскимъ нарѣчіемъ до 1891 г. временно замѣщала проф. В. В. Миротворцевъ. Но кафедру калмыцкаго нарѣчія, общаго филологическаго обзора языковъ и нарѣчій монгольскаго отдѣла, этнографіи племенъ этого отдѣла и исторіи распространенія христіанства между ними въ 1886 г. былъ допущенъ и. д. доцента М. С. Нефедьевъ, который за невыполненіемъ требованія академическаго устава о пріобрѣтеніи магистерской степени въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 1888 по 1891 г. преподавалъ только съ особаго разрѣшенія Св. Синода, а потомъ — по найму. Въ 1893 г. его замѣнилъ И. И. Астробовъ, въ монашествѣ архим. Иннокентій. За возведеніемъ его въ 1906 г. въ санъ епископа, викарія кіевской епархіи, на кафедру избранъ іером. Гурій (Степановъ). Практикантомъ калмыцкаго языка съ 1886 г. состоялъ калмыкъ Дикъ (въ крещеніи Михаилъ) Вадмаевъ — до 1895 г. Послѣ него состоялъ до 1904 г. Лиджи Нормевъ, а съ этого года свящ. М. С. Нефедьевъ.

Въ настоящій періодъ жизни Академіи миссіонерское отдѣленіе осуществляетъ пѣли и научныя, и практическія. Последнимъ преподаватели его служатъ особенно съ 1889 г., работая на двухгодичныхъ миссіонерскихъ курсахъ, подготавливая на нихъ дѣятелей миссіи. Объ этихъ курсахъ

см. „Энци.“ VII, 690—692. Изъ сказанному тамъ объ отношеніи Академіи къ курсамъ и о характерѣ миссіонерской дѣятельности казанской Академіи нужно прибавить еще слѣдующее. По синодальному указу 17 мая 1889 г. на миссіонерскихъ курсахъ читаются лекціи не только постояннымъ слушателямъ, но и случайнымъ — проѣзжающимъ чрезъ Казань миссіонерамъ, которымъ разрѣшено оставаться здѣсь для того болѣе или менѣе продолжительное время, и священникамъ инородческихъ приходовъ казанской епархіи. Затѣмъ: когда по поводу закрытія въ 1893 г. Миссіонерскаго приюта обер-прокуроръ предложилъ казанской Академіи организовать при миссіонерскихъ курсахъ собесѣдованія съ магометанами, — Совѣтъ отклонилъ предложеніе, какъ противное всему характеру миссіонерскихъ дѣйствій Академіи противъ ислама. Нельзя не отмѣтить однако, что отношенія Академіи къ курсамъ и вся постановка преподаванія на послѣднихъ въ 1906 г. вызвали недовольство вышшняго архіепископа казанскаго Дмитрія, который проскитировалъ перевести курсы въ Свияжскъ, но встрѣтилъ оппозицію въ VI отдѣлѣ предсоборнаго присутствія [собственно со стороны проф. М. А. Машанова, записка котораго и напечатана въ „Журналахъ и протоколахъ предсоборнаго присутствія“: см. т. II, Сиб. 1906, стр. 264—274. 274—282.]

В) *Экономическое положеніе* казанской Академіи по штатамъ 1884 г. скорѣе проиграло, чѣмъ выиграло, хотя штатная сумма съ 97.300 р. была увеличена до 125.300 р. Особенно это нужно сказать по поводу окладовъ на учебныя пособия, хозяйственные и другіе расходы.

На содержаніе дома и прислуги по штатамъ назначено 10 тыс. руб., тогда какъ по ходатайствамъ казанской Академіи оно доведено было къ 1884 г. до 12 тыс. руб. На печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертаций ассигновано 2 т. р. (вм. прежнихъ 3-хъ). Содержаніе больницы оставлено то же, что и по штатамъ 1869 г., — 900 р., хотя въ казанской Академіи съ 1883 г. эта сумма была увеличена до 1.200 р. Увеличено было ассигнованіе на бібліотеку и періодическія изданія до—2.500 р. (вм. 1600 р.) и ассигновано 1.400 р. на профессорскихъ стипендіатовъ. Остальныя статьи остались въ прежнемъ размѣрѣ: 850 р. на

канцелярскіе расходы и на нисцовъ, 100 р. на содержаніе церкви и 350 р. на мелочныя и экстраординарныя расходы. Неудивительно потому, что въ теченіе 23 лѣтъ, протекшихъ со времени введенія штатовъ 1884 г., размѣръ этихъ ассигнованій не разъ оказывался недостаточнымъ и требовалъ увеличенія. Такъ съ 1890 г. увеличено на 2000 р. содержаніе дома и съ 1906 г. на 1.000 р. содержаніе служителей, съ 1906 г. увеличено на 200 р. содержаніе канцеляріи, съ 1896 г. на 300 р. содержаніе бібліотеки (въ виду существованія миссіонерскаго отдѣленія). Ходатайство въ 1903 г. объ увеличеніи послѣдней цифры еще на 500 р. вызвало отказъ со стороны Синода со внушеніемъ Совѣту. Отказано и по возбужденію въ 1902 г. ходатайству объ увеличеніи протокольной суммы. Но за-то съ 1900 г. отпущено 500 р. на наемъ младшаго помощника библіотекаря. Кромѣ того казанской Академіи не разъ приходилось выхлопотывать себѣ, въ дополненіе къ штатнымъ суммамъ, единовременное ассигнованіе на покрытіе перерасходовъ и дефицитовъ и на другія нужды. Въ 1897 г. на покрытіе дефицита по бібліотекѣ отпущено 1.200 р. и въ 1902 г. 1.000 р. на изданіе печатнаго каталога бібліотеки, въ 1904 г. — 2.800 р. на погашеніе бібліотечнаго долга. Въ 1904 г. ассигновано 4.446 р. на устройство электрическаго освѣщенія и разрѣшенъ ежегодный дополнительный кредитъ на эксклюзатицію самаго освѣщенія въ суммѣ 2.064 р. Не разъ Синодъ отпускалъ добавочныя средства на содержаніе и стипендіатовъ. Штатной суммы на содержаніе больницъ стало хватать благодаря тому, что при послѣдней съ 1887 г. заведена была собственная аптека, значительно понизившая стоимость лекарствъ. Что касается ремонта академическихъ зданій, то по прежнему на крупныя передѣлки и новыя зданія приходилось испрашивать особые кредиты. Въ 1886 г. Синодомъ ассигновано 125.495 р. на распространеніе академическаго корпуса, въ 1901 г. на ремонтъ зданія 7.060 р., въ 1902 г. — 1.000 р., въ 1904 г. 36.111 р. на постройку больницы и 18.279 р. на приспособленіе существующаго помѣщенія больницы подъ фундаментальную бібліотеку. Изъ другихъ синодальныхъ ассигнованій въ

это время нужно отмѣтить отпущеніе въ 1886 г. тысячи рублей на изданіе „Описанія Соловецкой бібліотеки“ и 2 т. р. на изданіе „Миссіонерскаго Сборника“, въ 1891 г. 2 т. р. на празднованіе 50-лѣтняго юбилея Академіи, въ 1902 г. 2 т. р. на продолженіе русскаго перевода св. отцовъ, въ 1903 г. 600 р. на изданіе II части „Зеркала очевиднаго“ Посошкова. На содержаніе каждаго изъ казенныхъ студентовъ назначена та сумма, до которой оно дошло въ 1878 г., — 190 р. Съ 1 янв. 1897 г. этотъ окладъ увеличенъ до 200 р. въ виду введенія въ казанской Академіи, по примѣру другихъ, форменной одежды (съ тою особенностію, что желающіе—и такіе нашлись—могли, по примѣру слушателей миссіонерскихъ курсовъ, носить подрясникъ темно-синяго сукна съ бархатнымъ синимъ поясомъ, а при выходѣ на улицу—сибирку безъ талии и шляпу). Въ 1896 г. на устройство форменной одежды Синодъ ассигновалъ 1.050 р. Въ 1905 г. штатный окладъ увеличенъ до 210 р. Что касается числа казенныхъ стипендій, то оно въ началѣ періода равнялось 160, съ 1887 г. стала сокращаться до 100. Въ 1898 г. рѣшено Синодомъ число казенныхъ стипендій увеличить со 100 до 120. Кромѣ штатныхъ казенныхъ стипендій были и синодальныя, преимущественно для иностранцевъ и для инородцевъ казанскаго края. Въ 1899 ихъ было 31. Служащему персоналу назначено содержаніе въ слѣдующемъ размѣрѣ: ректору 4.200 р., 10 ординарнымъ профессорамъ (двѣ линіи противъ прочихъ Академіи ординатуры падаютъ на миссіонерскую группу) по 3 т. р., 10 экстраординарнымъ (одному лишнему—тоже миссіонеру) по 2 т. р., 10 доцентамъ (одному лишнему) по 1.200 р., 3 лекторамъ новыхъ языковъ и 2 практикантамъ восточныхъ языковъ по 600 р., двумъ помощникамъ инспектора, бібліотекарю и эконому по 800 р., секретарю 1000 р., помощникамъ бібліотекаря и секретаря и врачу по 500 р. (Съ 1901 г. возвышенъ окладъ бібліотекаря Ѳ. И. Троицкаго на 400 р. и старшаго его помощника на 120 р.). Кромѣ того добавочнаго жалованья инспектору положено 1000 р., тремъ членамъ Правленія по 300 р. Еще болѣе улучшено было матеріальное положеніе

служащихъ, когда въ 1894 г. возвышенъ былъ окладъ пенсій преподавателей Дух. Академіи какъ за 25-ти, такъ и за 30-лѣтнюю службу въ соответствии съ университетскими преподавателями. Не разъ Св. Синодъ оказывалъ профессорамъ казанской Академіи пособія, связанныя съ ихъ научными занятіями, — съ командировками за границу, на археологическіе съезды, съ поѣздкою въ столицы для архивныхъ изысканій при написаніи докторской диссертациі (А. В. Попову 250 р. въ 1901 г.), съ напечатаніемъ докторскаго сочиненія (В. А. Нарбекову 600 р. 1899 г.), и переводилъ нѣкоторыхъ на высшій окладъ, создавъ званіе сверхштатнаго заслуженнаго профессора, носитель котораго получалъ пенсію въ 3 т. р. и сверхъ того 1.200 р. (такихъ, впрочемъ, было только два). Наконецъ, многіе наставники восполняли свой бюджетъ литературнымъ трудомъ, сотрудничая гл. обр. въ „Прав. Собесѣдникѣ“, и педагогическимъ трудомъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Казани (въ Университетѣ, Дух. Семинаріи, Миссіонерскихъ курсахъ, въ окружномъ дух. училищѣ, въ юнкерскомъ училищѣ, гимназіяхъ, художественной школѣ, въ Родионовскомъ женскомъ и въ учительскомъ институтѣ), даже агентурой въ страховомъ обществѣ и другими занятіями. Изъ характеристикъ матеріальнаго положенія казанскихъ академическихъ наставниковъ служить и то, что почти всѣ они обзавелись своими домиками, что свидѣтельствуетъ еще не столько объ ихъ состоятельности (иные строились въ долгъ), сколько о желаніи спастись отъ все возрастающихъ цѣвъ на квартиры.

Г) *Студенты и ихъ жизнь. 1) Приемъ.* Число вызываемыхъ каждый годъ казенныхъ семинаристовъ доходило въ началѣ періода до 24, потомъ оно спустилось до 17, на какой цифрѣ и сейчасъ держится.

Академическіе курсы при небольшомъ числѣ казенныхъ степеній въ послѣдній періодъ пополнялись главнымъ образомъ не вызванными семинаристами, а пріѣзжавшими на свой счетъ и рискъ. Но въ первые годы по введеніи новаго устава не было велико и число волонтеровъ, которые могли бы быть приняты въ Академію, въ виду тѣсноты ея помѣщеній и невозможности для нихъ жить на частныхъ квартирахъ. Уставъ

позволялъ жить въ Академіи только у родителей (въ 1897 г. это ограниченіе подтверждено синодальнымъ указомъ), да съ разрѣшенія Синода допускалось жить въ Иоанновскомъ монастырѣ, въ Миссіонерскомъ пріютѣ (въ Спасскомъ монастырѣ). Всѣ эти стѣсненія были къ тому, что и съ расширеніемъ въ 1889 г. академическихъ зданій являлось небольшое сравнительно число волонтеровъ, человекъ 20—30, и общее число принятыхъ въ 1890—1902 гг. было только 40. Съ средины 90-хъ годовъ число волонтеровъ стало расти: съ 48 въ 1893 г. оно къ 1899 г. дошло до 70. Объясняется это какъ притягательностію ректора Антонія (Храповицкаго), такъ и частными разрѣшеніями Синода принимать священниковъ съ позволеніемъ жить на своихъ квартирахъ (въ 1897 г. было разрѣшено принять одного казанскаго діакона подъ условіемъ рукоположенія въ священники), а также направленіемъ Синодомъ въ казанскую Академію многихъ „братушекъ“ и другихъ иностранцевъ, которымъ синодальный указъ или частное письмо товарища оберъ-прокурора В. К. Саблера къ ректору Антонію обезпечивали легкій приемъ въ Академію. Въ иные годы число иностранцевъ доходило до 16. Кромѣ славянъ принимались японцы, сирійцы, арабы. Наряду съ иностранцами Синодъ протѣживалъ миссіонерамъ. Въ 1897 г. зачисленъ имъ въ студенты камчатскій протвосохтанскій миссіонеръ свѣц. Дьяконовъ (безъ экзаменовъ) и разрѣшенъ приемъ (по экзамену) еще двухъ священниковъ, готовящихся къ миссіонерству, въ 1900 г. приняты безъ экзамена іером. Меодій. Въ 1904 г. архіепископомъ принятъ въ надежду миссіонерства одинъ кавказецъ, хотя и не удовлетворительно державшій экзаменъ. Кромѣ духовныхъ лицъ и иностранцевъ, въ казанскую Академію въ ректорство Антонія (Храповицкаго) нахлынула воспитанники свѣтскихъ учебныхъ заведеній, которые издавна пользовались льготами при приемѣ въ Духовную Академію, — гимназисты, реалисты, воспитанники военныхъ училищъ и студенты и даже кандидаты Университетовъ. Послѣдніе поступали безъ экзамена. Мало того, одному дана была Синодомъ возможность пройти академическій курсъ въ два года (1901 г.). Такая же льгота была

сдѣлана гвардейскому офицеру, который имѣлъ дипломъ ярославскаго Демидовскаго Лицея и военно-юридической Академіи (1901 г.). Правда, послѣ того Синодъ высказался противъ такихъ льготъ. Что касается гимназистовъ и воспитанниковъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, то Синодъ съ 1901 г. поставилъ условіемъ допущенія ихъ къ приемнымъ испытаніямъ въ Академіяхъ предварительный экзаменъ ихъ въ Семинаріяхъ по всемъ богословскимъ предметамъ семинарскаго курса и сравнилъ ихъ съ семинаристами въ самыхъ приемныхъ экзаменахъ. Послѣ этого въ казанской Академіи число свѣтскихъ иереевъ духовной науки сильно сократилось. Этому же содѣйствовало установленіе Совѣтомъ въ 1902 г. конкурсной нормы въ 40 ч. съ тѣмъ расчетомъ, чтобы число всехъ студентовъ перваго курса съ принятыми сверхъ нормы (иностранцы и имѣющіе право на жительство въ частныхъ квартирахъ) не превышало 50. Въ этомъ году прибыло къ поступленію 40 ч., въ слѣдующемъ только 37, такъ что пришлось оказывать большую снисходительность... Въ 1906 г. были зачислены въ студенты экзаменовавшіеся (51 ч.) и два выдержавшіе испытаніе въ 1905 г. Въ числѣ принятыхъ— 10 священниковъ и 1 діаконъ, каковой наплывъ духовныхъ вызванъ разрѣшеніемъ Синода 1906 г. принимать въ Академію женатыхъ духовныхъ, съ предоставленіемъ имъ даже казенныхъ стипендій. Въ 1907 г. принято опять 10 духовныхъ,—¹⁴ всѣхъ поступившихъ.

Въ числѣ условій поступленія въ казанскую Академію были: выдержаніе экзамена, удовлетвореніе нѣкоторыхъ формальныхъ требованій, физическое здоровье. Съ 1884 по 1895 г. для приемныхъ устныхъ испытаній назначались слѣдующіе предметы: догматическое богословіе, общая церк. исторія, русская гражданская исторія, одинъ изъ древнихъ языковъ (съ 1884 г. оба) и одинъ изъ новыхъ, для письменныхъ одинъ изъ богословскихъ предметовъ (Свещ. Писаніе, богословіе догматическое, нравственное, основное) и одинъ изъ философскихъ или исторія литературы. Въ 1896 г. вмѣсто русской гражданской исторія поставлено нравственное богословіе, а съ 1897 г.— русская церковная исторія. Въ 1901 г.

Академія объявила по семинаріямъ казанскаго округа, что баллъ по новому языку будетъ имѣть значеніе какъ при составленіи списка принятыхъ, такъ и при распределеніи стипендій. Съ 1902 г. по синодальному указу 19 дек. 1901 г. установлены одинаковые экзамены во всехъ Академіяхъ и при томъ постоянные: устные по Свещ. Писанію—отдѣльно Ветхаго и отдѣльно Новаго Завета, по догматическому богословію, церковной исторіи—общей и русской, одному древнему языку; письменные по нравственному богословію, философіи и поученію. По указомъ 1904 г. изъ этого списка была вычеркнута рус. церк. исторія, велѣно понизить строгость требованій и сочиненія читать каждое двумъ рецензентамъ. Въ 1907 г. послѣдовало подтвержденіе этихъ указовъ. Чтобы быть принятымъ, требовалось выдержать экзамены удовлетворительно. Но являлись аспиранты или совершенно невѣжественные, или случайно получавшіе двойки. При одной двойкѣ, при томъ некрываемой съ избыткомъ баллами по другимъ предметамъ, и при вѣличности вакансіи можно было быть принятымъ. Но добивались часто приема и совсемъ плохо отвѣчавшіе и надѣявшіеся на снисхожденіе Совѣта или архіерея. Въ виду этого въ 1897 г. была образована коммиссія по разъясненію и выработкѣ правилъ для лицъ, вновь поступающихъ въ Академію. Постановлено было и Совѣтомъ одобрено: не принимать имѣющихъ единицу или двѣ двойки (кромѣ особаго усмотрѣнія Совѣта); письменная двойка должна быть заглажена одною или даже двумя четверками по сочиненіямъ или четверкой по однородному устному предмету или общей четверкой. Тоже и устная двойка. При выводѣ балловъ брать средней баллъ по всемъ предметамъ семинарскаго курса, складать съ удвоеннымъ среднимъ балломъ по устнымъ отвѣтамъ и сумму дѣлить на 5. Казенныя стипендіи предоставлять только тѣмъ присланнымъ казеннымъ, которые имѣютъ при одной двойкѣ общую четверку по всемъ прочимъ предметамъ, затѣмъ волонтерамъ, не имѣющимъ ни одной двойки и особенно выдающимся. Экзамены производить тщательно. При всемъ томъ продолжали оказывать снисхожденіе не удовлетворившимъ этимъ требованіямъ и Совѣтъ, и мѣстные преосвя-

щенныя, а иногда и Синодъ. Экзамены приемы производились въ августѣ, но для иныхъ дѣлалась исключенія и въ Академію принимались иногда державшіе испытанія въ сентябрѣ и даже въ ноябрѣ (1897 г.). Вторымъ условіемъ для приѣма было представленіе всѣхъ необходимыхъ документовъ и—съ 1901 г.—фотографическихъ карточекъ, которыя понадобились библіотекарю. Было нѣсколько случаевъ отказа псаломщикамъ изъ семинаристовъ, не прослужившимъ пяти лѣтъ и не представившимъ разрѣшенія на поступленіе въ Академію (по Уставу о воин. повин., изд. въ 1897 г.); впрочемъ иные, получивъ таковое, принимались. Условно же, до полученія разрѣшенія отъ Синода, принимались не вдовы священники и діаконы, если они ранѣе не запаслись имъ, и лица состоявшія на службѣ,—до увольненія съ нея. Имѣло, наконецъ, значеніе удостовѣреніе врача. Какъ составлялись курсы въ казанской Академіи и на какихъ условіяхъ принимались студенты,—видно, напр., изъ протоколовъ 1897 г. и 1898 г. Въ первомъ изъ этихъ годовъ приняты: 25 на казенное содержаніе, 34 на свое въ общежитіи, 2—на частной квартирѣ (священники) и, кромѣ того, 6 болгаръ на синодальномъ стипендіи. Отказано: пяти за недостаткомъ мѣста въ академическихъ зданіяхъ, четверемъ за неудовлетворительностью сдачи экзамена и одному—за невыслуженіемъ пяти лѣтъ псаломщикомъ. Въ качествѣ стороннихъ слушателей допущено пять человекъ: два студента Семинаріи, сухумскій священникъ, казанскій діаконъ и вольнослушатель кievской Академіи. Въ ноябрѣ приняты еще два священника и вочленившій курсъ въ Ларинской гимназіи (въ Слб.). Въ 1898 г. изъ 70 экзаменованныхъ отказано четверемъ, какъ плохо выдержавшимъ, объ одномъ діаконѣ казанскомъ рѣшено ждать разрѣшенія Синода и поставлено ходатайствовать объ одномъ сиро-халдейцѣ, получившемъ двѣ дѣйки. Остальные были приняты, при чемъ 21 на казенное содержаніе, 4—на казенное съ обязательствомъ поступить на миссіонерское отдѣленіе, 6 священниковъ на свое содержаніе съ позволеніемъ жить на частныхъ квартирахъ и о 4 инородцахъ возбуждено ходатайство предъ Синодомъ объ особыхъ стипендіяхъ. Въ октябрѣ былъ принятъ еще одинъ

болгаринъ. Можно отмѣтить еще, что въ 1895 г. былъ принятъ въ Академію студентъ, удовлетворительно выдержавшій экзаменъ въ 1894 г. Для нѣкоторыхъ студентовъ вопросы о казенномъ содержаніи и о принятіи въ Академію были такъ тѣсно связаны, что, поживъ на свое содержаніе, они привуждены были оставлять Академію. На помощь такимъ лицамъ приходили „Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ“ (см. слб. 839—840) и частные благотворители съ своими стипендіями. Изъ такихъ лицъ на первомъ мѣстѣ въ настоящей періодъ стоитъ варшавскій протоіерей Тихонъ Горизонтовъ, основавшій четыре стипендіи своего имени по 5 т. р. въ 1892, 1894, 1895 (3100 р.), 1896 гг. За нимъ слѣдуютъ: архіеп. донской Макарій, завѣщавшій 5 т. р. (1895 г.), потомственный почетный гражданинъ г. Симферополя В. И. Θεолого, завѣщавшій въ 1897 г. 12.500 р., неизвѣстный, пожертвовавшій 5 т. р. на стипендію имени Антонія, архіепископа финляндскаго (1899 г.), Варсонофій (Кургановъ), еп. глазовскій, основавшій стипендію въ 5 т. р. имени херсонскаго архіепископа Никанора (1903 г.), архіеп. варшавскій Никаноръ и ставропольскій епископъ Агаодоръ, пожертвовавшій по 6 т. р. (1905 г.), вусецъ А. Н. Чарушкинъ—5 т. р. (1906 г.). Въ 1901 г. образовались стипендіи имени проф. П. В. Знаменскаго въ 5 т. р., составленная изъ доходовъ отъ продажи его „Исторіи казанской Академіи“ и пожертвовавшій его (съ 1892 г.)¹⁾, и имени почившаго профессора И. Я. Порфирьева въ 2.564 р. 51 к., составившаяся на пожертвованія его сослуживцевъ и учениковъ, но подпискѣ (съ 1890 г.). Такимъ же образомъ положено начало образованію стипендіи имени Н. И. Ильминскаго, по случаю 10-лѣтія со дня его кончины (1901 г.; капиталъ къ 1 янв. 1907 г. возросъ до 3.190 р. 12 к.), и прот. А. П. Владивірскаго (съ 1906 г.; капиталъ—172 р.). Въ 1892 г. положено начало юбилейной стипендіи пожертвоваема въ 150 р. м. Палладіемъ и 105 р. прот. А. А. Винограднымъ; но скоро послѣ того эти деньги причислены къ церковному капиталу. Въ 1894 г.

¹⁾ Съ 1903 г. имъ же положено начало образованію второй стипендіи, капиталъ для которой возросъ до 736 р. 47 к.

разрѣшенъ сборъ денегъ на стипендію окончившихъ въ этомъ году студентовъ XXXV курса, но обязавшіеся взносами студенты не внесли ничего. Въ 1900 г. Никаноръ (Каменскій), еп. ордовскій (нынѣ архіеп. варшавскій), пожертвовалъ основаніе стипендіи XV курса, пожертвовавъ 100 р. (имѣется 205 р. 66 к.). Въ 1900 г. положено начало стипендіи XII курса (внесено доселѣ 97 р. 3 к.). Наконецъ тѣмъ же еп. Никаноромъ въ 1898 г. были присланы въ казанскую Академію на 4 года 2 тыс. руб. на временную стипендію, которая послѣ должна была перейти на 6 лѣтъ въ астраханскую Семинарію, а потомъ навсегда—въ астраханское училище. Еще раньше (1892 г.) пожертвовалъ 800 р. на содержаніе одного студента въ теченіе всего академическаго курса архіеп. Владиміръ (Петровъ). При ректорѣ Антоніи въ теченіе пяти лѣтъ нѣкоторые студенты III и IV курса пользовались замѣнительнымъ пособіемъ изъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ; то же имѣло мѣсто и въ послѣднемъ учебномъ году. Въ 1906—7 уч. году въ казанской Академіи училось 120 студентовъ на казенныхъ стипендіяхъ, 23 на частныхъ, 17 пансіонеровъ и 9 приходскихъ, всего 169 чел., въ томъ числѣ 5 иностранцевъ (2 грека, 3 болгарина). Изъ нихъ 17 священниковъ, 1 дьяконъ, 3 іеродіакона и 1 монахъ. Кромѣ студентовъ было 3 вольнослушателя.

2) *Занятія студентовъ* начинались съ выбора группы и языковъ. Въ первые годы по введеніи устава 1884 г. предпочтеніе отдавалось словесной группѣ до того, что иногда на нее записывалось втрое болѣе студентовъ, чѣмъ на историческую (1887 г.). Быть можетъ, туда влекло ихъ имя Порфирьева, ибо въ первый же годъ послѣ его смерти отношеніе измѣнилось: на историческую группу записалось на 6 чел. больше. Въ среднѣхъ 90-хъ годахъ опять многлюднѣе словесное отдѣленіе. Въ концѣ періода словесниковъ вообще бывало больше, чѣмъ историковъ. Но иногда на протяженіи двухъ лѣтъ отношеніе между ними такъ быстро мѣнялось, что едва ли можно дѣлать отсюда выводы объ умственныхъ интересахъ студентовъ. Въ 1906⁷/7 уч. году на всѣхъ курсахъ было 72 словесника и 61 историкъ. Что касается миссіонерской груп-

пы, то сюда шло всего меньше и меньше—на монгольскій отдѣлъ. Но бывали годы (1891), что она не привлекала къ себѣ ни одного студента. Въ виду этого Синодомъ въ 1899 г. разрѣшено по ходатайству Академіи принимать на миссіонерское отдѣленіе перворазрядныхъ воспитанниковъ ардонской Семинаріи. Это сразу увеличило составъ отдѣленія. Послѣ, правда, опять сюда стали записываться очень немногіе. Въ 1906⁷/7 уч. году на 4 курсахъ ихъ было 36 ч.)¹⁾

Изъ древнихъ языковъ до 1887 г. больше привлекалъ латинскій, съ 1888 г. „грековъ“ стало втрое, даже вчетверо болѣе, чѣмъ латинистовъ. Такое отношеніе сохранялось до самаго послѣдняго времени. Только 1906⁷/7 г. числа тѣхъ и другихъ сравнялись. Процентное отношеніе между записывавшимися на новые языки до 1886 г. было прежнее, съ 1887 г. оно измѣнилось: по прежнему всего больше было нѣмцевъ, но англійскому языку стали отдавать предпочтеніе предъ французскимъ. Въ послѣдніе годы опять французовъ стало больше, чѣмъ англичанъ. (Въ 1906⁷/7 уч. году при 66 нѣмцахъ было 22 француза и 6 англичанъ). Хожденіе на лекціи въ этомъ періодѣ жизни казанской Академіи не было обязательно для студентовъ. Ходили и ходятъ къ любимымъ профессорамъ, наполняя ихъ аудиторіи, даже и изъ другихъ курсовъ. Къ „неинтереснымъ“ и не любимымъ ходятъ въ минимальномъ количествѣ, иногда по названію „декана“, для записи за ними лекцій. Такъ было съ самаго начала періода, при строжайшемъ инспекторѣ Н. Я. Бѣляевѣ (1885—1890 гг.), такъ остается и доселѣ, съ тою разницей, что въ отнѣку достоинства профессоровъ теперь вошелъ политическій элементъ—характеръ ихъ убѣжденій: „черносотенные“ профессора мало популярны. Иные изъ нихъ и совсѣмъ не видятъ въ своихъ аудиторіяхъ студентовъ. Запись лекцій обязательна только по нѣкоторымъ предметамъ: по другимъ готовятся къ экзамену съ помощью печат-

¹⁾ Справедливо видятъ причину этого въ томъ, что и по уставу 1884 г. является неопредѣленнымъ положеніе питомцевъ миссіонерскаго отдѣленія и фактически высшее начальство далеко не всегда пользуется ихъ спеціальными познаніями и призваніемъ.

ныхъ руководствъ. Число лекцій въ день прежнее — 4. Продолжительность каждой часъ. Но съ 1890 г., когда въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Синодомъ введено обязательное присутствіе учащихся за преждеосвященными литургіями по средамъ и пятницамъ велик. поста, лекціи въ эти дни длятся по получасу и происходятъ до литургій.

Число сочиненій семестровыхъ и проповѣдей осталось и при новомъ уставѣ прежнее (8 и 1) съ тою разницей, что оно распространено теперь и на III курсъ. Срокъ подачи сочиненій—1 ноября, 10 янв. и 15 марта. Но сроки эти часто нарушались съ разрѣшенія академическаго начальства, нерѣдко и безъ него. Въ 1901 г. Совѣтъ подтвердилъ старую практику, по которой тяжко больные студенты могли и вовсе быть освобождены отъ семестрового сочиненія, но не болѣе одного въ годъ. Въ 1896 г. всѣ студенты были освобождены въ виду коронаціи отъ третьяго „семестряка“ и къ 11 мая отпущены по домамъ. Отъ 3-го „семестряка“ студенты 1—3 курсовъ были освобождены и въ 1904½ акад. году въ виду сокращенія учебнаго времени, вызваннаго капитальнымъ ремонтомъ библиотеки. Въ 1906½ уч. году студенты, подавъ мотивированное заявленіе, сами себя освободили отъ третьяго сочиненія. Отъ проповѣди же они отказались годомъ ранѣе. Въ 1907½ году Совѣтъ потребовалъ представленія всѣхъ не поданныхъ проповѣдей семестровыхъ сочиненій. Курсовое сочиненіе уставъ 1884 г. перенесъ съ III курса на IV. Темы для него избирали сами студенты въ началѣ учебнаго года, но одобрялъ ихъ Совѣтъ. Съ 1889 г. при одобреніи темъ Совѣтъ руководился правилами для разсмотрѣнія сочиненій, представляемыхъ на конкурсѣ ученыхъ богословскихъ степеней, приложенными при указѣ Св. Синода 23 февр. 1889 г. и требующими исключительно богословскихъ темъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые архіепископы браковали многія изъ темъ, прошедшихъ чрезъ Совѣтъ. Въ первые годы (до 1891 г.) наиболѣе темъ давали русская церковная исторія, миссіонерскія науки, каноническое право, Свящ. Писаніе Нового Завѣта, литургика, гомилетика и патристика. Впослѣдствіи сюда присоединились пастырское богословіе съ педагогикой. Курсовыя сочиненія

подавались въ теченіе мая, но бывали случаи какъ болѣе поздней подачи (въ августѣ), такъ и болѣе ранней—въ 1897 г. Совѣтъ по указанію Св. Синода и слѣдуя примѣру другихъ Академій, постановилъ, чтобы кандидатскія сочиненія подавались къ 1 мая и чтобы позже поданныя разсматривались въ августѣ. Читаются двумя рецензентами, которые, впрочемъ, очень рѣдко расходятся въ своихъ отзывахъ. Экзамены на IV курсѣ производятся въ маѣ мѣсяцѣ. Присужденіе же ученыхъ степеней—въ началѣ іюня; но былъ случай производства экзамена въ февраль—мартъ (1902 г. для іером. Симеона, назначеннаго въ Пекинскую миссію). При присужденіи Совѣтъ руководится правилами, выработанными имъ въ 1885 г. и подраздѣляющими кандидатовъ на три разряда. На первый разрядъ даютъ право различные успѣхи по всѣмъ предметамъ, по сочиненіямъ и проповѣдямъ (не менѣе двухъ третей пятерокъ и не болѣе трети четверокъ при 5 по поведенію), на второй—отсутствіе троекъ и на третій—посредственные успѣхи. Плохое курсовое сочиненіе или неподача его—лишаютъ кандидатства.

3) *Нравственная жизнь.* Уставъ 1884 г., поставивъ нѣкую существованія Духовныхъ Академій приготовленіе ихъ питомцевъ наряду съ педагогическою дѣятельностью въ духовной школѣ и даже выше ея—просвѣщенное служеніе церкви на пастырскомъ поприщѣ, обратилъ большое вниманіе на академическую дисциплину и вообще на воспитаніе ихъ въ религіозно-нравственномъ духѣ. Баллы по поведенію должны теперь приниматься въ соображеніе при составленіи списковъ перводныхъ и выпускного. Въ теченіе курса о поведеніи студентовъ инспекторъ долженъ доносить Правленію, которое и сообразуется въ своихъ дѣйствіяхъ съ этими донесеніями. Правленіе, при самомъ введеніи устава, составило и правила поведенія студентовъ и инструкціи для (двухъ теперь) помощниковъ инспектора. Но и послѣ того приходилось принимать къ исполненію цѣлый рядъ указовъ Синода, направленныхъ къ усиленію дисциплины въ дух.-учебныхъ заведеніяхъ и завершавшихъ реформу 1884 г. Таковы указы 1886 г. о воспрещеніи воспитанникамъ держать огнестрѣльное оружіе, принимать участіе въ публичныхъ чествова-

нѣхъ общественныхъ дѣятелей, отлучаться въ учебные дни изъ общежитій. 1887 г. о запрещеніи образовывать землячества, кружки самообразованія и пр. Всѣ эти предписанія въ 1888 г. были внесены въ новую редакцію правилъ для студентовъ. Въ 1889 г. послѣдовалъ новый указъ о поднятіи церковности въ духовныхъ школахъ. Особыми же распоряженіями 1888 и 1889 гг. надлежало доносить высшему начальству о поведеніи студентовъ и о дѣятельности инспекціи, какъ эти же свѣдѣнія съ 1885 г. включались въ годичные отчеты Академіи. Послѣдніе удостовѣряютъ, что „общій уровень нравственнаго состоянія студентовъ... былъ весьма удовлетворителенъ. Студенты исправно посѣщали богослуженіе, ежедневныя молитвы, классы, трудолюбиво занимались въ часы, свободные отъ классовъ, были почитательны къ старшимъ, миролюбивы во взаимныхъ отношеніяхъ. Если и были уклоненія отъ правилъ благоповеденія, то—незначительныя, такъ что легко пресѣкались внушеніями о ректора Академіи и инспекціи и не вынуждали обращаться къ Правленію Академіи“.

Эта характеристика поведенія студентовъ за 188^{6/7} уч. годъ повторяется съ замѣнѣніями и послѣ въ весьма многіе годы. Но всего болѣе она можетъ отображать дѣйствительное положеніе вещей въ инспекторство Н. Я. Вѣляева, котораго (по воспоминаніямъ студентовъ) трепетала вся Академія и который страшно подтянулъ дисциплину. Но что и при немъ были нарушенія ея,—объ этомъ, кромѣ мягкихъ отмітокъ: „не всѣ студенты были внимательны къ своимъ обязанностямъ“, свидѣлствуетъ отчетъ за 188^{6/7} уч. годъ. „Прискорбное положеніе дѣла вынудило Совѣтъ прибѣгнуть къ мѣрамъ особенной строгости: 5 студентовъ, отміченные въ доведеніи инспектора балломъ 2, были уволены изъ Академіи; 14 студентовъ, отміченные балломъ 3, хотя и были переведены въ слѣдующіе курсы, но имъ сдѣлано отъ лица Совѣта строгое замѣчаніе. Изъ окончившихъ курсъ—лучшій баллъ 4 были понижены въ спискѣ, получившіе баллъ 3 выпущены дѣйствительными студентами съ правомъ получить степень кандидата по прослуженіи двухъ лѣтъ при одобреніи подлежащаго начальства“. Такими же результатами сопровождалась въ

началѣ 90-хъ годовъ „бунты“ противъ инспектора Вѣляева и попытки стряхнуть съ себя его иго. Въ 189^{0/1} уч. году 11 студентовъ было исключено и тремъ предложено уволиться изъ Академіи. Стало легче жить студентамъ съ 1894 г.—послѣ смерти Вѣляева и назначенія инспекторомъ проф. Виноградова, а ректоромъ архим. Антонія, чрезмѣрно миролюбиваго студентамъ, особенно избраннымъ, какихъ у него всегда было много. Дисциплина ослабла. Студенты Академіи (—лучшіе, разумѣется: худшіе были всегда исключеніями—) стали по призыву своего ректора заниматься церковно-общественною дѣятельностью, иногда въ явный ущербъ академическимъ обязанностямъ, значеніе которыхъ тѣмъ самымъ подрывалось:—съ 1895 г. начали вести бесѣды и чтенія христіанскаго характера въ учрежденіяхъ казанскаго общества трезвости и въ исправительномъ отдѣленіи казанской тюрьмы, начали вести виѣбогослужебныя бесѣды и проповѣдывать въ разныхъ церквахъ города, вводить въ нѣкоторыхъ общенародное пѣніе, заниматься въ воскресныхъ школахъ въ самомъ городѣ и въ Адмиралтейской слободѣ. Въ 189^{4/5} уч. году 69 студентовъ занималось проповѣдничествомъ въ 14 церквахъ Казани и веденіемъ виѣбогослужебныхъ бесѣдъ въ 5 церквахъ, въ 5 воинскихъ казармахъ и 2 ночлежныхъ домахъ, 34 студента—веденіемъ въ 4 аудиторияхъ народныхъ чтеній, 49—преподаваніемъ въ двухъ воскресныхъ школахъ Казани и Адмиралтейской слободы.

Вѣроятно, подъ влияніемъ этой созданной Антоніемъ церковно-общественной дѣятельности столько же, сколько и вълѣдствіе прямыхъ, усиленныхъ и постоянныхъ его убѣжденій, нѣкоторые студенты Академіи рѣшались посвятить себя церкви еще со студенческой скамьи и—шли въ монахи. За время его ректуры постриглось свыше 20 студентовъ, изъ которыхъ одинъ—даже на смертномъ одрѣ... Теперь рано еще говорить, какой плюсъ или минусъ внесли они въ оживленіе церковнаго сознанія и общественной дѣятельности, но можно отмітить, что сонмъ ихъ немало способствовалъ благолѣпную церковныхъ службъ въ самой Академіи, привлекаявшихъ множество народу. Благодаря обилію ихъ и облаго духовенства (въ 1898 г. въ Академіи обучалось

9 іеромонаховъ, 6 іеродіаконовъ, 13 священниковъ, протоіаконовъ и 2 діаконъ; въ 1900 г. духовныхъ было 40 ч.) сдѣлалось возможнымъ завести въ академической церкви постоянныя богослуженія, которыя посѣщали и свѣтскіе студенты, и организовывать время отъ времени богослуженіе на другихъ языкахъ. Такъ, съ 1896 г. въ недѣлю праотцевъ совершалась литургія на греческомъ языкѣ, въ январѣ и февралѣ 1898 г. — на грузинскомъ, въ февралѣ 1899 и 1900 г. — на монголо-бурятскомъ. Благодаря тому же Антонію, казанская Академія въ отношеніи церковности и общественной дѣятельности шла по вѣдущности впереди другихъ. Когда въ 1901 г. Синодъ, осуществляя рекомендованныя III миссіонерскимъ съѣздомъ (бывшимъ въ 1897 г. въ Казани, въ Академіи) мѣры для улучшенія пастырско-миссіонерской подготовки воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, разослалъ послѣднимъ указъ о привлеченіи ихъ къ проповѣданію слова Божія, собесѣдованію съ раскольниками и участію въ богослуженіи, — оказалось, что въ казанской Академіи ежедневно правится служба Божія, съ 1895 г. существуетъ проповѣдническая „дружина“ и нѣкоторые студенты посѣщаютъ собесѣдованія проф. Н. И. Ивановскаго, а нѣкоторые самолично участвуютъ въ нихъ. Въ 1902 г. отчетъ констатировалъ ежедневное совершеніе богослуженія въ академической церкви, педагогическую дѣятельность студентовъ въ трехъ воскресныхъ школахъ¹⁾, проповѣдническую въ двухъ приходскихъ церквахъ и въ монастырѣ, религиозно-нравственныя бесѣды въ девяти учрежденіяхъ (школахъ, церквахъ, образовательныхъ домахъ, пріютахъ, ночлежкѣ, чайныхъ). Въ 1904^{1/2} уч. г., по примѣру казанской проповѣднической дружины, образовался кружокъ въ кievской Академіи. Но въ самые послѣдніе годы размѣры общественно-просвѣтительной дѣятельности студентовъ очень сократились. Въ настоящее время въ проповѣдническомъ кружкѣ до 22 ч. и онъ обслуживаетъ 11 церкви и 5 солдатскихъ пунктовъ. Ха-

рактеризуютъ религиозное настроеніе студенчества и двѣ совершенныя ими паломническія и научно-образовательныя экскурсіи: въ 1902 г. по Россіи съ участіемъ доцента свящ. Дружинина (25 чел.), другая въ 1907 г. въ Палестину — съ ректоромъ еп. Алексіемъ (15 ч.). Вліяніе ректора Антонія (Храповицкаго) шло и далѣе. Еще съ конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ съ умственными интересами студентовъ, будившимися гл.-обр. словесникомъ Порфирьевымъ и историкомъ Знаменскимъ, стали оживать философскіе, подъ вліяніемъ молодого доцента В. И. Несмѣлова. Это умственное теченіе Антоніемъ было усилено: оба эти лица принадлежатъ къ школѣ христіанскихъ философовъ и оба, оживляя вниманіе къ христіанскому богословію философскими соображеніями и аргументами, въ концѣ 90-хъ годовъ были любимцами академическаго студенчества. Они были и главными руководителями студенческаго философскаго кружка (съ 1899 г.), къ которому въ лучшіе годы принадлежала одна пятая часть всего студенчества (съ 1901 г. программа кружка расширялась: въ нее внесены вопросы литературы и словесности). Вліяніе ихъ перешло и въ XX-е столѣтіе и только въ самые послѣдніе годы ослабло, бывъ парализовано политическими интересами и вопросами академической автономіи. Съ 1907^{1/2} уч. года „Литературно-философскій кружокъ“ возобновилъ свою дѣятельность послѣ двухлѣтняго перерыва. Въ немъ членовъ 17. Чисто политическое движеніе студентовъ казанской Академіи выразилось въ участіи въ митингахъ университетскихъ, въ уличныхъ демонстраціяхъ (первая демонстрація — въ октябрѣ 1905 г. — имѣла патріотическій характеръ), въ партіяхъ разныхъ направленій, преимущественно лѣвыхъ, въ послыжкѣ демонстративныхъ телеграммъ по разнымъ случаямъ съ выраженіемъ недовольства нѣкоторыми распоряженіями правительства, наконецъ въ самоубійствѣ въ стѣнахъ Академіи въ дек. 1906 г. студента IV курса, связанномъ съ принадлежностію его къ одной изъ социалистическихъ партій. Движеніе въ пользу академической автономіи началось собственно въ сентябрѣ 1905 г., когда были опубликованы и введены въ дѣйствіе временныя правила, обезпечившія права автономныхъ

¹⁾ Въ связи съ этимъ нужно отмѣтить, что многіе студенты въ 1904^{1/2} уч. году посѣщали въ учительскомъ институтѣ пробныя уроки старшихъ воспитанниковъ и вечерніе разборы ихъ.

коллегій высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній (27 авг.). Идя слѣдомъ за студентами столичныхъ Академій, казанскіе студенты тоже „забастовали“, требуя автономіи и для духовныхъ высшихъ школъ. Въ октябрѣ Академія была закрыта, а въ декабрѣ, послѣ опубликованія синодальнаго указа 30 ноября, бывшіе въ Казани студенты приступили къ занятіямъ. Но масса студенчества продолжала быть недовольной и новымъ положеніемъ, и фактическими урѣзками данныхъ указомъ правъ, и, наконецъ, выработаннымъ корпораціею проектомъ академическаго устава. Послѣ многихъ сходовъ, на которыхъ приглашались и профессоры, въ Пасху 1906 г. делегаты казанскаго студенчества вмѣстѣ съ представителями другихъ Академій въ Петербургѣ выработывали свой уставъ. Во всѣхъ Академіяхъ имѣли быть образованы особыя бюро для объединенія академическаго студенчества на почвѣ огражденія его правъ отъ притязаній какъ Синода, такъ и академическихъ корпорацій. Такимъ бюро въ Казани былъ „Комитетъ“, образовавшійся еще до этого изъ комиссіи, разработывавшей академическій уставъ. Но казанскій „Комитетъ“, заправлявшій всѣми студенческими и нѣкоторыми не студенческими дѣлами и состоявшій изъ 15 человекъ, въ январѣ 1907 г. прекратилъ свое существованіе вслѣдствіе раскола какъ въ немъ самомъ, такъ и во всемъ студенствѣ. Внутри академическихъ стѣнъ „автономное“ движеніе сказалось, между прочимъ, въ началѣ 1907 г. въ избраніи самими студентами академическаго доктора, въ отказѣ пѣть въ академической церкви иначе, какъ за деньги... Впрочемъ, послѣдній учебный (1906—1907) годъ прошелъ въ казанской Академіи тише, чѣмъ предыдущій. По свидѣтельству „Анналовъ казанской Духовной Академіи“ (рукописи студенческаго происхожденія), „духовная эволюція академическаго студенчества“ началась съ 1901 г. Съ этого именно времени казанскіе студенты стали превращаться изъ „самозаклучившихся въ дебри богословско-философской мудрости старцевъ и самодовольныхъ схоластовъ, у которыхъ все рѣшено“, въ молодыхъ людей „съ широкимъ кругозоромъ, волнующихся и мучащихся общественными вопросами, употребляющихъ всѣ усилія“ для того, чтобы стать „живыми

людьми, чтобы заодно съ передовымъ обществомъ быть свѣтомъ народу и указывать ему дорогу къ лучшей осмысленной жизни“. По объясненію „Анналовъ“ на эту метаморфозу повліяли съ отрицательной стороны скучнѣйшія лекціи профессоровъ (за весьма немногими исключениями), съ положительной—чтеніе книгъ и журналовъ прогрессивнаго направленія и расширеніе свѣтскихъ знакомствъ, болѣе свободный доступъ въ общество (быть можетъ, вслѣдствіе введенія въ академіи форменной одежды). Но если этотъ переломъ начался съ 1901 г., то онъ коснулся пока незначительной части студенчества: факты 1902—1905 гг. удостовѣряютъ, что большинство еще жило старыми идеями и идеалами. Въ 1902 г. студенты устраиваютъ молитвенное поминовеніе и литературно-музыкальный вечеръ въ память Гоголя, въ 1904 г. (14 марта) „патріотическій“ вечеръ въ пользу лазарета для раненыхъ и больныхъ воиновъ при казанской общинѣ сестеръ милосердія, для которой жертвуютъ кромѣ чистаго дохода часть своихъ денегъ и сборъ съ концерта, даннаго съ ихъ участіемъ, въ 1905 г. участвуютъ въ патріотическихъ манифестаціяхъ... Только въ 1907 г. они не допускаютъ устройства въ академическомъ актовомъ залѣ патріотическаго вечера въ память патр. Гермогена въ виду его „черносотенности“... Посредниками между начальствомъ и студентами, опредѣляющими свою волю на курсовыхъ и общестуденческихъ сходахъ, и выразителями студенческихъ нуждъ и интересовъ послѣ закрытія „Комитета“ служатъ курсовые „деканы“, издавна существовавшіе, а теперь чаще называемые „старостами“.

Былъ еще одинъ результатъ сближенія студенчества съ обществомъ—появленіе среди студентовъ женатыхъ—помимо духовенства. Въ началѣ 900-хъ годовъ женилось нѣсколько студентовъ тайно отъ начальства: одинъ, оставивъ ради женитьбы Академію, скоро опять поступилъ въ нее съ разрѣшенія Св. Синода, а другой, и не выходя изъ Академіи, узаконилъ свой бракъ.

III) Вспомогательныя учрежденія.

1) *Библиотека.* По синодальному указу 25 мая 1842 г., казанская Академія на первыхъ порахъ должна была пользоваться книгами мѣстной семинарскаго библиотеки и

обсудить вопросъ, какія книги изъ послѣдней могутъ быть переданы ей въ собственность. Но и самое пользованіе было затруднено вслѣдствіе хаоса, въ какой привелъ библіотеку Семинаріи пожаръ 1842 г. Затруднены были и другіе способы снабженія Академіи книгами до того, что къ январю 1843 г. она располагала только 74 номерами книгъ всякаго рода, въ томъ числѣ и учебными. Уже въ 1844 г. она получила изъ дублетовъ петербургской Академіи 270 сочиненій, московской и кievской по 128. Это были большею частію творенія св. отцовъ, древніе классики, средневѣковыя богословскія сочиненія и разнородные учебники. Нѣкоторыя изданія—изъ числа весьма рѣдкихъ и дорогихъ. Но и послѣ того академическая библіотека была столь скудна, что недостатку сочиненій нужныхъ для курсовыхъ работъ восполнялся выпискою книгъ на время изъ разныхъ Семинарій, иногда очень отдаленныхъ. Темами курсовыхъ сочиненій опредѣлялось содержаніе и покупаемыхъ книгъ, самая выписка которыхъ подгонялась къ дачѣ ихъ. Но просмотръ рекомендуемыхъ наставниками книгъ дѣлялся въ Правленіи съ большою тщательностію въ виду малости ассигновавшихся на этотъ предметъ средствъ. Правленію не разъ приходилось производить здѣсь передержки, но иногда оно не израсходывало штатной суммы, дѣлая сбереженія на непредвидѣнные случаи. Иногда оно выхлопотывало даровыя высылки книгъ изъ синодальныхъ складовъ, иногда—добавочныя ассигнованія. Въ 50-хъ годахъ Сиводъ, въ связи съ открытіемъ миссіонерскихъ отдѣленій, ассигновала 1.360 р. на приобретение книгъ на восточныхъ языкахъ и 4.923 р. на покупку старопечатныхъ книгъ и рукописей для противораскольническаго отдѣленія—кромѣ того, что выслать много книгъ натурой и способствовалъ высылкѣ книгъ и рукописей изъ конвенторій и монастырей. Въ это время въ Академію была передана и обширная рукописная библіотека Соловецкаго монастыря и аязерскаго скита (1513 №№ рукописей ¹⁾ и 83 старопечатныхъ книгъ). Въ 50-хъ же го-

дахъ Академія получила изъ казанской Семинаріи 53 названія книгъ въ 268 томахъ и выбрала изъ дублетовъ Импер. Публичной библіотеки 1.514 названій западныхъ средневѣковыхъ и польскихъ писателей. Важны и дороги были и пожертвованія частныхъ лицъ, увѣковѣченныя особыми надписями на каждой книгѣ имени жертвователей: колл. сов. Калашникова 1.084 названія въ 1.523 томахъ (1847 г.), Евсевія, еп. ковенскаго, 152 названія книгъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ (1849—1850 г.), архіеп. Григорія 674 соч. (1850 г.) и его же по духовному завѣщанію (1867 г.) 198 драгоценныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, тамбовскаго помѣщика Енгальчева 1.003 названія (1858 г.), архіеп. Аеннасія 1.348 названій въ 2105 томахъ (1866 г.). Библіотека такъ возросла, что въ 1856 г. пришлось раздѣлить ее на два отдѣла—фундаментальную библіотеку и библіотеку рукописей и старопечатныхъ книгъ, съ порученіемъ послѣдней особому лицу—помощнику библіотекаря, а въ 1866 г. ассигновать особая средства для приведенія библіотеки въ порядокъ и составленія ея каталога. Въ 1870 г., при переходѣ къ новому уставу, казанская Академія владѣла 12.523 названіями въ 26.604 томахъ, въ томъ числѣ 10.255 названій книгъ въ 24.134 томахъ и 2.268 названіями рукописей въ 2.470 томахъ. За время дѣйствія устава 1869 г. въ Академію поступило 6.299 названій книгъ въ 15.931 томахъ и 497 названій рукописей въ 509 томахъ. Съ ассигнованіемъ на библіотеку 1.600 р. стало возможнымъ усиленіе пополнять ее путемъ покупки книгъ. Сумма эта распредѣлялась между кафедрами и каждый наставникъ могъ выписать рублей на 35—40 въ годъ. Но въ иные годы библіотека такъ выходила изъ смѣты (напр., въ 1876 г. издержано 2.415 р. 94 к.), что изъ смѣты слѣдующаго года приходилось только покрывать долги. Посредниками въ выпискѣ книгъ были рижскій книгопродавецъ Киммель и казанскій Дубровинъ. Иногда Совѣтъ Академіи, пользуясь случаемъ (напр., заграничною командировкою какаго-нибудь профессора), ассигновывала въ его распоряженіе часть смѣтной суммы на приобретение книгъ по его специальности (150 р.

¹⁾ Въ 1882 г. по ходатайству соловецкаго архимандрита 31 рукописи возвращена въ монастырь.

проф. Красносельцеву въ 1881 г.) и запрашивалъ еще отъ Синода сверхсѣтное пособіе (ему же 500 р.). И въ этотъ періодъ жизни Академіи число пожертвованныхъ въ ея бібліотеку книгъ почти равнялось купленнымъ. Наибольше значительное количество поступило въ 1876 г. изъ бібліотеки бывшего астраханскаго архіепископа Аванасія (787 названій болѣе чѣмъ въ 1000 томахъ). Много книгъ и изданій поступило также отъ разныхъ учреждений и редакцій журналовъ въ обмѣнъ на „Православный Соебѣдникъ“.

Штаты 1884 г. еще болѣе увеличили бібліотечныя средства (до 2.500 р.), при чемъ Академія и въ этотъ періодъ получила сверхсѣтныя ассигнованія (въ 1886 г. 500 р. на пріобрѣтеніе арабскихъ книгъ чрезъ отправленнаго на Востокъ доцента М. А. Машанова). Изъ частныхъ пожертвованій болѣе значительными въ это время являются: коллекція тибетскихъ и монгольскихъ книгъ и брошюръ (312 названій), пожертвованная въ 1889 г. еп. якутскимъ Мелетіемъ, коллекція книгъ разнообразнаго содержанія отъ еп. новомиргородскаго Николая (1889 г.), цѣнное собраніе рукописей и книгъ изъ бібліотеки Н. И. Ильминскаго (1891 и 1896 гг.). Въ 1904 г. поступила философская бібліотека умершаго профессора А. К. Волкова изъ 1.358 названій въ 3.045 томахъ, составившая особый отдѣлъ фундаментальной бібліотеки, въ 1905 г. 82 названія въ 279 томахъ изъ бібліотеки вѣк. профессора А. А. Некрасова. Въ концѣ 1906/7 уч. года фондъ бібліотеки заключала въ себѣ книгъ и рукописей 35.675 названій въ 81.721 томѣ. Академическая бібліотека служитъ не только наставникамъ, студентамъ и курсистамъ, но и постороннимъ лицамъ и учреждениямъ. Ея книги и рукописи посылаются и за предѣлы Казани.

Бібліотека имѣетъ свой печатный каталогъ изъ томовъ I (1874—7 г.), II съ алфавитнымъ указателемъ къ обомъ (1881—1885 г.) и 2 выпусковъ III-го (1896 и 1904 гг.). Академія можетъ гордиться прекрасными каталогами и инвентарями бібліотеки и отличными порядками, при которыхъ исполнѣе обезпечена наибольшая быстрота въ пріскиваніи книгъ.

(Студенческая бібліотека, получив-

шая начало въ 1846 г., стала правильно функционировать въ 50-хъ годахъ, когда студенты стали на свой счетъ выписывать журналы и книги и получать даровые экземпляры газетъ и журналовъ. Она пользовалась, особенно въ 60-хъ годахъ, нѣкоторою независимостію отъ начальства. Таково же было ея положеніе и послѣ—при дѣйствіи уставовъ 1869 года и даже 1884 г., хотя послѣдній, узаконивъ студенческую бібліотеку, наблюденіе за ея исполненіемъ поручилъ ректору, а надзоръ за ея благоустройствомъ инспектору. Синодальнымъ указомъ 1891 г. эта статья устава подтверждена, при чемъ объяснено, что въ студенческую бібліотеку могутъ попадать только книги, соответствующія цѣли и направленію академическаго образованія, и велѣно закрыть существовавшую при бібліотекѣ читальню, а Совѣту—составить правила для чтенія книгъ студентами, каковыя и составлены особою комиссіей. Студенческая бібліотека содержится на ежегодныя взносы студентовъ и на доходы съ студенческой булочной.

2) *Музея* при казанской Академіи пока нѣтъ, но основаніе ему положено еще въ 1844 г. пожертвованіями еп. Владиміра казанскаго и Іакова саратовскаго, давшими начало кабинету рѣдкостей и монѣцъ-кабинету. Въ концѣ 50-хъ годовъ, когда рѣдкости перестали собирать, ихъ оказалось до 55 № въ 114 экз., а монетъ до 300 экз. Въ 1864 г. богатое пожертвованіе монетъ восточныхъ и греческихъ сдѣлано начальникомъ русской миссіи въ Константинополь архим. Антоніномъ. Уставъ 1869 г. не былъ располженъ поддерживать естественно-научныя и другія коллекціи и за передачей физическаго кабинета въ Дух. Семинарію, а зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій въ крещено-татарскую школу,—въ обладаніи Академіи остались коллекціи нумизматическая, минералогическая и нѣкоторые физическіе аппараты, имѣющіе значеніе для преподаванія метафизики и психологіи. Вещи эти хранятся въ бібліотекѣ, стѣсняя ея помѣщеніе. Въ 1898 г. Совѣтъ Академіи, согласно съ ходатайствомъ университетскаго Совѣта, предложилъ передать въ пользованіе Университета образцы минераловъ, горныхъ породъ и ископаемыхъ костей, но Синодъ не раз-

рѣшилъ этого. Между тѣмъ еще въ 80-хъ годахъ въ Академіи возникла мысль объ учрежденіи въ ней музея церковно-археологическаго, по примѣру другихъ Академій, при чемъ особая коммисія въ 1889 г. признала желательнымъ, въ виду миссіонерскихъ задачъ казанской Академіи, устройство музея не только церковно-археологическаго, но и миссіонерско-этнографическаго. Хотя ходатайство Совѣта и преосвященнаго предъ Св. Синодомъ не имѣло успѣха въ виду того, что въ другихъ Академіяхъ музеи заводились не на синодальныя средства, — въ Академію продолжали поступать, какъ и прежде поступали, разные предметы, имѣющіе интересъ научный вообще и миссіонерско-этнографическій въ частности. Нѣсколько вещей пожертвовано было къ юбилею Академіи, 66 предметовъ гольдскаго и гилляцкаго религіознаго и домашняго обихода поступило въ 1897 г. Мысль объ учрежденіи музея въ Академіи не умирала до самаго послѣдняго времени, когда ей нанесенъ сильнѣйшій ударъ учрежденіемъ въ 1906 г. Церковнаго историко-археологическаго общества казанской епархіи.

3) *Общество вспоможенія недостаточнымъ студентамъ* существуетъ съ 1883 г. Основано оно по инициативѣ архіепа. Палладія (Раева), который далъ начало и его фонду, пожертвовавъ 1 тыс. руб. Мѣстные архіереи, а также иноепархіальные, такъ или иначе связанные съ Казанью и Академіей, были и остаются главными жертвователями въ Общество. Къ юбилею Академіи ими пожертвовано до 2½ т. р. Но исторія Общества знаетъ и другихъ крупныхъ благотворителей въ лицахъ іерархическихъ степеней и разныхъ общественныхъ положеній и прежде другихъ — преподавателя донской Семинаріи Н. П. Кутепова, пожертвовавшего вслѣдъ за основаніемъ Общества 1000 р. (1883 г.). Всѣ они избирались и избираются въ почетные члены. Къ 1 янв. 1907 г. ихъ было 18 чел. и пожизненныхъ 41 чел. Другимъ источникомъ доходовъ Общества служатъ взносы членовъ дѣйствительныхъ (нынѣ 37 чел.) и членовъ-сотрудниковъ. Дѣйствительными членами состоятъ гл. обр. служащіе въ Академіи. Прошедшіе ее студенты, даже щедро воспользовавшіеся благодѣяніями Общества, рѣдко записываются въ

его члены и еще рѣже платятъ свои долги, несмотря на принимаемыя совѣтомъ Общества мѣры. Третій источникъ — публичныя лекціи профессоровъ въ его пользу какъ въ самой Академіи, такъ и въ разныхъ залахъ города. Лекціи эти имѣли мѣсто въ концѣ 90-хъ годовъ. Затѣмъ — публичные дух. концерты съ участіемъ студентовъ Академіи, дававшіеся съ 1897 г. преподавателемъ Семинаріи И. С. Моревымъ, отчисленнымъ въ Общество часть сборовъ. Наконецъ, такими источникомъ служатъ доходы отъ продажи „Сочиненій еп. Антонія“ (Храповицкаго), пожертвованныхъ имъ Обществу въ 1900 г. и 2 выпусковъ „Сборника сочиненій студентовъ каз. Дух. Академіи“, изданныхъ въ 1900 и 1901 гг. „Прав. Собесѣдникомъ“. Не менѣе доходною была и есть „Исторія к. Д. Академіи“ П. В. Знаменскаго, пожертвованная авторомъ, но выручка шла и идетъ на образованіе стипендій его имени. При Обществѣ накаплиются капиталы и для другихъ стипендій.

Въ настоящее время (къ 1 янв. 1907 г.) средства Общества состоятъ изъ 22.016 р. 66 к. записнаго капитала и 319 р. 61 к. расходнаго.

Общество въ теченіе своего существованія издержало на студентовъ не одну тысячу рублей. Оно или выдавало деньги на руки — своекоштнымъ студентамъ, особенно проживавшимъ на частныхъ квартирахъ, и казеннымъ — для проѣзда въ лечебныя мѣста, кумысныя заведенія, или вносило за нихъ содержаніе въ Правленіе Академіи, иногда за весь годъ. Пансіонеровъ Общества въ иные годы бывало до шести человекъ. Въ послѣднемъ отчетномъ (1906 г.) году выдано 33 студентамъ 1.106 р. 50 к. (изъ 1.972 р., поступившихъ въ Общество) и кромѣ того 8 студентамъ 63 р. изъ средствъ архіепа. Антонія.

4) *Попечительство при Михаило-архангельской церкви каз. Духовной Академіи для вспоможенія всѣхъ служащихъ и служившихъ въ Академіи* основано 15 марта 1904 г. по мысли архіепа. Димитрія (Ковальницкаго), пожертвовавшего 2 т. р. Цѣль его — выдача нуждающимся наставникамъ и прочимъ служащимъ кратко — и долгосрочныхъ ссудъ и безвозвратныхъ пособій. Въ со-

ставъ общества входятъ въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ весь наличный персоналъ Академіи и нѣкоторыя другія лица (три вдовы бывшихъ профессоровъ). Въ теченіе 1906 г. выдано въ сеуду 3.474 р. Средства къ 1 янв. 1907 г. состояли изъ 1.647 р. 83 к. неприкосновеннаго капитала и 1.402 р. 26 к. расходнаго (изъ послѣдняго 826 р. числилось за служащими въ долгу).

5) *Сеудоберегательныя „курсовыя кассы“* существующія „съ незапамятныхъ временъ“ и пополняемыя ежегодными рублевыми взносами и ежемѣсячными 10-копѣчными, выдаютъ сеуды нуждающимся въ размѣръ до 5 рублей подъ 2—3% въ мѣсяць. На II курсѣ въ составъ капитала входитъ выручка отъ продажи писчихъ и другихъ принадлежностей. При окончаніи Академіи капиталъ дѣлится между участниками курсовой кассы.

IV). *Издательская дѣятельность на Казанской Академіи.* „Православный Собесѣдникъ“. Мысль объ изданіи при казанской Академіи духовнаго журнала возникла въ 1853 г. въ связи съ открытіемъ миссіонерскаго отдѣленія противъ раскола и шла сверху, какъ и самое названіе журнала. Согласно съ предложеніемъ свыше, Академія выработала программу журнала, разбивъ ее на отдѣлы догматическій, герменевтическій, историческій, нравственный и критическій, и составила редакціонный комитетъ изъ пяти членовъ, во главѣ съ ректоромъ, съ присоединеніемъ казначея и секретаря изъ профессоровъ же. Въ такомъ составѣ комитетъ сохранился до 1870 г. Но главнымъ, можно сказать, редакторомъ журнала въ началѣ былъ архіеп. Григорій, первѣйшій его инициаторъ. Онъ самъ заранѣе опредѣлилъ содержаніе первыхъ книжекъ журнала, самъ въ немъ сотрудничалъ, содѣйствовалъ нравственному и матеріальному успѣху его, между прочимъ, основавши фондовый капиталъ его, возросшій къ 1857 г. до 3 т. р. Онъ же объединилъ около журнала академическую корпорацію, обязавши ея членовъ каждый годъ доставлять опредѣленное число листовъ. Обязательный характеръ для учащихся, особенно молодыхъ, имѣли журнальныя работы при ректорѣ Агавангелѣ. Первая книжка „Православнаго Собесѣдника“

вышла въ маѣ 1855 г. До 1857 г. журналъ выходилъ 4-мя книжками въ годъ, съ нач. 1858 г.—12-ю, при годовой цѣнѣ 5 р. (съ перес. 6 р. 50 коп.). Первый годъ онъ разошелся въ 1836 экземплярахъ съ даровыми. Ректоръ Іоаннъ, желая оживить академическій органъ, придать ему болѣе свѣжести и современности, помѣстилъ въ немъ много памятниконъ древней русской литературы и статей, касавшихся русской церковной исторіи и русскаго сектантства, а главное—посвященныхъ обсужденію жгучихъ вопросовъ, волновавшихъ общество (между прочимъ, крестьянскаго). Но его попытка поставить журналъ въ непосредственное отношеніе къ запросамъ современной жизни встрѣтила недовѣріе со стороны Св. Синода, 5 марта 1859 г. сдѣлавшаго замѣчаніе за „несвойственное духовному изданію направленіе Православнаго Собесѣдника“ редактору (т. е. ректору) и цензорамъ и самую цензуру оригинальныхъ статей перевѣдшаго въ московскій цензурный комитетъ,—подъ надзоръ, слѣдовательно, митрополита Филарета, строжайшаго хранителя церковности въ мысляхъ и въ самыхъ выраженіяхъ. 1859 годъ былъ лучшимъ по числу подписчиковъ годомъ „Прав. Собесѣдника“, который тогда выдавалъ своимъ сотрудникамъ по 100 р. гонорара за листъ. Наказаніе, наложенное Синодомъ,—хотя продолжалось годъ съ небольшимъ,—отразилось очень плачевно на его вышнемъ успѣхѣ и потому именно, что какъ разъ въ началѣ 1860 г. появилось нѣсколько духовныхъ журналовъ съ самою широкою программой, съ которыми „Собесѣдникъ“ не могъ теперь конкурировать. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ оставаться на прежней научной высотѣ и въ это время въ немъ помѣщено не мало работъ, имѣющихъ и доселѣ научную цѣнность. Для поднятія цифры подписчиковъ, которыхъ въ 1860 г. было не болѣе 1000, а въ 1861 г. только 600,—редакціонный комитетъ хлопоталъ предъ архіепископомъ Афанасіемъ о распространеніи журнала среди духовенства епархіи. Журналъ былъ рекомендованъ, а въ 1866 г. объявленъ обязательнымъ, но это дало только нѣсколько лишнихъ подписчиковъ. Еще меньше пользы принесло установленіе сношеній съ книгопродавцемъ Кожанчиковымъ. Отсутствие гонорара повело къ бѣгству профессоровъ въ

другіе журналы и къ зачлененію „Собесѣдника“ (при Иннокентіи) выдержкамъ изъ студенческихъ курсовыхъ работъ. Въ 1867 г. по мысли архіеп. Антонія рѣшено было издавать при „Собесѣдникѣ“ „Извѣстія по Казанской епархіи“, каковыя духовенство могло и должно было выписывать только съ журналомъ. Эта мѣра подняла число подписчиковъ съ 600 до 900 и улучшила. — на первыхъ, по крайней мѣрѣ, порахъ, — финансы „Собесѣдника“, хотя и увеличивъ его расходы. Уставъ 1869 г., даровавшій Академіямъ право въ дѣлѣ изданія своихъ трудовъ имѣть свою собственную инициативу и весьма значительную долю свободы и самостоятельности, а также право собственной цензуры, внесъ нѣкоторыя измѣненія и въ положеніе „Прав. Собесѣдника“. Въ 1871 г. Совѣтомъ казанской Академіи было постановлено дѣло по изданію „Собесѣдника“ вѣдать: а) по общимъ вопросамъ общему собранію всѣхъ наставниковъ Академіи, б) по текущимъ — тремъ редакторамъ, главному — ректору и — профессорамъ, изъ которыхъ одинъ долженъ читать оригинальныя статьи, другой переводныя. Они же держатъ цензуру статей. Въ слѣдующемъ году прибавленъ еще одинъ редакторъ и опредѣленіе состава книжекъ предоставлено взаимному согласію всѣхъ редакторовъ. Въ составъ редакціи входилъ еще дѣлопроизводитель изъ профессорамъ же, получавшій 300 р. вознагражденія и особо 150 р. за надзоръ за печатаніемъ протоколовъ Совѣта и магистерскихъ диссертаций, издававшихся при академическомъ журналѣ согласно требованію устава 1869 г. Вознагражденіе получали и другіе члены редакціи, пока не пришлось сдѣлать его по экономическимъ соображеніямъ въ 1878 г. и когда права частныхъ редакторовъ и цензоровъ были поручены дѣлопроизводителю. Такими дѣлопроизводителями-редакторами были въ 1879—1883 г. А. В. Вадковскій (нынѣ митр. Антоній), въ 1883—1886 г. П. О. Красносельцевъ. Экономическія затрудненія постигли журналъ давно уже, и еще въ 1873 г. Совѣтъ ходатайствовалъ объ усиленіи его средствъ ассигнованіемъ въ распоряженіе редакціи 3 т. р., отпускаемыхъ на изданіе протоколовъ и магистерскихъ диссертаций. Взамѣнъ того Св. Синодъ рекомендовалъ „Прав. Собесѣдникъ“ къ выпискѣ въ пер-

ковныя бібліотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“ (1874 г.), что сразу повысило цифру подписчиковъ съ 680 до 1020, но чрезъ годъ она понизилась до 800, а потомъ и еще болѣе упала. Въ 1884 г. архіеп. Палладій въ цѣляхъ расширенія круга читателей журнала и оживленія его содержанія статьями, отвѣчающими на насущныя вопросы изъ области текущей церковной и общественной жизни, предложилъ Совѣту избрать по прежнему редакціонный комитетъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Избраны были помощники ректора профессора: Знаменскій, Вердниковъ и Бѣляевъ, которые заявили желаніе работать бесплатно, слѣдуя примѣру преосвященнаго, изъяснившаго намѣреніе ежегодно вносить въ пользу журнала значительную сумму. Названные лица состояли редакторами до 1 янв. 1896 г., когда одному Знаменскому была поручена редактура „Собесѣдника“ и „Извѣстій по Казанской епархіи“. Объединенныя въ рукахъ одного редактора, — оба изданія вновь стали обязательными для выписки во всѣ церкви епархіи. Съ 1897. по 1903 г. редакторомъ „Прав. Собесѣдника“ былъ и съ 1907 г. состоитъ проф. С. А. Терловскій; съ 1904—1906 гг. имъ былъ Л. И. Писаревъ. При послѣднемъ обычная программа журнала измѣнилась: въ 1905 г. въ немъ печатались обзоры церковно-общественной жизни и обсужденіе вопросовъ текущей дѣятельности. Съ конца 1905 г. рѣшено было издавать подъ редакцію Л. И. Писарева, М. А. Машанова и К. Г. Григорьева особый еженедѣльный журналъ — „Церковно-общественную жизнь“, куда и перешли текущіе вопросы (первый № вышелъ 16 дек. 1905 г.). Но одностронне-либеральный характеръ руководимаго лишь „прогрессивными“ профессорами журнала повелъ къ тому, что, по настоянію старѣйшихъ профессорамъ, съ № 12 онъ долженъ былъ снять фирму „издаваемый при казанской Духовной Академіи“ и — остаться частнымъ предпріятіемъ группы профессорамъ, къ которой примкнуло и „прогрессивное“ казанское духовенство, избравшее въ пастырскомъ собраніи соредактора — прот. А. В. Смирнова. Съ появленіемъ „Ц.-общ. жизни“ „Прав. Собесѣдникъ“ вернулся къ старому типу серьезнаго академическаго журнала. Впрочемъ по прежнему на стра-

ницах его находятъ себѣ выраженіе мѣстные интересы въ видѣ различныхъ извѣстій о событіяхъ мѣстной церковной и академической жизни. Но главное его содержаніе составляютъ ученые сочиненія и статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія и церковно-историческіе документы, по своей обширности иногда печатающіеся особыми приложениями. Особенностію „Нрав. Собесѣдника“ по сравненію съ другими академическими журналами является съ 1870 г. обиліе статей по миссіонерскимъ вопросамъ. Подробное содержаніе „Собесѣдника“ даютъ указатели къ нему: за 1855—1891 гг. и 1892—1905 гг.

Объ изданіи *Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника* см. выше столб. 805.

Объ отношеніи Академіи къ *Извѣстіямъ по кав. епархіи* см. „Энци.“ VII, 779—782.

V). *Внѣшнія событія.* Не лишне отмѣтить и рядъ посѣщеній казанской Академіи высокопоставленными людьми и другихъ событій, хотя и не повліявшихъ на внутреннюю исторію ея, но въ свое время сильно занимавшихъ ея насельниковъ. Въ 1857 г. Академію посѣтили принцъ П. Г. Ольденбургскій и оберъ-прокуроръ Синода А. П. Толстой, въ 1858 г. посланникъ Североамериканскихъ штатовъ, въ 1860 г. оберъ-прокуроръ С. Н. Урусовъ, въ 1861 г. наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, въ 1868 г. великій князь Алексѣй Александровичъ, въ 1869 г. онъ же съ наслѣдникомъ Престола Александромъ Александровичемъ и цесаревною Маріей Феодоровною, въ 1885 г. оберъ-прокуроръ Синода К. П. Побѣдоносцевъ. Въ 1892 г. отпразднованъ 50-лѣтній юбилей Академіи, а въ 1896 г.—такой же юбилей ученой и учебной дѣятельности ея бывшаго ректора прот. А. П. Владимірскаго. Въ 1897 г. въ стѣнахъ Академіи собрался III всероссійскій миссіонерскій съѣздъ и совершено прощаніе Академіи съ вышедшимъ въ отставку старѣйшимъ ея профессоромъ и историкомъ П. В. Знаменскимъ.

VI). *Заслуги казанской Академіи.* Младшая изъ всѣхъ русскихъ Духовныхъ Академій, едва насчитывающая 65 лѣтъ своей жизни, казанская Академія можетъ считать за собою цѣлый рядъ заслугъ въ

области научной, педагогической, церковной, общественной. Онѣ отмѣчены были уже на полувѣковой ея юбилей какъ въ рѣчахъ и адресахъ отъ разныхъ ученыхъ, учебныхъ и другихъ учреждений, такъ и въ исторической запискѣ.

Въ научномъ отношеніи казанская Академія наиболѣе пользы привнесла развитію исторіи, преимущественно русской. Всѣмъ извѣстны имена трудившихся въ этой области Шапова, Лилова, Добротворскаго и особенно Знаменскаго, работавшаго надъ ней болѣе 35 лѣтъ и создавшаго какъ бы школу учениковъ, изъ которыхъ двое сейчасъ занимаютъ академическія кафедры. Въ частности, казанская Академія характеризуетъ спеціальныя интересы ея къ исторіи русскаго раскола, съ которой связаны имена тѣхъ же Шапова и Добротворскаго и Н. И. Иванова, и которая дала матеріалъ для весьма многихъ ученыхъ трудовъ. Обусловленъ былъ этотъ интересъ въ значительной мѣрѣ принадлежащей Академіи Соловецкою рукописною бібліотекю, которая дала также матеріалъ для разработки и другихъ научныхъ дисциплинъ, обязанныхъ казанской Академіи,—исторіи русской литературы и церковному праву. Для первой особенно много потрудился Порфирьевъ, для второго—Павловъ и Бердниковъ. Наконецъ, казанской Академіи обязаны своимъ развитіемъ исторія русской миссіи и миссіонерская полемика. Тутъ навсегда останутся памятными имена Саблукова, Ильминскаго, Малова. Изъ богословскихъ наукъ казанская Академія дала еще нѣкоторое своеобразное развитіе патрологии († Д. В. Гусевъ). Въ области названныхъ дисциплинъ наиболѣе лицъ работало, наиболѣе появилось изслѣдованій и наиболѣе статей и сочиненій напечатано на страницахъ академическихъ органовъ. Подтверждается это и характеромъ и содержаніемъ документовъ, изданныхъ казанской Академіей,—твореній св. отцовъ, начиная съ св. Иринея Лионскаго и кончая толкованіями на Новый Заветъ блаж. Феофилакта, произведеній первыхъ русскихъ писателей, Стоглава, сочиненій Н. Погожина и писемъ русскихъ миссіонеровъ XIX ст. Главными работниками на научномъ полѣ и работниками ея officio были, разумѣется, профессора. Казанская Академія, уже съ первыхъ лѣтъ своего существованія замѣ-

щавшая многія каедры своими питомцами, теперь обходится почти исключительно ими; въ настоящее время не казанцы—только ректоръ еп. Алексій (изъ московской Академія) и проф. Ивановскій (изъ с.-петербургской). Мало того, питомцы казанской Академіи бывали начальниками и профессорами и въ другихъ Академіяхъ; таковы архим. Антоній Вадковскій, назначенный въ 1885 г. въ инспекторы и потомъ ректоры петербургской Академіи, архим. Борисъ Плотниковъ, дважды бывший ректоромъ той же Академіи, архим. Кирилль Лопатинъ, инспекторствовавшій въ московской Академіи, А. А. Дмигріевскій, избранный въ 1885 г. въ кievскую Академію, И. И. Соколовъ—въ петербургскую (1903 г.) и архим. Михаилъ Семеновъ, назначенный (1902) туда же на кафедру каноническаго права [но въ 1906 г. принужденный удалиться и вообще „прославившійся“ очень печально, а въ октябрѣ 1907 года этотъ православный архимандритъ, столь попустительно протезируемый и покровительствуемый сверхъ мѣры закона нашими церковными властями, перешелъ въ расколъ и опредѣленіемъ Св. Синода 5-го ноября 1907 г. за это „отпаденіе въ старообрядчество, лишень священнаго сана и монашества и исключень изъ духовнаго званія“; см. „Церк. Вѣдомости“ № 45 за 10 ноября 1907 г. стр. 399...]. Попадали и попадаютъ казанцы на кафедры и въ свѣтскія высшія учебныя заведенія. Таковы профессора богословія въ казанскомъ Университетѣ—протоіерен Владимірскій, Зефировъ, Милонидовъ, Смирновъ, въ томскомъ Вѣликовъ; церковной исторіи: Добротворскій и Кургановъ (Казань), Красносельцевъ (Одесса); каноническаго права: Павловъ (Казань, Одесса и Москва), Вердниковъ и Соколовъ (Казань), Алмазовъ (Одесса), Прокошевъ (Томскъ), Темниковскій (Ярославль, Демидовскій лицей и теперь Харьковъ). Питомцы казанской Академіи читали въ Университетахъ не только богословскія науки, но и свѣтскія: русскую гражданскую исторію (Щаповъ—Базань, Аристовъ—Казань, Варшава и Нѣжинъ), философію (Владимірскій, Снегиревъ и Гуляевъ), уголовное право (Миролюбовъ), хотя послѣдніе два приватъ-доцента прошли по окончаніи Академіи и университетскій курсъ. Диссертациі докторовъ и магистровъ казанской Академіи представляютъ уже солидный вкладъ въ русскую

литературу. Кандидаты—хотя далеко не все они навечатали свои работы, но тоже внесли немалую долю участія въ оживленіе ея. Кромѣ того, что кандидатскія сочиненія иногда служатъ пособіемъ для работъ послѣдующихъ выпусковъ и даже для профессоровъ, нѣкоторыя изъ нихъ печатались и по частямъ, а затѣмъ авторы ихъ работали на мѣстахъ службы, преимущественно въ области русской исторіи, и доводили подчасъ своей литературный талантъ до весьма крупной цифры. Изъ такихъ провинціальныхъ работниковъ могутъ быть названы Загоскинъ (Иркутскъ), Мокаровскій (Н.-Новгородъ), Никольскій (Воронежъ), Нурминскій и Верещагинъ (Вятка), Михайловскій (Томскъ), А. Л. Крыловъ, Ливановъ, Сырцовъ и мн. другіе.

Не меньшую роль сыграла казанская Академія и въ учебномъ отношеніи. Ея профессора были прежде всего педагогами, подготовлявшими учителей въ Духовныя Семинаріи и Училища и заботившимися о пополненіи литературы учебниковъ. Курсы исторіи литературы Порфирьева, по русской церковной исторіи Знаменскаго и по исторіи раскола Ивановаго принадлежатъ къ числу наиболее долговѣчныхъ семинарскихъ руководствъ. Не менѣ популярны „Руководство къ изученію латинской просодіи“ прот. Кувшиякаго и служащая для низшихъ школъ „Руководство къ священной исторіи“ и „Начальное вставленіе въ Законъ Божіемъ“ прот. Н. Позова, выдержавшія множество изданій. Но главная заслуга—это приготовленіе сотенъ православныхъ учителей для дух. школъ восточной Россіи, болѣе чѣмъ другіе края нуждающейся и нуждающейся въ нихъ. Огромное большинство питомцевъ казанской Академіи занимало и занимаетъ мѣста преподавателей въ Духовныхъ Семинаріяхъ, училищахъ, мужскихъ и женскихъ, а въ послѣднее время и въ церковно-приходскихъ школахъ разныхъ ранговъ. Въ настоящее время, съ фактическимъ упраздненіемъ духовно-учебныхъ округовъ, питомцевъ казанской Академіи можно встрѣтить во всѣхъ губерніяхъ Европейской и Азіатской Россіи. Въ послѣдніе же годы казанская Академія щедро дѣлится своими кандидатами съ казанскимъ учебнымъ округомъ, которому недостаетъ учителей въ женскія гимназіи. Нечего и говорить о томъ, что законоучительство въ среднихъ

учебныхъ заведеніяхъ казанскаго и другихъ восточныхъ округовъ вручалось и вручается академистамъ преимущественно предъ семинаристами. Особенно много казанскихъ академистовъ ушло въ законоучители при ректорѣ Антоніи. Непременнымъ условіемъ законоучительства служитъ священство. Не мало студентовъ казанской Академіи принимало и принимаетъ священный санъ. И изъ иныхъ курсовъ такихъ былъ значительный процентъ. Многие изъ нихъ оставались до конца жизни приходскими священниками, иные—законоучителями только, иные были ректорами духовныхъ школъ. Нѣкоторые путемъ монашества доходили и до высшихъ іерархическихъ степеней. Казанская Академія особенно гордится митрополитами петербургскими Палладіемъ (Раевымъ, † 1898 г.) и Антоніемъ (Вадковскимъ), архіепископомъ иркутскимъ Веліаміномъ Благоназовымъ († 1892 г.), Никаноромъ Каменскимъ, архіепископомъ варшавскимъ, Несторомъ Металіевымъ, смоленскимъ († 1889 г.), Мелетіемъ Якимовымъ—якутскимъ и рязанскимъ († 1900 г.; послѣдній не доучился въ Академіи), Гуріемъ Буртасовскимъ, симбирскимъ († 1907 г.), Григоріемъ Полетаевымъ, еп. омскимъ. Нѣкоторые изъ этихъ владыкъ заявили о себѣ на миссіонерскомъ поприщѣ (Инокентій, Мелетій, Гурій, Меодій Герасимовъ, Николай Адоратскій, Хрисанъ Щеговскій) и поддержали репутацію своей almae matris. Казанская Академія осуществила, хотя (не по своей винѣ) и не въ полной мѣрѣ, поставленную ей дѣль—сдѣлатьса расадницею миссіонеровъ и средоточіемъ миссіонерскихъ силъ и средствъ. Этой задачи она служитъ чрезъ миссіонерское отдѣленіе, миссіонерскіе курсы, крещено-татарскую школу, связи съ которой у нея идутъ съ 60-тъ годовъ, чрезъ изданіе „Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника“ и участіе въ переводческой дѣятельности, въ которой академическимъ профессорамъ, начиная съ Ильминскаго, всегда принадлежала выдающаяся роль. Исторія русской миссіи, въ частности Алтайской, никогда не забудетъ, какое значеніе имѣлъ для нея „Апостолъ Россіи“ Ильминскій, давшій новую постановку переводческому дѣлу и создавшій множество новыхъ переводовъ на многихъ языкахъ и нарѣчіяхъ Востока Россіи. Съ его именемъ связана и новая система школьнаго

образованія, пользовавшаяся огромнымъ успѣхомъ и въ 1870 г. санкціонированная министерствомъ нар. просвѣщенія. И если въ самое послѣднее время она стала колебаться, то по побужденіямъ далеко не педагогическимъ. Казанская Академія выставила борцовъ и противъ еврейства. Кромѣ здравого здраваго миссіонера и полемиста прот. Мазова, извѣстенъ умершій въ 1887 г. въ Полтавѣ архим. Варсонофій (Кузнецкій, изъ евреевъ), обратившій ко Христу до 1000 своихъ бывшихъ единовѣрцевъ.

Для миссіонерскаго значенія казанской Академіи характерно и то, что здѣсь исторія и обличеніе раскола развиваются не теоретически только, чисто научно, а и практически. Представитель этой каедры, Ивановскій, одинъ изъ всѣхъ академическихъ профессоровъ этого предмета, широко развернулъ полемику противъ раскола, ведя противораскольническія бесѣды не только въ Казани и казанской епархіи, но и далеко за предѣлами ихъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Петербургѣ. Имѣеть значеніе для обрисовки миссіонерско-полемическаго характера казанской Академіи и то, что въ 90-хъ годахъ, въ періодъ наибольшей популярности въ русскомъ обществѣ гр. Л. Толстого и его антихристіанскихъ идей, изъ Казани именно раздался громкій противъ нихъ голосъ, призвавшій не одного изъ колеблющихся ко Христу и къ церкви.

Проводниками въ общество христіанскихъ и церковныхъ идей были и состоятъ многіе профессора казанской Академіи—путемъ какъ печатныхъ статей, такъ и публичныхъ лекцій на религіозно-нравственные темы, которыя получили начало въ 1868 г. и съ перерывами ведутся до послѣдняго времени. Устраивались онѣ какъ въ самой Академіи, такъ и въ другихъ помѣщеніяхъ—во Владимірской читальнѣ, въ Городской думѣ, въ Виржѣ, въ обществѣ приказчиковъ. Такое же значеніе имѣють и проповѣди, бесѣды, чтенія, ведущіяся студентами Академіи и привлекаящія сотни слушателей.

Носителями христіанскихъ идеаловъ и церковныхъ традицій служили и служатъ, наконецъ, питомцы казанской Академіи и по выходѣ изъ духовнаго званія въ свѣтское. Хотя такой выходъ издавна стѣнялся подпискою при выходѣ изъ Академіи (а съ 1864 г. при поступленіи въ нее) служить на духовно-учебныхъ должностяхъ и требо-

ваніемъ съ уходящихъ изъ духовнаго вѣдомства денегъ, издержанныхъ на ихъ содержаніе въ Академіи,—бѣглецы всегда имѣли возможность уклониться отъ этого долга. Особенно много ушло изъ Академіи и изъ духовнаго вѣдомства въ 60-хъ годахъ и въ послѣднее десятилѣтіе, когда нѣкоторые кандидаты Академіи стали переходить въ Университетъ. Всего же чаще они уходили и уходить прямо на службу и преимущественно въ Министерство нар. просвѣщенія, гдѣ нѣкоторые дослуживались до должности директоромъ учительскихъ семинарій, институтовъ, народныхъ школъ той или другой губерніи. Не мало служило и служить имъ и по другимъ вѣдомствамъ: въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, синодальномъ вѣдомствѣ (С. В. Керскій), иностранныхъ дѣлъ (А. Ст. Троянскій, консулъ въ Янинѣ, Ливорно, членъ международной комиссіи надъ турецкими финансами, и И. Ст. Ястребовъ, консулъ въ Скутари, Приврѣнѣ и Солуни).

Литература. Проектъ устава Дух. Академіи 1814 (Спб. 1823 г.). Обзорніе богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ высшихъ дух. училищахъ, напечат. по опредѣленію комиссіи дух. училищъ, Спб. 1814 г. Уставы Дух. Академіи 1869 и 1884 гг. съ Объяснительными къ нимъ записками. Печатные протоколы Совѣта казанской Дух. Академіи съ 1870 г. по 1905 г. Печатные отчеты о состояніи Академіи съ 1871 г. по 1906 г. и Общества вспоможенія недостаточнымъ студентамъ казанской Академіи съ 1883 г. по 1906 г. Проф. *В. В. Знаменскій*, *Исторія Каз. Дух. Академіи запервой (дореформенный) періодъ ея существованія (1842—1870 годы)*, I—III, Казань 1891—1892. Проф. *С. А. Терновскій*, *Историческая записка о состояніи Каз. Дух. Академіи послѣ ея преобразованія: 1870—1892 годы, Казань 1892*. Проф. *И. С. Вердниковъ*, *Краткій очеркъ учебной и ученой дѣятельности Каз. Дух. Академіи за 50 лѣтъ ея существованія: 1842—1892 г.*,—въ сборникѣ „Пятидесятилѣтній юбилей Каз. Дух. Академіи 21 сент. 1892 г.“, изданномъ подъ редакціей А. А. Царевскаго и А. В. Попова (Казань 1893), стр. 96—207. *А. И. Лидовъ*, *Библиотека Соловецкаго монастыря* („Пр. Собес.“ 1859 г., I и II). *Н. И. Ильминскій*, *Воспоминанія о б. бакалаврѣ Каз. Академіи А. А. Бобровниковѣ* („Ученыя Записки каз. Университета“ 1865 г.). *Ие. П. Гвоздева*, *Двадцатипятилѣтіе Каз. Дух. Академіи: историческая записка* („Пр. Соб.“ 1868 г., III). *О. Е. А. Малова*, *Свѣдѣнія о миссіонерскомъ отдѣленіи при Каз. Дух. Академіи* („Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ“, вып. I, Казань 1873 г.). *Л. О.*, *Изъ*

вспоминаній казанскаго студента („Первый шагъ“: *Провинціальныя литературныя сборники, Казань 1876*). *Описание рукописей Соловецкаго монастыря, находящихя въ библиотекѣ Каз. Дух. Академіи*, I (Казань 1881), стр. I—XIV—вступительная статья со свѣдѣніями о библиотекѣ Соловецкаго монастыря. *Н. Я. Аристовъ*, *Къ характеристикѣ Юліана, еп.—па Смоленскаго* („Истор. Вѣстн.“ 1880 г., дек.) и проф. *А. П. Щаповъ* (тамъ же 1882 г. и отд. Спб. 1883). † Проф. *Н. Ф. Красносельцевъ*, *Къ исторіи Прав. Собесѣдника: по поводу 30-лѣтія журнала* („Пр. Соб.“ 1885 г., III). *О. Ник. Романскій*, *Проесс. Іоаннъ, еп. Смоленскій: его жизнь и проповѣдническіе труды* („Чтенія въ общ. любит. дух. просвѣщенія“ 1887 г.). *О. А. А. Виноградовъ*, *Воспоминанія о Каз. Академіи 1832—1856 гг.* („Иркут. Епарх. Вѣд.“ 1890 г. №№ 1—13 и отдѣльно). † Проф. *И. Я. Порфирьевъ*, *О Солов. библиотекѣ, находящейся нынѣ въ Каз. Дух. Академіи* („Труды IV археол. съѣзда“ II, Казань 1891). † *Г. З. Елисеевъ*, *Изъ далекаго прошлаго двухъ Академіи* („Вѣстникъ Европы“ 1891 г., I). † *А. Н. Пытинъ*, *Каз. Дух. Академіи* („Вѣстн. Евр.“ 1892 г., дек.). *П. П. Остроумовъ*, *Воспоминанія о миссіонерскомъ противомусульманскомъ отдѣленіи при Каз. Дух. Академіи* („Пр. Соб.“ 1892 г., I). *А. П. Щаповъ* и *А. А. Бобровниковъ*, *Бакалавры каз. Дух. Акад. изъ воспитанниковъ иркутской Дух. Семинаріи* („Ирк. Еп. Вѣд.“ 1892 г., №№ 40 и дал.). *Г. С. Саблуковъ*, *бывшій преподаватель сарат. Дух. Сем. и профессоръ Каз. Дух. Академіи* („Сарат. Еп. Вѣд.“ 1892 г., № 18). *Студенты Каз. Дух. Академіи на службѣ въ вятской губерніи* („Вят. Еп. Вѣд.“ 1892 г., №№ 17 и 18). *Отношенія Каз. Дух. Академіи къ нижегородской Семинаріи въ первыя 25 лѣтъ существованія Академіи* („Нижегор. Еп. Вѣд.“ 1892 г., № 18). *Къ исторіи высшей дух. школы въ Россіи* („Странникъ“ 1892 г., сент.). *Пятидесятилѣтній юбилей Каз. Дух. Академіи* („Церк. Вѣстн.“ 1892 г., № 38). *Привѣтственная статья редакціи „Рязан. Еп. Вѣдомостей“* („Ряз. Еп. Вѣд.“ 1892 г., № 21). *Н. В. Знаменскій*, *На память о Н. И. Ильминскомъ: къ 25-лѣтнію Братства свят. Гурія, Казань 1902 г.* † *О. В. Е. Пляшкскій*, *Записки* („Русская старина“ 1905 г., т. 123). *Н. Юдинъ*, *Къ биографіи Г. С. Саблукова* („Рус. Стар.“ 1905 г., кн. XII). *О проф. Ф. И. Титовѣ*, *Два справки по вопросу о преобразованіяхъ Дух. Академіи въ Россіи въ XIX в.* („Христ. Чт.“ 1907 г., янв., февр., апрѣль). Проф. *Ф. В. Благоводовъ*, *Къ исторіи современнаго движенія академическаго студенчества* („Церк.-Общественная Жизнь“ 1906 г., №№ 5 и 8). *Старый миссіонеръ*, *Миссіонерское отдѣленіе при Каз. Дух. Академіи и внутренняя миссія въ Россіи* (тамъ же, №№ 15, 19, 24). *Протоколы VI отдѣла Предсоборнаго Присутствія. Прот. В. Лаврскій*, *Мои воспоминанія объ архим. Феоdorf (А. М. Бухаревѣ)* („Богословскій

Въстникъ“ 1905 г., II; 1906 г., II, III). Для исторіи Каз. Академіи всего болѣе матеріаловъ даетъ „Православный Собесѣдникъ“ какъ въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ особенно въ названныхъ статьяхъ, въ некрологахъ профессоровъ и ректоровъ, въ описаніяхъ юбилеевъ и прощаній, въ отдѣлѣ „Изв. академической жизни“.

К. Харламовичъ.

Каликъ Георгъ имѣетъ особое значеніе въ исторіи науки „Нравственнаго богословія“. Последнее до XVI-го столѣтія преподавалось и на Западѣ Европы совмѣстно съ „Догматическимъ богословіемъ“. Обѣ области были перемѣшаны и сколько-нибудь отчетливо не обособлялись, что крайне вредно отзывалось и на той, и на другой научныхъ богословскихъ отрасляхъ,—тѣмъ болѣе, что онѣ по своему существу отличны одна отъ другой, хотя и не лишены взаимной связи. Нравственное, въ особенности, богословіе вело безличное существованіе. Нравственные вопросы,—въ виду того, что Нравственное богословіе было только составною частью Догматическаго,—раскрывались лишь попутно и потому безъ желательной обстоятельности въ ихъ раскрытіи не было надлежащей систематичности; тормовилось и дѣло выясненія самихъ догматическихъ вопросовъ и т. д. Серьезную попытку обособить эти двѣ научныхъ отрасли впервые сдѣлалъ—реформатскій богословъ *Ламбертъ Данэй* и лютеранскій богословъ *Георгъ Каликъ*. Данэй—авторъ сочиненія „Ethices Christianae libri III“ (1577). До его времени имѣлись только философскія (языческія) моральныя системы, какъ самостоятельныя, обособленныя явленія, а, благодаря ему, видимъ и христіанскую. „Какъ въ собственномъ смыслѣ этическая наука,—говоритъ *Кюбель* (въ *Christliche Ethik I, München 1896, S. 39*),—и, при томъ съ сознаніемъ различія отъ философской этики, христіанская этика выступать на сцену у Данэя“ (см. мою статью: „Забытый юбилей: 300-лѣтняя годовщина смерти Ламберта Данэ, отца науки христіанской этики, какъ особой въ ряду другихъ“ въ „Христ. Чтен.“ 1896 г., сент.—окт., стр. 272—278). То, что сдѣлалъ на реформатской почвѣ Данэй (или Данэ), на лютеранской осуществлялъ (до нѣкоторой степени) Георгъ Каликъ, но уже послѣ эпохи Данэя. Онъ—авторъ сочиненія: „Eritomes theologiae moralis“... (Helmst. 1634), извѣстнаго именно съ отрицательной стороны—и только. Само же по себѣ сочиненіе предста-

вляетъ „трудъ неполный, только фрагментъ, мало систематичный, не остающійся върнымъ своему богословскому характеру, предлагающій смѣшеніе богословской и философской морали“ (см. мою книгу: „Нравственное Богословіе въ Россіи въ теченіе 19-го столѣтія“, Спб. 1901, стр. 22). Какъ бы невысоко ни цѣнили мы трудъ Георга Каликста съ его научной стороны,—тѣмъ не менѣе заслуга этого богослова для Нравственнаго богословія сомнѣніямъ не подлежитъ. Отнынѣ и на лютеранской почвѣ данная научная богословская отрасль стала разрабатываться самостоятельно въ пользѣ не только для нея, но и для Догматическаго богословія. Каждая изъ этихъ наукъ, отнынѣ развиваясь самостоятельно, благодаря этому вскорѣ же сдѣлала быстрые шаги впередъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ ихъ исторія; для Нравственнаго специально богословія см. въ особенности труды: *D. Chr. Ernst Luthardt'a, Geschichte der christlichen Ethik, II: Geschichte der christlichen Ethik seit der Reformation, Lpzg 1893*; *† Dr. W. Gass'a, Geschichte der christlichen Ethik, II, 1: Sechszehntes und siebzehntes Jahrhundert; Die vorherrschend kirchliche Ethik (Berlin 1886); II, 2: Achtzehntes und neunzehntes Jahrhundert; Die philosophische und die theologische Ethik (Berl. 1887)*; *Dr. Theobald Ziegler'a, Geschichte der christlichen Ethik (2 Aufl. Strassburg 1892)*. А такъ какъ Нравственное богословіе въ Россіи развивалось подъ влияніемъ системъ западно-европейскихъ, то отсюда ясно, что успѣшный ростъ послѣднихъ былъ не безразличенъ и для русскихъ богослововъ (см. подробности въ цитов. моей книгѣ „Нрав. Богословіе въ Россіи“...).

Въ заключеніе укажемъ нѣсколько сочиненій, дополняющихъ указываемую Н. В. П.—вымъ (стлб. 24—27) литературу, о Георгѣ Каликѣ. 1) Цит. сочин. *Luthardt'a, S. 187—192, § 21. 2) Цит. соч. Gass'a (Zweites Bandes erste Abth.), S. 278—283, § 61. 3) Цит. соч. Ziegler'a, S. 495 стлб. 4) Нѣкоторая литература указана у Ziegler'a, S. 496, Anmerk. 5) У *Брокгауза-Ефрона* въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ статья: *Каликъ Георгъ* (полут. XXVII; Спб. 1895, стр. 29). 6) Помимо указанного у Н. В. П.—ва сочиненія *Henke* о Г. Каликѣ слѣдуетъ имѣть въ виду „паданную *Henke*“ въ 1833 г. интересную „переписку Каликста“. 7) Цит. мое сочин. „Нравств. Богословіе въ Россіи“, стр. 22. 8) Моя статья „Новый опытъ построения науки Нрав. Богословія“... („Христ. Чт.“, 1899 г., дек., стр. 1095).*

Проф. А. Бронзовъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: info@axion-estin.ru**